

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ"

В.С. Клопихина

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
В 1920-1930 годы (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИСТПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

МОНОГРАФИЯ

СТАВРОПОЛЬ

СТАВРОПОЛЬ
издательство
2018

УДК 93+908
ББК 63.3(2)
К 50

Рецензенты:

*Т.Н. Плохотнюк, доктор исторических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет*

*К.Р. Амбарцумян, кандидат исторических наук,
Северо-Кавказский федеральный университет*

*Под научной редакцией доктора исторических наук,
профессора Т.А. Булыгиной*

Клопихина, В.С.

К 50 **Политика памяти как инструмент реализации советской идеологии в 1920-1930 годы (по материалам истпарта Северного Кавказа) :** монография [Текст] / В.С. Клопихина ; под научной редакцией д-ра ист. наук, проф. Т.А. Булыгиной. – Ставрополь : Ставролит, 2018. – 220 с.

ISBN 978-5-907161-05-4

**УДК 93+908
ББК 63.3(2)**

В монографии проанализирована деятельность истпартов Северного Кавказа в качестве привилегированных институций при осуществлении политики памяти советской власти в 1920-1930-е годы. Автором изучена специфика создания истпартами источниковой базы для формирования новой модели исторической памяти, проанализированы основные направления исследовательской и пропагандистской работы истпартов Северного Кавказа при реализации идеологических целей партии большевиков. В работе рассмотрен процесс создания историко-революционного и историко-партийного нарратива, содержащего одобренную властью трактовку исторических событий, которая должна была стать центральной в новой модели исторической памяти и отражать локальную специфику.

Издание предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, преподавателей и исследователей, интересующихся данной темой.

© Клопихина В.С., 2018
© Ставропольский государственный педагогический институт, 2018
© Издательство "Ставролит", 2018

ISBN 978-5-907161-05-4

Введение

Большевики с первых шагов у власти поставили амбициозную цель сформировать "нового человека" с новым коммунистическим сознанием. Составной частью переделки массового сознания являлось формирование нужной власти модели исторической памяти.

В начале 1920-х годов была организована новая система научных, образовательных, общественных, просветительских центров, в числе которых был создан в 1920 г. Истпарт – комиссия, а с 1921 г. – отдел ЦК РКП(б). Истпарт являлся научно-исследовательской и пропагандистской организацией, занимавшейся сбором, хранением, научной обработкой, изданием и популяризацией материалов по истории Октябрьской революции, Гражданской войны и коммунистической партии. Также была образована сеть региональных истпартов, в том числе на территории Северного Кавказа, принимавших активное участие в конструировании концепции истории Октябрьской революции и Гражданской войны на локальном уровне.

Истпарт и система региональных истпартов, функционирование которых приходится на 1920-1930-е годы, являлись одним из инструментов реализации политики памяти советской власти и формирования новой модели исторической памяти, адекватной потребностям советской системы.

Политика памяти связана с регулированием государством коллективной памяти и может осуществляться различными способами: сооружением памятников, организацией музеев, учреждением новых праздников, созданием новых научных, образовательных, общественных, просветительских институтов, приоритетным финансированием исследований по определенной исторической проблематике, регулированием доступа к архивам и др.

Политика памяти реализовывалась советской властью многообразными методами и средствами и через различные организационные

структуры. Однако именно истпартаы являлись привилегированными институциями в системе политики памяти большевиков, выполнявшими задачу выработки новой модели исторической памяти с целью воздействия на общество сверху. Изучение материалов истпартов позволяет выявить механизм воздействия властных институтов на процесс трансформации исторической памяти в период социокультурных перемен, раскрыть процесс формирования новой модели исторической памяти как обязательного условия успешного функционирования советской социально-политической системы, позволяет судить о роли партийных органов в "перелицовке" массового сознания России в первые десятилетия советской власти.

В современных условиях, когда власть ищет объединяющую национальную идею и стремится к трансформации коллективной памяти, соответствующей современным требованиям, обращение к историческим примерам использования властного ресурса с целью конструирования новой модели исторической памяти представляется актуальным, а уроки организации и функционирования истпартов могут быть весьма поучительны.

В процессе функционирования истпартов создавался историко-революционный и историко-партийный нарратив, содержащий одобренную властью трактовку исторических событий, которая должна была стать центральной в новой модели исторической памяти. Созданный региональными истпартами исторический нарратив дает возможность изучить способы повествования о прошлом, специфику организации текста, то есть исследовать дискурс памяти. Исследование истории формирования историко-революционного нарратива позволяет также изучить процесс и механизм трансформации фактов реальности в факты исторической памяти. В первые годы советской власти в стране существовал так называемый "контрнарратив", отражающий иную от властной трактовку истории. В том числе и интерпретацию истории Октябрьской революции и Гражданской войны как центральных сюжетов, которые должны были создавать позитивный образ власти правящей партии в общественном сознании, тем самым выполняя функцию идеологической легитимации.

Теоретики истпартовского движения ставили перед истпартами как пропагандистские цели, так и задачи проведения научно-исследовательской работы. Здесь надо учитывать то обстоятельство, что доктринальная установка большевиков состояла в том, что марксистская

идеология является научно-теоретическим построением, то есть между наукой и идеологией ставился знак равенства. Поэтому идеология зачастую выступала критерием научности, разрушая тем самым научность печатной продукции.

Это влияло на механизм конструирования истории недавних событий, интерпретация которых являлась элементом формирующейся советской идеологии. В эпоху становления нового советского государства важность идеологии определялась тем, что она, выступая в качестве нематериального фундамента общества, должна была выполнять функцию обоснования существующего устройства, освобождать человека от ощущения неопределенности. Идеология находила конкретное воплощение в том числе и в создаваемых истпартами историко-революционных образах.

Генерирующим компонентом советской идеологии являлась интерпретация истории. Изучение работы истпартов на протяжении двух послереволюционных десятилетий позволяет увидеть формирование исторической идеологии как компонента советской идеологии, превращение ее в инструмент управления массами. Манипулятивным инструментом в истпартовских нарративах были не только создаваемые образы, но и маркированные термины-идеологемы как средство управления массовым сознанием. По словам Н.А. Купиной, в языке советской эпохи идеологема представляла "вербально закрепленное идеологическое предписание" ¹.

Созданные в 1920-1930-е годы "места памяти" в рамках политики памяти истпартов были "закрытыми", т.к. фиксировали строго установленную интерпретацию исторических событий с приоритетным акцентированием внимания на установленных властью сюжетах. Центральной темой в новой модели исторической памяти являлась интерпретация истории Октябрьской революции 1917 года. Создание исторического нарратива, посвященного этому событию, было приоритетным, т.к. концепция революции стала основой идеологической трактовки "Великого Октября" и, соответственно, элементом советской идеологии. В 1930-е годы произошло изменение содержательных аспектов конструирования модели исторической памяти, в которой центральной фигурой стал образ И.В. Сталина. Многообразие созданных в 1920-е годы локальных нарративов памяти необходимо было свести к

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 13.

единому в соответствии с ключевой задачей идеологии 1930-х годов – пропагандой культа вождя.

Важным средством реализации идеологических целей власти по созданию новой модели коллективной памяти и внедрения ее в массовое сознание были юбилейные даты новых революционных праздников, когда и актуализировалось пропагандистское направление работы истпартов. Не случайно, по мнению Т.А. Булыгиной, социальная задача советской идеологии как раз и заключалась в строительстве уникального социума в виде массового тела ².

Хронологические рамки исследования включают 1920-1930-е годы и обусловлены созданием в сентябре 1920 г. центрального Истпарта и последовавшей затем организации системы местных истпартов. Верхняя граница связана с ликвидацией в декабре 1939 г. региональных истпартов как инструментов политики памяти советской власти на локальном уровне.

Территориальные рамки исследования определены границами современных административных единиц Ростовской области, Краснодарского края, Ставропольского края, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи. Функционирование краевого истпарта как привилегированной институции реализации политики памяти на локальном уровне, изначально координировавшего истпартовскую работу на территории Юго-Востока России – Северного Кавказа, и административные преобразования 1920-1930-х годов позволяют объединить в рамках исследования указанные территории. При этом Дагестан не включен в географические рамки работы по причине того, что в 1920-е годы, то есть в период наиболее активного функционирования истпартов в регионе, он не входил в пределы Северо-Кавказского края, а потому проблема осуществления политики памяти в Дагестане требует самостоятельного исследования ³.

² Булыгина Т.А. Советская идеология и общественные науки. – М.: МАДИ, 1999. – С. 61.

³ С марта 1921 г. в г. Ростове-на-Дону функционировало Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б), являвшееся полномочным областным органом ЦК РКП(б), выделенное из Кавказского бюро ЦК РКП(б) и руководившее партийными организациями Дона, Кубани, Ставрополя, Терка, с октября 1921 г. – Дагестанской и Горской АССР, с января 1922 г. – Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, с июля 1922 г. – Адыгейской АО. В феврале 1924 г. в одну большую Юго-Восточную область с центром в г. Ростове-на-Дону были объединены Донская и Кубано-Черноморская области. В августе 1924 г. в ее состав были включены Шахтинский и Таганрогский округа Донецкой губернии Украинской ССР. В октябре того же года были упразднены остальные

Рассмотрение деятельности истпартов в качестве инструмента конструирования новой модели исторической памяти и перекройки исторического сознания вызвало необходимость определить отношение автора к этим двум понятиям. Осмысление этих категорий носит междисциплинарный характер, т.к. они стали предметом изучения гуманитаристики в целом. Несмотря на наличие многочисленных исследований по данной проблематике, понимание этих категорий учеными и сегодня носит дискуссионный характер. В отечественной исторической науке особенно востребованы концепты исторического сознания и исторической памяти в рамках интеллектуальной истории, в русле которой происходит не только их теоретическое осмысление, но неуклонно возрастает количество практических исследований по данной проблематике.

Истоки использования понятия "историческое сознание" в отечественной науке связано с разработками конца 1960-х годов Ю.А. Левады. Выделяя историческое сознание как форму общественного сознания, он обозначил, что историческое сознание представляет совокупность многообразных стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, свое движение во времени ⁴.

губернии Северного Кавказа – Ставропольская и Терская, которые были преобразованы в округа. Они, а также территория ликвидированной в июле 1924 г. Горской АССР (она распалась на Северо-Осетинскую АО, Ингушскую АО и Сунженский казачий округ) и Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Чеченской и Черкесской (Адыгейской) АО были 17 октября 1924 г. объединены вместе с Юго-Восточной областью в Северо-Кавказский край, который охватывал всю территорию Северного Кавказа, за исключением Дагестанской АССР и Калмыцкой АО. В 1930 г. округа Северо-Кавказского края были упразднены, а их районы подчинены непосредственно центру – г. Ростову-на-Дону. В ноябре 1931 г. Дагестанская АССР была введена в состав Северо-Кавказского края. В 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на две половины: западную – Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и восточную – собственно Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске, переименованный в 1937 г. в Орджоникидзевский край с центром в г. Ворошиловске. В состав Азово-Черноморского края вошли территории нынешних Ростовской обл. и Краснодарского края, а также Адыгейская АО и Северная обл. (Миллерово). В составе Северо-Кавказского края остались территория нынешнего Ставропольского края, а также почти все автономные области Северного Кавказа: Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Черкесская, Северная Осетия, Чечено-Ингушская. В 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область, а из состава Орджоникидзевского края вышли Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области.

⁴ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 187, 192.

Четкое разграничение понятий "историческое сознание" и "историческая память" связано с теоретическими разработками М.А. Барга. По словам М.А. Барга, историческое сознание не тождественно исторической памяти и включает три модальности времени: прошлое, настоящее и будущее. При этом он утверждал, что стержнем исторического сознания является историческое настоящее, а прошлое является только гранью исторического сознания. Кроме того, исследователь отмечал неправомерность без оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, так как первое является лишь измерением, срезом второго⁵. В целом М.А. Барг под категорией "историческое сознание" понимал культурную универсалию, определяющую пространственно-временную ориентацию общества.

Современные отечественные авторы опираются на разработки таких зарубежных исследователей, как М. Хальбвакс, А. Ассман, Дж. Тош, Й. Рюзен, Ф. Йейтс, П. Хаттон и др., и привносят свое видение данной проблемы.

Одним из базовых положений теории памяти является понятие коллективной памяти, введенное в 1920-е годы М. Хальбваксом, обозначившим ее связь с социальной группой. Коллективная память, имеющая исторический характер, понималась им в качестве формы идентичности относительно небольших социальных групп, основанной на причастности к определенным событиям или явлениям прошлого, и ограниченной во времени жизнью одного-двух поколений⁶. Однако, в отличие от М. Хальбвакса, противопоставлявшего не только индивидуальную и коллективную память, но и историю и память, большинство современных авторов полагают, что история является составной частью исторической памяти, а сами историки оказывают влияние на коллективную память⁷. Данный подход позволяет многим авторам выделять профессиональный (научно-теоретический) и обыденный уровни исторического сознания⁸.

Расширяет представление о специфике коллективной памяти работа С. Зонтаг, в которой автор отождествляет понятия коллективная

⁵ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 5, 6, 24.

⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. – М., 2007.

⁷ См., напр.: Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.14. – М., 2005. – С. 106-120.

⁸ См., напр.: Зубкова Е.Ю. История и общественное сознание // Преподавание истории в школе. – 1994. – №1. – С. 6.

память и идеология. С. Зонтаг утверждает, что коллективная память на самом деле не является памятью, а представляет собой конвенцию, соглашение. Идеологии, по ее мнению, создают архивы образов, помещая в них представления людей о важном⁹.

Интерес представляет точка зрения Л.П. Репиной на сущность таких концептов, как "историческая память" и "коллективная память". Л.П. Репина отмечает, что в современных исследованиях они могут употребляться в несовпадающих значениях. Она оговаривает, что "историческая память" понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом¹⁰. Л.П. Репина рассматривает также механизм превращения индивидуальной памяти в коллективную. По словам исследовательницы, это происходит в процессе коммуникации, а для этого коммуникация должна быть артикулирована посредством речи, ритуалов, изображений и т.д. При этом, как разъясняет Л.П. Репина, различие между персональной и социальной памятью относительно¹¹.

В то же время индивидуальная и коллективная историческая память находятся в диалектическом взаимоотношении, когда одна формируется под влиянием другой и наоборот. Сама же историческая память, по словам Т.А. Булыгиной, является конструктом, рожденным сознанием, который принципиально отличается от самого прошлого, так как оно наполняется новым смыслом¹².

В современной исторической науке изучены отдельные аспекты проблемы формирования исторического сознания и исторической памяти советского общества и создания историко-революционной мифологии. Среди них нужно отметить исследования, в которых проанализированы способы воздействия властных институтов на конструирование исторической памяти. Эти труды помогают проследить механизм влияния

⁹ Sontag S. Regarding the Pain of Others. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2003.

¹⁰ Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – №5. – С. 42.

¹¹ Там же. – С. 44.

¹² Булыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память: Мужвз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов, 2010. – Вып. 1. – С. 7.

истпартовской работы на массовое сознание, а также роль истпартов в формировании новой модели исторической памяти. Таковы работы В.Н. Данилова и П.Б. Гречухина¹³. В.Н. Данилов показал влияние разнообразных факторов на формирование исторического сознания. В частности, это государственные институты, непосредственно участвовавшие в этом процессе, политическая жизнь 1920-х годов и ее влияние на освещение прошлого, многочисленные пропагандистские мероприятия первого послереволюционного десятилетия, преследовавшие цель закрепить в историческом сознании советского народа ключевые идеологемы. Автор осветил меры по созданию исторически мифологизированного образа И.В. Сталина. П.Б. Гречухин, отмечая, что историческая наука является базовым генерирующим компонентом в общей структуре исторического сознания общества, показал важность создания условий для конструирования исторического сознания, чем и занимались властные институты. Правда, влияние Истпарта и его местных отделений на процесс конструирования исторического сознания в этих работах показано незначительно, но это не было непосредственным предметом изучения.

Анализ советской праздничной культуры, которая была основой для конструирования новой картины прошлого, сделан С.Ю. Малышевой¹⁴. Несмотря на то, что в работе изучена раннесоветская праздничная культура Казанской губернии/Татарской республики 1917-1927 гг., ее общероссийский контекст позволил сделать автору выводы, которые представляют непосредственный интерес для раскрытия роли истпартов в организации празднования юбилеев партийно-советской власти. В частности, С.Ю. Малышева показала, как в процессе формирования праздничной культуры создавался новый меморативный метанарратив и новая историческая мифология. При этом исследовательница обозначила участие в этом местных истпартов. Она проанализировала способы, приемы и механизм, с помощью которых новые праздники, а с ними и новая картина прошлого и настоящего популяризировались в массах, а также проблемы восприятия населением

¹³ Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества: Курс лекций. Саратов, 2005; Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997.

¹⁴ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). – Казань, 2005.

советской праздничной культуры. Автор показала, что празднества первого советского десятилетия, призванные легитимизировать власть большевиков, были ориентированы на сотворение подходящих коллективных воспоминаний о событиях революционной истории и, прежде всего, об Октябрьской революции, а также закрепляли их в народной памяти. Исследовательница пришла к выводу, что праздничный меморативный нарратив закреплял в коллективной памяти общества образ исторических событий, нередко стирая противоречащие ему индивидуальные воспоминания.

Интерес представляет монография британского исследователя Ф. Корни, в которой интерпретация истории Октябрьской революции рассмотрена в качестве "нарратива основания" новой советской национальной идентичности¹⁵. На основе обширной источниковой базы Ф. Корни показал процесс конструирования историко-революционной мифологии, отметив, что изначально это являлось средством легитимизации власти большевиков при существовании в первые послереволюционные годы мощного "контрнарратива". В развернувшейся борьбе за власть внутри большевистской партии интерпретация Октябрьской революции также, по словам исследователя, имела высший легитимизирующий статус. Значительное внимание в конструировании "Октябрьской" мифологии автор уделил созданию и работе Истпарта, имевшего, по мнению исследователя, функцию "институционализации памяти". Десятилетний юбилей Октябрьской революции в 1927 г. рассматривается Ф. Корни в качестве первой успешной публичной наррации большевистской истории. Однако многие выводы исследователя, на наш взгляд, не применимы ко всей территории Советского Союза, автором не была учтена неоднородность пространства страны, к примеру, специфика многонационального Северного Кавказа, где историко-революционная мифология получила неодинаковое распространение.

Источниковая база работы представлена несколькими группами источников. Основную их часть составляют архивные материалы, извлеченные из 23 фондов одного центрального и четырех региональных архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Ставропольс-

¹⁵ Corney F. C. Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, London, 2004.

кого края (ГАСК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Извлеченные из архивов источники представлены обширной группой делопроизводственных материалов Истпарта ЦК РКП(б) – ВКП(б), Института В.И. Ленина, Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ) и местных истпартов, сосредоточенные в соответствующих фондах РГАСПИ и региональных архивов. Значительный массив этой группы составляет деловая переписка Истпарта, Института В.И. Ленина, ИМЭЛ с местными истпартотделами, отражающая широкий спектр вопросов функционирования истпартов как институциональных органов реализации политики памяти советской власти.

К делопроизводственным материалам относятся и локальные нормативные документы, регламентирующие организационные формы истпартовской работы, основные направления деятельности истпартов, методику осуществления научно-исследовательской и популяризаторской работы: циркуляры, директивы, инструкции Истпарта, Института В.И. Ленина, ИМЭЛ; циркуляры и инструкции местных истпартов, присылаемые в центр в качестве доказательства проводимых мероприятий по налаживанию и организации истпартработы на подведомственной территории. В них представлена информация по проблемам организации пространства истпарта, видение центром и местными истпартами специфики деятельности. Важными источниками является протокольная документация истпартотделов, местных комитетов РКП(б) – ВКП(б), коллегий истпартотделов, групп содействия, комиссий по организации историко-революционных празднований, бюро филиала ВОСБ. В целом, эта группа источников позволяет не только увидеть значение Истпарта – Института В.И. Ленина – ИМЭЛ в организации и руководстве истпартовской сетью, их роль в качестве новых центров, но и реконструировать организационные формы истпартработы в регионах, специфику их собирательской, научно-исследовательской и пропагандистской деятельности.

Среди архивных материалов большой интерес представляет группа рукописей. Это тезисы по историко-революционным и историко-партийным вопросам; схемы разработки материалов и подготовки очерков; рецензии на рукописи и публикации местных истпартов; выписки из газет, журналов, книг по историко-революционной проблематике; перечни архивных и печатных материалов, отражающие предваритель-

ную работу по подготовке изданий; рукописи истпартовских сотрудников, в том числе никогда не опубликованные; теоретические материалы. Их изучение, с одной стороны, позволяет сравнительно с опубликованными версиями выявить авторскую модель и определить, как влияли властные идеологические установки на работу истпартовцев. С другой стороны, их исследование помогает более широко представить деятельность истпартов по разработке идеологической концепции, процесс выработки транслируемых в общественное сознание исторических знаний.

В рамках исследования используются источники личного происхождения. Это собранные истпартами воспоминания о революции 1905 года, революционных событиях 1917 года и Гражданской войне в регионе, деятельности лидеров партии на Северном Кавказе; автобиографии; стенограммы вечеров воспоминаний, совещаний; протоколы торжественных собраний участников историко-революционных событий. Их анализ не только показывает специфику создания нового корпуса источников личного происхождения, но позволяет реконструировать особенности формирования исторической памяти.

Значительный массив источников составляют опубликованные документы и материалы. Опубликованные источники по своему происхождению и содержанию представлены несколькими группами. Первая группа источников – законодательные и нормативные акты. Это декреты первых лет советской власти, руководящие материалы РКП(б) – ВКП(б), раскрывающие комплекс мер по организации и регламентации деятельности новых центров, в том числе Истпарта и его региональных отделений, Института В.И. Ленина, ИМЭЛ, идеологической политики правящей партии. Привлекаемые документы были опубликованы не только в специализированных сборниках¹⁶, но и в изданиях Истпарта¹⁷.

Вторую группу составляют партийные документы. Это материалы партийных съездов, пленумов и конференций РКП(б) – ВКП(б), постановления и резолюции партийных съездов¹⁸. Несмотря на то, что про-

¹⁶ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы / сост. Е.А. Кучпа. М., 1988; Сборник руководящих материалов по архивному делу. – М., 1961.

¹⁷ Бюллетень Истпарта №1. М., 1921; Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920.

¹⁸ Протоколы IX съезда РКП(б). М., 1934; Протоколы X съезда РКП(б). – М., 1933; XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968; XIII съезд РКП(б). Стенографичес-

исходило слияние партийных и государственных структур, источники партийной власти имеют свою специфику. Их изучение помогает увидеть позицию властных структур в отношении истории, основные направления пропаганды исторических знаний.

Третья группа представлена публицистикой. Это, прежде всего, тексты В.И. Ленина¹⁹. В них раскрывается видение задач создания "нового человека", основным средством реализации которой было "воспитание" и "перевоспитание". В рамках данной группы нужно отметить работы Л.Д. Троцкого. Так, его произведение "Уроки Октября" находилось в центре внутрипартийной дискуссии 1924-1925 годов, результаты которой в свою очередь повлияли на дальнейшую интерпретацию историко-революционных проблем. В опубликованной уже за рубежом в начале 1930-х годов работе Л.Д. Троцкого интерес представляет так называемое "Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б)", датированное октябрём 1927 г.²⁰ В качестве источника, не только раскрывающего сущность внутрипартийной дискуссии, но и показывающего сталинское видение специфики функционирования Истпарта как "истолкователя партийных документов", в работе использована речь И.В. Сталина, известная под названием "О троцкизме"²¹. Также важным источником является "письмо" И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция", раскрывающее факторы, повлиявшие на трансформацию содержания разработки историко-революционной проблематики, в том числе и на научно-исследовательскую и идеологическую работу истпартов²². Кроме того, интерес представляет статья К.Е. Ворошилова, посвященная пятидесятилетию юбилею И.В. Сталина, опубликованная в газете "Правда" в 1929 г., заложившая основы создания его

кий отчет. – М., 1963; XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., Л., 1928; КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Т.3. 9-е изд. – М., 1984.

¹⁹ Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.41. 5-е изд. – М., 1974. – С. 398-408; Его же. Речь на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Там же. Т.42. 5-е изд. – М., 1974. – С. 162-171.

²⁰ Троцкий Л.Д. Уроки Октября [Репринт. изд.]. – Л., 1991; Его же. Сталинская школа фальсификаций [Репринт. изд.]. – М., 1990.

²¹ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т.7. – М., 1952. – С. 6-10.

²² Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Сталин И.В. Сочинения. Т.13. – М., 1951. – С. 84-102.

образа в общественном сознании и конструирования сталинской модели исторической памяти²³.

Источниками, образующими четвертую группу, являются публикации истпартов Северного Кавказа²⁴. Их анализ позволяет выявить специфику создания локальных историко-революционных и историко-партийных нарративов, увидеть особенность воплощения методологических установок центра, стремление следовать идеологической конъюнктуре в процессе выработки историко-революционной и историко-партийной концепции, определить возможность данных нарративов участвовать в процессе конструирования исторической памяти.

Пятая группа источников – периодическая печать. Данная группа представлена органом Истпарта ЦК РКП(б) – ВКП(б), Института В.И. Ленина, ИМЭЛ – журналом "Пролетарская революция", на страницах которого публиковались не только воспоминания и исследовательские статьи, но и методологические статьи, руководящие материалы, директивы и циркуляры партии и самого Истпарта, инструкции и схемы сбора и разработки материала, тексты стенограмм и протоколов совещаний истпартработников. Также на его страницах публиковались обзоры деятельности и отчеты местных истпартов, в разделе библиографии – рецензии на их издания. Эта информация служит источником

²³ Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия. – М., 1939.

²⁴ См., напр.: Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. – Т.1, 2. – Ростов-на-Дону, 1930; Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1933; В.И. Ленин о Северном Кавказе и партийных организациях Дона, Кубани и Терека: сб. / сост. Н. Буркин. – Ростов-на-Дону, 1934; Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920). Исторический очерк. – Ставрополь, 1928; История революционного движения на Тереке. Сб. статей, воспоминаний, материалов №1. – Пятигорск, 1924; Лиманский А. Заложники у белых. – Ростов-на-Дону, 1927; Октябрь на Кубани и Черноморьи. – Краснодар, 1924; Панасий Г. Рабочее движение в Азово-Черноморском крае (1860-1900). – Ростов-на-Дону, 1935; Пролетарская революция на Дону. Сб.1, 2, 3. – Ростов-на-Дону, 1922; Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1927; Революция 1905 г. на Северном Кавказе: сб. документов и материалов №1. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1926; Семернин П. Рабочий класс в революции 1905-1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. – Ростов-на-Дону, 1935; Токарев Н. Календарь революции 1905 года на Дону. – Ростов-Дон, 1926; Эшба Е. Асланбек Шерипов (опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова, в связи с народно-революционным движением в Чечне). К 10-летию Октябрьской революции. Грозный, 1929; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т.1, 2. – Ростов-на-Дону, 1927; Его же. От победы к победе. Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1931.

для изучения деятельности региональных отделений. В данную группу входят и местные периодические издания: журнал "Ставрополье", газеты "Власть Советов", "Красное Знамя", "Молот", "Орджоникидзевская правда", "Пролетарий Осетии" "Советский юг", "Терек", "Северо-Кавказский Большевик", на страницах которых печатались популярные работы истпартов, воспоминания, документы революционных лет и другие материалы с целью воздействия на массовое сознание. Данная группа источников помогает изучить деятельность истпартов в качестве инструмента конструирования новой модели исторической памяти, утверждение в нем определенного образа истории революционных лет.

Таким образом, источниковая база позволяет реконструировать организационные принципы функционирования системы истпартов на Северном Кавказе в качестве инструмента политики памяти правящей партии, рассмотреть специфику создания источниковой базы для формирования новой модели исторической памяти, определить основные направления исследовательской и пропагандистской работы истпартов Северного Кавказа при реализации идеологических целей власти.

Глава 1

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ИСТПАРТОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1.1. ИСТОКИ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИСТПАРТОВ

О необходимости оформления новых источников исторической мысли, отвечавших идеологическим целям новой власти, говорилось еще в 1918 г., когда 5 июня было опубликовано обращение секретариата ЦК РКП(б) "Ко всем партийным организациям", призывающее присылать материалы об их деятельности. В.И. Ленин в личных беседах с М.Н. Покровским и В.В. Адоратским в 1919 г. поставил конкретную задачу написания хроники событий Октябрьской революции ¹.

В августе 1920 г. при Государственном издательстве (Госиздат) была образована Комиссия по истории партии. По словам М.Н. Покровского, идея образования комиссии по истории партии принадлежала М.С. Ольминскому, который и был назначен ее председателем. Одновременно у сотрудников Главного архивного управления РСФСР (Главархив) родилась идея образования самостоятельной комиссии по истории Октябрьской революции. Обосновывая необходимость ее создания, М.Н. Покровский указывал на разные задачи двух комиссий. По его мнению, история Октябрьской революции является "обычной" исторической проблемой. Ее изучение основано на "докумен-

¹ Пролетарская революция. – 1930. – №7-8. – С. 138-139.

тах", а потому к исследовательской работе могут быть привлечены "всякие исторические силы, вплоть до беспартийных". История же партии, согласно соображениям М.Н. Покровского, опирается не столько на документы, сколько на воспоминания непосредственных участников, а потому для ее изучения нужны "не столько историки-специалисты, сколько старые товарищи, очень близко стоящие к партийной жизни"². Однако В.И. Ленин отдельной комиссии по истории Октябрьской революции образовать не разрешил. Его решение было обусловлено не только материально-техническими и кадровыми трудностями, но и идеей, лежащей в основании образования Истпарта, о невозможности отделить историю партии от истории Октябрьской революции, что в дальнейшем отразилось на интерпретации последней и создании историко-революционного и историко-партийного нарратива.

22 сентября 1920 г. было принято постановление СНК РСФСР об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии при Народном комиссариате просвещения в составе 9 членов, утверждаемых СНК³. По предложению М.С. Ольминского эту комиссию называли сокращенно Истпарт⁴. Фактически Истпарт должен был обеспечить новую модель исторической памяти новой источниковой базой и новой исторической концепцией. Состав Комиссии в течение всего времени своего функционирования изменялся. Первоначально в него входили В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин, А.С. Бубнов, В.И. Невский, М.С. Ольминский, М.Н. Покровский, В.А. Быстрянский, Д.Б. Рязанов, С.А. Пионтковский. Председателем Истпарта был избран М.С. Ольминский, заместителем – М.Н. Покровский, секретарем – В.В. Адоратский⁵.

Истпарту предоставлялось право на местах создавать местные бюро при отделах народного образования. Бюро должны были возглавляться уполномоченными, рекомендуемыми губернскими комитетами партии, ЦК компартий союзных и автономных республик и утверждаемые центральным Истпартом. Эти уполномоченные одновременно занимали должность политических комиссаров при заведующих губер-

² Там же.

³ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 7.

⁴ Остроухова К.А. О работе в Истпарте // Вопросы истории КПСС. – 1967. – № 6. – С. 92.

⁵ Комаров Н.С. Создание и деятельность Истпарта // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 5. – С. 155.

нскими архивными управлениями⁶. Истпарт, согласно постановлению СНК, мог иметь собственный штат сотрудников. Кроме того, была определена возможность использования Истпартом аппарата Госиздата и Главархива. Фактически в начальный период функционирования Истпарта руководство Главархива совмещало функции руководителей Истпарта⁷.

В период оформления Истпарта и на первых порах его работы одной из важнейших задач была пропаганда его деятельности на базе обоснования важности его создания и роли этого учреждения в строительстве нового общества. Первая информация о задачах новой организационной структуры прозвучала на IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. в речах М.С. Ольминского и М.Н. Покровского. Популяризации работы Истпарта был посвящен выпуск брошюры "Ко всем членам партии" пятидесятитысячным тиражом. В ней создание Истпарта рассматривалось как ответная мера на "происки буржуазной идеологии". В частности, делалась ссылка на то, что "кадет Милюков выпустил несколько томов" истории русской революции, "меньшевик Суханов напечатал толстый том "Записок о революции" и готовит другой". Также говорилось о потоке изданий по историко-революционной тематике, вышедших на Украине, Дону, Кубани и написанных не "с пролетарской точки зрения"⁸. В июне 1920 г. в Петрограде меньшевики основали "Общество изучения освободительного и революционного движения в России", учредителем и председателем которого был историк М.К. Лемке, которое через несколько месяцев было закрыто большевистской властью. Тем не менее, все эти факты, по мнению партийных лидеров РКП(б), свидетельствовали о необходимости скорейшей организации учреждения по созданию истории революции с позиций большевизма.

С помощью Истпарта и его провинциальных отделений власть стремилась поставить под контроль всю работу по собиранию и обработке историко-революционных материалов, а фактически исторической памяти. Обращаясь в 1921 г. ко всем гражданам с напоминанием, что

⁶ Пролетарская революция. – 1930. – №5. – С. 165.

⁷ М.В. Зеленев. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород, 2000. – С. 182-238. // Электронное периодическое издание "Открытый текст". URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/?id=2142> (дата обращения: 24.03.2011)

⁸ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 4.

организационными центрами по осуществлению данного вида деятельности являются Истпарт и его местные отделения, авторы документа подчеркивали, что "кому дорога работа в целом, тот не будет противопоставлять и предпочитать этому организованному в общесоюзном масштабе делу индивидуальное кустарничество"⁹.

Существенным обстоятельством для дальнейшей истории Истпарта стал его перевод в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела с 1 декабря 1921 г. Все местные бюро истпарта соответственно должны были быть введены с 15 декабря 1921 г. в штаты губернских и областных комитетов РКП(б)¹⁰. Таким образом, дело формирования новой модели исторической памяти окончательно ставилось под партийный контроль. В январе 1922 г. была распространена директива, согласно которой ЦК РКП(б) обязывал все областные и губернские комитеты партии немедленно приступить к организации областных и губернских бюро истпарта. В директиве указывалось, что бюро истпарта является отделом местного комитета РКП(б), руководство которым осуществляет коллегия истпарта "из числа испытанных товарищей, желающих и могущих оказывать активную, постоянную поддержку работе Истпарта", утверждаемая областным или губернским комитетом с уведомлением Истпарта ЦК. Члены коллегии за работу в ней не получали никакой оплаты, если не занимали штатное место в бюро истпарта. Истпарты, являясь отделом местного комитета РКП(б), работали под руководством Истпарта ЦК и должны были "сноситься" с ним непосредственно¹¹. В период с 1920 по 1923 годы было создано около 100 региональных истпартов. Однако, как свидетельствуют источники и исследователи, реально действовавших бюро было значительно меньше¹².

Изучение источниковой базы формирования системы истпартов показывает, что принципы, на которых основывался этот процесс, давали относительную самостоятельность региональным истпартам в первые годы их функционирования. Изначально Истпарт ЦК РКП(б) предоставлял местным отделениям "полную инициативу и свободу в определении линии своей полезной работы" с условием нахождения ее "в поле зрения Истпарта"¹³. Однако главной причиной такой са-

⁹ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 5.

¹⁰ Пролетарская революция. – 1922. – № 4. – С. 363.

¹¹ Там же. – С. 363-364.

¹² Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. – 1982. – № 9. – С. 19.

¹³ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 5.

мостоятельности была слабая связь центра с местными истпартами из-за отсутствия организационного опыта и достаточного финансирования истпартовской системы.

Одной из основных форм организационного взаимодействия Истпарта ЦК РКП(б) с региональными истпартами было снабжение их истпартовскими центральными изданиями, прежде всего, журналом "Пролетарская революция", на страницах которого публиковались помимо документов, воспоминаний, исследовательских статей, рецензий, инструктивные материалы Истпарта. Журнал "Пролетарская революция", первый номер которого вышел в октябре 1921 г., являлся своего рода трибуной истпартовских идей, имевших руководящее значение для всей сети истпартов в стране.

Первоначально истпарты получали истпартовскую литературу бесплатно через экспедицию ЦК партии, затем посредством "оказии" прибывающих на короткое время в Москву из регионов партийных работников. Однако эта литература в реальности не всегда доходила до местных истпартов. Поэтому Истпарт ЦК РКП(б) поставил вопрос о целесообразности бесплатного снабжения изданиями, и в июле 1922 г. было принято соответствующее постановление¹⁴. Для установления "прочной" связи мест с Истпартом ЦК РКП(б) губернским и областным истпартам предлагалось добиться в парткомах, чтобы все командированные в Москву партработники обязательно посещали Истпарт¹⁵.

По мере укрепления советской политической системы власть усиливала внимание вопросам переделки общественного сознания, включая проблему формирования новой модели исторической памяти, а значит, и работе Истпарта. Рубежным временем в развитии региональных истпартов стал XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г. На нем прозвучала критика работы Истпарта ЦК РКП(б) по налаживанию связей с местными отделениями. Как говорилось в материалах съезда, Истпарт не владел информацией о работе на местах. Его сотрудники не получали всех местных изданий бюро истпартов. Совершенно не использовался для связи с региональными истпартами институт ответственных инструкторов ЦК РКП(б), т.к. последние совмещали другие обязанности и были заняты на других участках партийной работы. Для упорядочения деятельности всей системы Истпарта делегаты съезда высказались за скорейшее создание специального положения об Ис-

¹⁴ Пролетарская революция. – 1922. – №8. – С. 235-236.

¹⁵ Там же. – С. 236.

тпарте, которое регулировало бы его взаимодействие с местными истпартотделами¹⁶.

В результате были приняты меры, призванные улучшить работу Истпарта и его местных отделений. XII съездом РКП(б) была утверждена специальная резолюция, в которой прозвучали требования об обеспечении Истпарта как в центре, так и на местах необходимым числом грамотных кадров, занятых исключительно истпартовской работой, а также о решении финансирования для содержания Истпарта и его органов и их издательской деятельности¹⁷. Такое пристальное внимание к работе истпартов, рассмотрение вопросов их функционирования на съездах в условиях огромного количества иных проблем при становлении нового государства как раз и свидетельствует о значительном внимании со стороны партии власти к вопросам формирования новой модели исторической памяти.

Одновременно с работой XII съезда в Москве прошло Всероссийское совещание работников истпартов, в котором приняли участие представители 26 бюро¹⁸. Всего было проведено пять таких совещаний в течение 1920-х годов, которые являлись одной из форм выработки методики работы, а также инструктирования и руководства сетью истпартов. На совещании 1923 г. были разработаны Положения об Истпарте и отделах истпарта на местах. В этом документе был уточнен круг компетенции Истпарта – собрание и изучение материалов по истории партии и Октябрьской революции, а также руководство работой всех истпартотделов местных партийных органов. Для выполнения этих практических задач Истпарт должен был вырабатывать общий план изучения истории Октябрьской революции и РКП(б), разрабатывать программы работ для местных истпартов, а также вносить изменения в их планы¹⁹.

Отделы истпарта на местах отвечали за сбор, изучение, пропаганду материалов по истории революции и о деятельности местной партийной организации в соответствующем регионе. Практика истпартов предусматривала разнообразные формы: публикацию трудов местного

¹⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923г. Стенографический отчет. – М., 1968. – С. 80.

¹⁷ Об органах Истпарта. Резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. 1922-1925. 9-е изд. – М., 1984. – С. 100.

¹⁸ Пролетарская революция. – 1923. – №4. – С. 346-365.

¹⁹ Пролетарская революция. – 1923. – №8. – С. 273-274.

истпарта в форме журналов, сборников материалов, документов, монографий; организацию и проведение публичных лекций, собраний, вечеров воспоминаний, посвященных истории партии и революции; создание обществ и клубов партийно-революционной тематики. Руководила работой истпартотдела коллегия не менее чем из трех членов, которая утверждалась губернским/областным комитетом партии. Коллегию должен был возглавлять заведующий истпартотделом²⁰.

Таким образом, Положение было направлено на усиление влияния центрального Истпарта на его местную сеть. Самостоятельность региональных истпартотделов ограничивалась. Если до осени 1923 г. местные истпарты руководствовались "своими мыслями" относительно плана своей деятельности, то с ноября 1923 г. Истпарт ЦК РКП(б) начал регулярно инструктировать истпартотделы по составлению плана, а также давать определенные задания, которые связывали местные планы с общим планом работ Истпарта ЦК РКП(б)²¹. Теперь истпарты должны были ежемесячно отчитываться в своей работе перед губернским, областным, окружным или краевым комитетом партии и перед истпартотделом вышестоящего партийного комитета, а Истпарту представлять ежегодный подробный отчет²².

В то же время именно в 1923 г. в стране был введен жесткий режим экономии, предполагавший сокращение управленческого партийно-советского аппарата. Это основательно затронуло материальную базу и кадры истпартов. ЦК РКП(б) с 1 августа 1923 г. устанавливал новую сеть местных истпартов "ввиду общего сокращения штатов и в целях усиления истпартовской работы в областях и губерниях с значительным революционным прошлым". В результате осталось всего 38 местных отделений истпарта²³. Однако во многих регионах истпартовская работа продолжала осуществляться в рамках агитационно-пропагандистских отделов местных комитетов партии и силами архивных бюро.

Во время работы XIII съезда партии 23-31 мая 1924 г. состоялось третье совещание работников истпартотделов СССР, на котором также были рассмотрены взаимоотношения Истпарта с местными отделениями. Так, в докладе местного истпарта Кубано-Черноморскому областному комитету РКП(б) об участии в совещании работников истпартов

²⁰ Там же. – С. 274-275.

²¹ Там же. – 1924. – №1. – С. 281.

²² Там же. – 1925. – №3. – С. 266.

²³ Там же. – 1923. – №8. – С. 275.

заведующая этим истпартом Е.М. Полуян-Верецкая отмечала, что центр, руководя истпартовской сетью, ограничивался только снабжением мест соответствующей литературой и чтением предоставляемых истпартотделами докладов. Однако ни критических замечаний, ни положительных оценок работы истпарта не делалось. Передавая настрой совещания, Е.М. Полуян-Верецкая говорила о недостатке "живой связи" Истпарта с местами. Обращение, прозвучавшее в ее выступлении на совещании к центру с просьбой дать критическую оценку приемов работы подготовительного характера по разборке, классификации, систематизации и хранению материалов, осталось без ответа. Было очевидным, что у Истпарта не было ни четкого взгляда на проблему, ни методических разработок. Высказанное участниками совещания желание "попробовать форму кооперирования работы центра с местами", по мнению Е.М. Полуян-Верецкой, при отсутствии единого метода не могло дать научный результат²⁴.

Истпартовское совещание поставило перед партийным съездом вопрос о необходимости улучшения условий работы Истпарта и его местных отделов. В результате XIII съезд принял резолюцию "Об Истпарте", в которой указывалось на "громадную" потребность в работах по истории партии и Октябрьской революции и их "огромное" воспитательное значение. Съезд, давая директиву об усилении работы по составлению хронологий революционных событий и хрестоматий, фактически "спустил" решение вопроса "вниз", предложив местным партийным комитетам обеспечивать истпартотделы квалифицированными работниками и материальными средствами²⁵. Это решение было изначально утопичным, т.к. в большинстве регионов наблюдался дефицит управленцев, да и просто грамотных людей. Поэтому подобные резолюции партийных съездов имели скорее пропагандистско-идеологическое, чем практическое значение. Это понимали и местные работники, которые еще не испытали пресса массовых репрессий и позволяли себе довольно большую свободу высказываний. Например, упомянутая выше руководительница истпарта на Кубани Е.М. Полуян-Верецкая считала, что резолюция XIII партсъезда "Об Истпарте" еще долго не будет проводиться в жизнь, хотя и дает "подвижникам ист-

²⁴ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.3, Зоб.

²⁵ Об Истпарте. Постановление XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.3. 1922-1925. – 9-е изд. – М., 1984. – С. 272.

парта известную опору там, где значение нашей работы поняли и усвоили"²⁶.

После проведенных мероприятий Истпарт подготовил обращение ко всем местным истпартотделам, в котором говорилось о том, что для реальной связи между элементами истпартовской системы явно недостаточен обмен сухими отчетами. Необходимо было развивать связь центра и мест по сущностным вопросам содержания работы. Предлагалось обмениваться письмами по вопросам методики сбора, классификации и публикации материалов, о сложностях текущей работы, возникавших "недоумениях"²⁷. Наиболее ценные корреспонденции предполагалось печатать в журнале "Пролетарская революция". Отдел журнала о работе местных истпартов становился направляющим и координирующим инструментом в работе истпартов²⁸.

С середины 1920-х годов прослеживается рост числа региональных истпартов, что отражало изначальный замысел центра о распространении истпартовской деятельности. Однако в организации истпартовских структур оставался разноразной и в формах, и в функциях, и в методах работы. Эта ситуация отражала общую тенденцию в организации управления в стране, когда самостоятельность мест была, с одной стороны, велика, а с другой стороны, материально-финансовые и кадровые возможности местных органов управления и руководства были сведены к минимуму. Только с конца 1920-х годов наблюдается стремление центра выстроить жесткую вертикаль государственного управления в любой области общественной жизни. Речь шла о централизации аппарата, который включал принципы подчинения нижестоящих органов вышестоящим, а также унификацию форм работы и централизацию снабжения. Утверждение таких принципов было связано с завершением формирования основных блоков советской политической системы, со спецификой практических задач, стоявших перед партийно-государственным руководством, а также с оформлением политического режима И.В. Сталина.

Это в полной мере относилось и к системе истпартов. Так, новой вехой в установлении принципов формирования системы истпарта стали резолюции и постановления четвертого Всесоюзного совещания заведующих истпартотделами, проходившего 4-8 января 1927 г., ут-

²⁶ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.4.

²⁷ Пролетарская революция. – 1924. – №10. – С. 280.

²⁸ Там же. – 1925. – №4. – С. 267.

вержденные Истпартом ЦК ВКП(б). На совещании было отмечено отсутствие единой организационной структуры истпартов на местах как один из существенных недостатков их деятельности. Дело доходило до того, что зачастую работу проводил единолично заведующий. Истпарт ЦК ВКП(б) должен был "дать периферии практические указания" для "однородного построения" истпартов²⁹. Было обозначено, что основным местом работы заведующих истпартами становился истпарт, а местным партийным организациям не рекомендовалось нагружать истпартовских работников другой партийной работой. Нежелательной была их частая смена³⁰.

Практическим шагом на пути осуществления новых требований стало принятие нового Положения об Истпарте, утвержденного постановлением ЦК ВКП(б) 22 апреля 1927 г. Стремление власти через Истпарт контролировать работу по сбору и обработке историко-революционных материалов для конструирования новой модели исторической памяти благодаря этому Положению получило легитимность. Так, при реализации задачи постановки и организации систематического изучения истории ВКП(б) и Октябрьской революции Истпарт, прежде всего, "руководит работами по истории отдельных организаций партии, специально изучающих вопросы истории партии или Октябрьской революции (а также и работами отдельных товарищей), давая им определенные задания и осуществляя общее наблюдение за их работами". Усиливался также контроль над качеством и идейным содержанием печатной продукции местных отделов со стороны центра. Для этого Истпарту аппарат ЦК выделил двух "квалифицированных" разъездных инструкторов³¹. Задачам централизации управления работой истпартов отвечало и укрупнение провинциальных истпартов "за счет работников мест", в результате чего общее число местных истпартов сокращалось с 86 до 59 отделов³².

Задачи унификации работы региональных истпартов конкретизировались в инструкции Истпарта в 1928 г. Например, местные истпарты теперь при составлении планов должны были полностью согласовывать их с общим планом работы местного партийного комитета,

²⁹ Там же. – 1927. – №1. – С. 266.

³⁰ Там же. – С. 267.

³¹ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.86. Л.6.

³² Там же. Л.7.

особенно с агитационно-пропагандистской работой. Предлагалась схема составления планов. В них должна была быть отражена научно-исследовательская работа; вопросы, связанные с проведением юбилеев; подведение итогов кампании по десятилетию Октябрьской революции. Кроме того, планы предусматривали рассмотрение вышедшей на местах историко-партийной и революционной литературы, вопросы истпартовской общественности, установление связей с другими организациями, занимавшимися изучением истории партии и революции. Планы истпартов должны были включать вопросы хранения партийных архивов и собирания личных архивов; а также идейное руководство работой музеев революции³³. Тогда же местным истпартам было предложено регулярно присылать все местные издания в центр в трех экземплярах для быстрого их просмотра и рецензирования³⁴.

Изменение принципов организации системы Истпарта в конце 1920-х годов было связано со слиянием его в августе 1928 г. с Институтом В.И. Ленина. Институт В.И. Ленина был организован в 1923 г. и торжественно открыт на XIII съезде РКП(б) в 1924 г.³⁵. Выступавший на XIII съезде в качестве директора Института Л.Б. Каменев отмечал, что "учение Ленина записано не только в обработанных литературных работах, а записано в телеграммах, в отдельных приказах, разговорах, постановлениях и распоряжениях"³⁶. Цели создания нового учреждения и поставленные перед ним задачи были изложены в соответствующем постановлении XIII съезда партии. Институт В.И. Ленина объявлялся учреждением, в котором должны были быть сосредоточены "все рукописи, письма, записки В.И. Ленина, оригиналы его фотографий и др. материалы", а также литературные произведения о нем. Основу его фондов составили собранные к 1924 г. Истпартом ленинские документы и материалы, которые он должен был передать Институту. Доставка местных материалов В.И. Ленина была возложена на истпарты. Главной же задачей, поставленной перед Институтом В.И. Ленина, было издание сочинений "вождя революции". Тем самым Институт, по мыс-

³³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.1. Д.135. Л.6.

³⁴ Пролетарская революция. 1928. №1.С. 192.

³⁵ О работе Института Ленина. Постановление XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. 1922-1925. 9-е изд. – М., 1984. – С. 283.

³⁶ XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 542.

ли партии, должен был стать базой для распространения ленинизма "среди широких партийных и беспартийных масс"³⁷.

Слияние Истпарта с Институтом В.И. Ленина в 1928 г. было прямой реализацией указаний XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.). В отчете Центральной ревизионной комиссии съезду говорилось о необходимости устранения "параллелизма" в работе Института В.И. Ленина с другими подобного типа учреждениями, среди которых был назван и Истпарт³⁸. Кроме того, на реорганизацию Истпарта повлияло и решение XV съезда о необходимости создания единого партийного архива.

Устранение "параллелизма" преследовало цель создания организации, более приемлемой для централизованного управления сверху. Так, исследователь В.Г. Мосолов отмечает, что Истпарт с многочисленными местными филиалами, вокруг которых группировались участники революционного движения, являлся громоздкой, а потому не до конца управляемой организацией. Поэтому в условиях, когда руководство партии в борьбе с оппозицией стремилось выработать некое единое понимание истории партии, разнобой во мнениях являлся ненужным и вредным. Можно согласиться и с мнением этого автора о том, что между задачами Истпарта и Института В.И. Ленина существовала связь, отражавшая идею большевистской власти о единстве теории и практики, и история партии должна была представляться "воплощением ленинизма в действительность в ходе революционной борьбы со строительством нового общества"³⁹.

После слияния двух учреждений в Институте В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) были сформированы отделы, охватившие и научную, и архивную, и музейную, и издательскую работу. В его составе был также создан отдел местных истпартов, который осуществлял общее руководство и контроль над работой местных истпартов, а также утверждал их литературно-издательские планы. Сами же региональные истпарты продолжали функционировать в качестве отделов республиканских, краевых, областных и других местных партийных комитетов, находясь у них в непосредственном подчинении⁴⁰. Более того, после слияния

³⁷ О работе Института Ленина. Постановление XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. 1922-1925. 9-е изд. – М., 1984. – С. 283-284.

³⁸ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., Л., 1928. – С. 121.

³⁹ Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921-1956. – М., 2010. – С. 151-152.

⁴⁰ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы. – М., 1988. – С.144, 145.

Истпарта с Институтом В.И. Ленина предполагалось преобразовать крупнейшие истпарты в научно-исследовательские институты. Также рассматривался вопрос о необходимости усиления партийного руководства местными истпартами и научно-исследовательскими институтами, которое должно было иметь централизованный и планомерный характер⁴¹.

К тому времени сложился определенный набор форм организационного руководства истпартоделами. Это вполне вписывалось в процесс формирования партийно-советского аппарата управления в регионах. Сюда входили инструкторские объезды из центра, проведение совещаний по вопросам истпартовской работы. Осуществлялась и обратная связь, когда местные работники истпартов посещали Институт В.И. Ленина и вели интенсивную переписку с центральными учреждениями. К примеру, как очевидно из материалов бывшего организационно-инструкторского подотдела Истпарта, в 1927 – 1928 гг. с мест пришло 589 корреспонденций отчетного, справочного и информационного характера. На места центр разослал 495 писем по конкретным вопросам и 7 писем общего инструктивного характера. В переписке были затронуты вопросы литературно-издательских планов, активизации работы местной общественности вокруг истпартов, проведения юбилеев, собирания материалов, перспектив дальнейшей работы, увязки с родственными организациями, руководства музеями, упорядочения архивов⁴². Следует отметить, что объем и тематика переписки между Институтом В.И. Ленина и местными отделениями свидетельствовали об усилении централизации управления истпартовским делом и ограничении местной инициативы.

Слияние Истпарта с Институтом В.И. Ленина повлекло за собой создание новой системы истпартовской сети на местах. В октябре 1928 г. Секретариат ЦК ВКП(б) пошел на укрупнение истпартов до 38 отделов⁴³. Центр пошел на эту меру для повышения профессионального уровня деятельности местных истпартов, т.к., по его мнению, истпарты "могут развить свою работу там, где имеются налицо квалифицированные работники, научные силы и архивная база". Вследствие этого истпарты были созданы только в республиканских, областных, краевых и

⁴¹ РГАСПИ. Ф.347. Оп.1. Д.52. Л.69.

⁴² Пролетарская революция. – 1928. – №11-12. – С. 361.

⁴³ Там же. – С. 362-363.

"крупных пролетарских центрах", т.е. в промышленных центрах⁴⁴. Надежда на улучшение истпартовской работы в регионах в результате слияния Истпарта с Институтом В.И. Ленина прозвучала и в докладе его директора М.А. Савельева на пятом Всесоюзном совещании заведующих истпартами, проходившем 5-7 января 1929 г.⁴⁵

Однако анализ комплекса источников доказывает обратное. В составе Института В.И. Ленина положение местных истпартов ухудшилось. Вот мнение заведующей Пермским истпартом К.Г. Ольховской. Говоря в целом о состоянии местных истпартов, она отмечала, что слияние Института В.И. Ленина и Истпарта произошло формально, что вело к неблагоприятной обстановке в Институте. По ее мнению, такое "огромное учреждение, как Институт Ленина", должно было придать больший авторитет истпартам на местах. Однако местные партийные организации не были своевременно проинформированы о новых установках ЦК ВКП(б) в отношении роли истпартов. В результате истпарты на местах "почувствовали себя оторванными", и, что наиболее важно, ухудшилось их финансирование⁴⁶.

Как уже говорилось выше, деятельность истпартов была тесно связана с организацией архивного дела. Поэтому объединение Истпарта и Института В.И. Ленина сопровождалось созданием Единого партийного архива, подтвержденного постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) 28 июня 1929 г. Центральный партийный архив создавался при Институте В.И. Ленина, а его филиалы – при местных укрупненных истпартах. Единый партийный архив хранил "дела и документы партийных комитетов, контрольных комиссии, комсомольских организаций и фракций советских, профсоюзных и других учреждений, отложившиеся в их делопроизводстве и утратившие свое значение для текущей работы". Материалы и документы партийного архива, хранившиеся в других учреждениях, таких, как Центрархив, Музей революции, Истпарт и др. были переданы в Центральный партийный архив. Новая сеть истпартов на практике оказалась еще малочисленнее, чем планировалось первоначально и была представлена 26 отделами, при которых и создавались партийные архивы как филиалы Единого партийного архива⁴⁷.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. – 1929. – №1. – С. 275.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф.347. Оп.1. Д.52. Л.75об.

⁴⁷ В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы. – М., 1988. – С. 48-50.

Тенденция централизации управления во всех областях советской жизни стала наиболее жесткой в 1930-е годы. Поэтому согласно решению Президиума ЦИК СССР от 3 ноября 1931 г. Институт В.И. Ленина был объединён с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса. Истоки создания Института К. Маркса и Ф. Энгельса относятся к июню 1918 г., когда была создана Социалистическая академия общественных наук, переименованная в 1924 г. в Коммунистическую академию⁴⁸. С 1920 г. существовал Музей по марксизму при Социалистической академии, который в 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) по предложению Д.Б. Рязанова был назван Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса и определен как автономное учреждение при Соцакадемии. С июня 1922 г. он стал самостоятельным учреждением при ВЦИК, перед которым стояли задачи собирания документов и материалов по истории марксизма и издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса⁴⁹.

Слиянием Института В.И. Ленина и Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса был создан Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). С помощью создания единой организационной структуры происходила концентрация литературного наследия марксизма-ленинизма, документов по истории большевистской партии, что, по мнению современного исследователя В.Г. Мосолова, облегчало контроль над исследовательской работой по данному кругу проблем. В современной отечественной историографии начало процесса создания ИМЭЛ связывается с арестом известного большевика Д.Б. Рязанова 16 февраля 1931 г. органами ОГПУ. Д.Б. Рязанов стоял у истоков образования Института К. Маркса и Ф. Энгельса и был идейным вдохновителем работы института. Доказательством этому служит предварительное проведение высшими партийными инстанциями всех основных организационных мероприятий еще до публичного объявления о слиянии двух институтов⁵⁰.

ИМЭЛ объявлялся "высшим партийным научно-исследовательским учреждением", являвшимся отделом ЦК ВКП(б)⁵¹. Структура ИМЭЛ

⁴⁸ См. подробнее об этом: Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография /Под ред. В.П. Корзун. – Омск, 2005; Очерки истории исторической науки в СССР. Т.ИВ. / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966; Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917-1923). – М., 1968; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). – М., 1968 и др.

⁴⁹ Рокитянский Я.Г. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. – 2008. – №4. – С. 10-23.

⁵⁰ Мосолов В.Г. Указ соч. – С. 185-186, 199.

⁵¹ Цит. по: В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы. – М., 1988. – С. 182.

соответствовала поставленным перед ним задачам и включала следующие секторы: научной биографии и издания работ К. Маркса и Ф. Энгельса; научной биографии и издания работ В.И. Ленина; истории ВКП(б); истории Коминтерна; марксизма-ленинизма; научной популяризации; архив; библиотека; музей. В ведение ИМЭЛ перешел также историко-партийный Институт красной профессуры⁵². Работой местных истпартов и созданных к тому времени на базе некоторых истпартов региональных институтов руководила секция местных филиалов, которая входила в состав Сектора истории ВКП(б) ИМЭЛ⁵³.

В 1930-е годы процесс усиления контроля над работой местных истпартов сопровождался усилением идеологической составляющей работы за счет научной деятельности. Если в первое десятилетие функционирования истпартовской сети в плане работ истпартов, предоставляемом в Истпарт, были обозначены лишь основные темы работы, то во второй половине 1930-х годов они представляли ИМЭЛ детализированные планы, в которых подробно описывались все пункты "исследовательской" работы.

Одновременно усиление контроля над истпартовской работой сопровождалось текучестью и дефицитом квалифицированных кадров даже в самом ИМЭЛ. Кроме того, планы постоянно нарушались из-за колебаний политической конъюнктуры, сопровождавшейся окончательным утверждением режима И.В. Сталина и развертыванием политических репрессий. Этот процесс коснулся не только людей, но и печатных изданий, в том числе продукции истпартов. Надо было уничтожать еще недавно славные имена, ставшие сегодня запретными, надо было акцентировать роль И.В. Сталина и его нового окружения. Совершенно справедливо замечание В.Г. Мосолова о том, что приходилось срочно перерабатывать уже подготовленные книги, а зачастую снимать их с производства или уничтожать уже отпечатанные тиражи⁵⁴. Наконец, как свидетельствует изучение архивных документов, в начале 1930-х годов значительно сократилось число инструктивно-методических материалов из центра на места, что также свидетельствовало об организационном кризисе недавно образованного ИМЭЛ.

⁵² См.: Мосолов В.Г. Указ соч. – С. 203.

⁵³ См.: Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. – 1982. – №9. – С. 27.

⁵⁴ Мосолов В.Г. Указ соч. – С. 226, 230, 232.

Поворотным моментом в истории истпартовского движения стало письмо И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция", опубликованное на его страницах в октябре 1931 г. "О некоторых вопросах истории большевизма". Формально его выступление было направлено против дискуссионной статьи А.Г. Слущкого о недооценке опасности центризма в западной социал-демократии. Однако главным было другое. Во-первых, И.В. Сталин фактически ставил точку на любой дискуссии вокруг ленинского наследия, объявив ленинизм научной аксиомой, что совершенно не было характерно для историков партии 1920-х годов. Во-вторых, троцкизм был объявлен не оппозиционной фракцией в коммунизме, а передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, среди постоянных авторов и редакторов журнала И.В. Сталиным были названы и якобы приверженцы троцкизма. Наконец, редколлегия журнала И.В. Сталин обвинил в либерализме, который граничил, по его мнению, с изменой рабочему классу. Обвинение Е.М. Ярославского в ошибках принципиального характера привело к разгрому постоянных авторов издания и растерянности его работников⁵⁵.

Так, уже в ноябре 1931 г. Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил новую редакцию журнала "Пролетарская революция", а сам журнал был реорганизован в непериодический орган, который должен был выходить 4-6 раз в году⁵⁶. Шок работников ИМЭЛ от смены политического курса в отношении гуманитаристики был настолько велик, что после опубликования письма И.В. Сталина журнал не выходил весь 1932 год, а в последующие пять лет было выпущено всего 7 номеров. Роль издания как трибуны истпартовской работой для регионов, таким образом, постепенно сходилась на нет.

С 1938 г. потребность в деятельности истпартов и вовсе отпала, т.к. историческое знание о революционном движении, о большевизме и советском обществе было унифицировано схемой "Краткого курса истории ВКП(б)" и не предполагало никаких научных поисков и интер-

⁵⁵ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Сталин И.В. Сочинения. – Т.13. – М., 1951. – С. 84-102.

⁵⁶ Протокольное постановление (опросом) Секретариата (XVI созыв) ЦК ВКП(б) СТ82/80г "О редакции журнала "Пролетарская революция"" от 4.11.1931 г. // "Краткий курс истории ВКП(б)". Текст и его история: в 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. Ч. 1: История текста "Краткого курса истории ВКП(б)", 1931-1956. – С.76.

претаций, кроме стилизованных комментариев текста учебника. В этом году и возникла идея ликвидации местных истпартов, для чего ИМЭЛ разослал в местные комитеты ВКП(б) запросы об их отношении к упразднению истпартов, на что были получены корреспонденции из регионов. Ответы из регионов не были однородными и делились на три группы. Естественно, что десять регионов – Куйбышевская Саратовская, Ивановская, Челябинская, Харьковская, Горьковская области, а также Чувашская, Башкирская, Туркменская республики и республика Немцев Поволжья, – в которых истпартов на тот момент не было, остались к этому вопросу равнодушными. В то же время Калининский, Новосибирский, Свердловский обкомы партии считали, что истпарты нужно сохранить для разработки истории местных партийных организаций. Партийные же организации Ростовской, Тамбовской, Смоленской, Днепропетровской и Одесской областей, а также партийные органы Узбекистана, Якутии, Удмуртии, Карелии, Дальнего Востока и Армении согласились с целесообразностью ликвидировать истпарты⁵⁷.

Формальный повод для закрытия истпартов содержится в черновом проекте ИМЭЛ, адресованном в ЦК ВКП(б). На взгляд его составителей местные истпарты на первом этапе своей деятельности справились с собиранием и обработкой документов историко-партийного характера, но с изданием серьезных научных материалов у них ничего не получилось, и эти публикации представляли "сырые материалы". Главное же состояло в том, что истпарты не смогли решить задачу сделать самостоятельные научно-исследовательские работы по истории местных партийных организаций, т. к. у них не было "достаточно квалифицированных, политических кадров"⁵⁸.

Однако реальная причина скрывалась в другом. Характеризуя публикации истпартов, приуроченные к 25-летию Первой русской революции и 10-летию Октябрьской революции, ИМЭЛ указывал на низкое качество изданий, "изобилующих принципиальными и фактическими ошибками", обнаруженными в результате их пересмотра в ходе "проработки" письма И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция". Результатом этого стало изъятие ранее изданной литературы истпартов как "политически вредной"⁵⁹. В упрек истпартам ста-

⁵⁷ РГАСПИ. Ф.71. Оп.1. Д.196. Л.142, 144-146.

⁵⁸ Там же. Л.49.

⁵⁹ Там же. Л.50.

вились и средства, затраченные центром на их работу. Надо заметить, что параллельно с мерами по дискредитации истпартов некоторые работники ИМЭЛ еще надеялись на их сохранение. Так, в докладной записке заместителя заведующего Центральным партийным архивом П.Н. Караваева от 10 мая 1939 г. предлагался проект организации комиссии по улучшению работы местных партархивов и истпартов⁶⁰.

В первой половине 1939 г. центральной комиссией было проведено обследование региональных истпартов, по окончании которого с 19 по 23 июня 1939 г. состоялось созванное ИМЭЛ совещание работников партархивов, истпартов и институтов истории партии⁶¹. На нем было объявлено, что состояние большинства партархивов и истпартов было неудовлетворительным и не соответствующим поставленным перед ними задачам. Ввиду этого, совещание признало целесообразным "слить" существующие истпарты с местными партийными архивами, созданными ранее в структуре истпартов, обязав последние "вести научно-исследовательскую работу по изучению истории партии"⁶². Для окончательного решения судьбы истпартов 2 декабря 1939 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б), согласно которому региональные истпарты были закрыты, а их функции и материалы были переданы местным партийным архивам. Сами архивы передавались из ведения ИМЭЛ непосредственно в ведение обкомов, крайкомов ВКП(б), ЦК компартий союзных республик⁶³.

Таким образом, в 1920-е – начале 1930-х годов Истпарт, а затем Институт В.И. Ленина и ИМЭЛ с их разветвленной сетью региональных истпартов, являвшихся отделами местных партийных комитетов РКП(б) – ВКП(б), стали новой организационной моделью институализации исторической науки, принципиально отличавшейся от дореволюционных форм ее существования. 1920-е годы являлись временем выработки принципов формирования системы истпартов и ее перманентной трансформации, находившейся в прямой зависимости от решений центра. В то же время отсутствие достаточных средств и квалифицированных кадров делали работу местных истпартов недостаточно эффективной, а изменение политической конъюнктуры в 1930-е годы сделали деятельность истпартов излишней.

⁶⁰ Там же. Д.232. Л.27.

⁶¹ Там же. Д.235. Л.73,74.

⁶² Там же. Д.232. Л.32-35.

⁶³ См.: Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. – 1982. – №9. – С. 28.

1.2. СОЗДАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСПАРТОВСКОЙ СЕТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Переделка массового сознания в масштабах всей страны вызвала необходимость формирования разветвленной сети истпартов, в том числе и на территории Северного Кавказа. Установление информации о времени возникновения истпартов, их реорганизации, упразднении, трансформации организационных структур, персональном составе истпартоуполномоченных позволяет определить возможности и условия для реализации политики памяти на Северном Кавказе, определить ее локальную специфику.

На Северном Кавказе, как и в других регионах, пространство истпарта создавалось и трансформировалось в связи с организационными принципами Истпарта ЦК РКП(б)/ВКП(б), Института В.И. Ленина, ИМЭЛа, материально-техническими проблемами, а также административно-территориальными изменениями 1920-1930-х годов. Немаловажное значение в реализации деятельности истпартов в регионе имели особенности самого Северного Кавказа.

Первой попыткой создания истпарта на территории Северного Кавказа была инициатива, предпринятая П.Н. Ивановым в 1920 г., имевшего мандат уполномоченного Истпарта по Северному Кавказу. Обращаясь в Истпарт с обоснованием важности существования истпартовской деятельности в регионе, он говорил о необходимости распространения работы истпартов не только на Кубанскую область и Черноморскую губернию, но и на Ставропольскую и Терскую губернии. По мнению П.Н. Иванова, в Екатеринодаре, Ставрополе и Пятигорске необходимо было организовать бюро истпарта, работа которых протекала бы под его направляющим началом⁶⁴. Тем не менее, несмотря на выданный П.Н. Иванову Истпартом мандат на организацию Северо-Кавказского бюро истпарта в указанных губерниях и областях, его усилия не встретили поддержки у местных властей, поэтому истпарты в регионе были созданы гораздо позже, после долгого подготовительного периода. Это не удивительно, т.к. большевики только закрепились в регионе, разрушенном Гражданской войной, обезлюдившем от братоубийственной бойни, голода, с разоренным хозяйством. Управленческих кадров

катастрофически не хватало, опыта мирного строительства социальной жизни не было, а районы захлестнула волна политических восстаний вперемешку с криминалом. Следует учитывать также перевод регионов на местное финансирование и призывы центра экономить на всем. В таких условиях призывы создавать истпарты рассматривались как непозволительная роскошь.

Замечательно, что создание одного из первых на Северном Кавказе истпартов в Терской губернии произошло по инициативе местного интеллигента-гуманитария старой школы В. Апухтина, который был сотрудником Северо-Кавказского института краеведения и членом Российской Академии истории материальной культуры.

Участвуя в сентябре 1921 г. в краевой конференции по музейному и архивному делу в г. Ростове-на-Дону, он случайно узнал о приглашении сотрудников Донского архивного областного управления на Первую Всероссийскую конференцию архивных работников. У работников этого архива В. Апухтин и узнал о формировании сети истпартов. Во время командировки в Главное управление музеев, куда он выехал за получением картин, археологических коллекций и специальной литературы для местного пятигорского музея, ученый ознакомился с докладами Всероссийской конференции, много беседовал с работниками Истпарта и заинтересовался техникой истпартовской работы⁶⁵. Вернувшись в г. Пятигорск, В. Апухтин выступил с инициативой создания истпарта в Терской губернии. Он обладал в регионе непререкаемым авторитетом как работник, имевший "20-летний опыт по архивным изысканиям", и был поддержан не только сообществом краеведов, но и местной властью. В. Апухтин, несмотря на беспартийность и политическую нейтральность, был назначен заведующим бюро истпарта⁶⁶. С 1 февраля 1922 г. бюро Терского истпарта стало отделом губернского комитета РКП(б) во главе с В. Апухтиным⁶⁷.

Активизация процесса создания истпартов по всей стране связанная, как отмечалось выше, с переводением Истпарта с 1 декабря 1921 г. на правах отдела в ведение ЦК РКП(б), а также выходом в январе 1922 г. директивы, обязавшей областные и губернские комитеты РКП(б) образовывать в своей структуре истпартоотделы, привела не только к усилению партийного влияния на истпарты путем прикрепления уже суще-

⁶⁵ Там же. Д.359. Л.1.

⁶⁶ Там же. Л.2, 3.

⁶⁷ Там же. Л.19.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.191. Л.2, 3, 6.

ствовавших ранее на Северном Кавказе испартов к местным партийным комитетам, но и к созданию новых испартов. Дело в том, что анализ источников позволяет полагать, что до перевода испартов в структуру местных парткомов центр не имел реальных сведений о количестве и формах функционирования испартов в стране. Например, при обращении Истпарта к Кубано-Черноморскому областному комитету партии в декабре 1921 г. с просьбой организовать в Краснодаре бюро испарта признавалось, что центр не осведомлен, существует ли такая организация в регионе и просил проинформировать Истпарт о его составе и проводимой работе в случае существования местного бюро испарта ⁶⁸.

В начале 1922 г. было создано Юго-Восточное краевое бюро испарта, которое было призвано координировать работу испартов на Северном Кавказе. Это была попытка объединения всех испартов региона в единый краевой испарт. Дело в том, что, как отмечал в своем отчете заведующий Донским испартом В. Толмачев, связь между отдельными губернскими бюро была очень слабой. Однако ситуация на юге страны, отсутствие организационного опыта, слабость кадров привели к тому, что после перевода заведующего Н. Степанова на другую работу краевое бюро распалось, а коллегия краевого испарта вообще не была организована ⁶⁹. В результате функции краевого отделения испарта по координации деятельности местных отделений выполнял Донской испарт, созданный в ноябре 1921 г. в Ростове-на-Дону ⁷⁰. Роль Юго-Восточного краевого испарта в 1922 г. сводилась к доведению до подведомственных испартов указаний, плана работ, которые носили общий характер рекомендаций ⁷¹.

Помимо первых испартов Северного Кавказа – Терского и Донского – в 1922 г. были формально открыты еще 4 таких учреждения. Истпарт при Кубано-Черноморском областном комитете РКП(б) был создан 16 февраля 1922 г. Заведующей этим бюро была назначена Е.М. Полуян-Верещкая, а ее секретарем – Р.К. Войцик ⁷². Ставропольский испарт при губернском агитпропе был организован 7 марта 1922 г. ⁷³. По-

⁶⁸ Там же. Д.3. Л.68.

⁶⁹ Пролетарская революция. – 1923. – №4. – С. 353.

⁷⁰ Там же. – 1922. – №11. – С. 233.

⁷¹ Там же. №6. – С. 246.

⁷² Там же. №8. – С. 239.

⁷³ РКП(б). Ставропольский губернский комитет. Десять месяцев работы. Отчет Губкома на IV-й Губ. Партийной Конференции. – Ставрополь, 1922. – С. 109.

что одновременно, 16 марта 1922 г., было открыто бюро испарта в Кабардино-Балкарии ⁷⁴. В мае 1922 г. был сформирован испарт при Горском областном комитете партии в городе Владикавказе ⁷⁵. Для общего руководства местными испартами создавались коллегии.

Следует отметить, что в большинстве своем это были скорее декларации о намерениях, нежели практическая работа. Местные испарты столкнулись с отсутствием какой бы то ни было материальной базы, нехваткой грамотных кадров, с полным равнодушием к их деятельности, а то и недовольством со стороны местной власти. Так, источники дают представление о высокой текучести среди сотрудников испартов и членов их коллегий. Коллегии как руководящие органы оказались громоздкими и недееспособными. По замечанию Истпарта, уже по результатам первого года их работы было выявлено, что основная функция имевшихся расширенных коллегий заключалась на деле в разработке обширных планов работы, к слову сказать, порой весьма утопичных, а реализация намеченных задач ложилась "на чрезвычайно ограниченный круг лиц" ⁷⁶. Все это, безусловно, мешало организации стабильной работы.

Насколько ситуация в испартах зависела от конкретных работников, свидетельствует пример Донского испарта. Местным комитетом РКП(б) была учреждена коллегия этого учреждения, состав которой часто менялся. Дело в том, что партийные работники, входившие в состав коллегии, не рассматривали деятельность в ней как основную нагрузку и, перегруженные основной управленческой работой, фактически не принимали участие в деятельности испарта ⁷⁷. Всего за два месяца 1922 г. из шести членов коллегии здесь сменилось три человека ⁷⁸. Только когда в сентябре 1922 г. были утверждены два квалифицированных сотрудника – заведующий Виктор Толмачев и научный сотрудник Ратнер, заинтересованные в работе испарта, – деятельность Донского испарта активизировалась ⁷⁹.

Как уже отмечалось, еще в 1923 г. Донской испарт фактически выполнял функции всего краевого испарта. Об этом говорил в своем

⁷⁴ Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской партийной организации в 1917-1922гг. Сб. документов и материалов. – Нальчик, 1963. – С. 173.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.105. Л.1.

⁷⁶ Пролетарская революция. – 1922. – №8. – С. 235.

⁷⁷ Там же. №11. С. 235.

⁷⁸ ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.134а. Л.106а.

⁷⁹ Там же. Д.141. Л.96.

докладе В. Толмачев на Первом Всероссийском совещании истпартовских работников. Он отчитывался и о работе Юго-Восточного краевого истпарта, и об итогах деятельности Донского отделения, подчеркнув, что краевое бюро истпарта в составе трех человек сформировалось на основе Донистпарта⁸⁰. "Молодой, энергичный красный литератор" Кастерин практически не занимался делами истпартов Северокавказского края, и за год работы провел только ревизию Терского истпарта⁸¹. Не случайно связь между истпартами региона не была налажена, о чем говорят многочисленные ошибки в отчетах краевого бюро истпарта ЦК партии. Так, в информации о работе Кубано-Черноморского истпарта указывалось на издание к пятой годовщине Октябрьской революции сборника воспоминаний, в отчете самого истпарта факт издания отдельного сборника опровергался. Указывалось, что весь материал был помещен в журнале Обкома "Путь коммунизма", который ошибочно был назван Юго-Восточным истпартом "Путь революции"⁸². Более того, в отчете не давалась полная информация о реальной работе местных истпартов.

Пассивность и сложности у истпартов наблюдались и в других местах Северного Кавказа. К примеру, из заявленных весной 1922 г. членов Ставропольской коллегии истпарта уже летом за бездействие были освобождены трое. Это и не удивительно, т.к. один из освобожденных, И.Р. Апанасенко, возглавил тогда милицию Ставрополя⁸³. Даже председатель Ставропольского истпарта, бывший узник Шлиссельбурга Я.М. Штейн, занимал эту должность по совместительству, т.к. был заместителем заведующего организационного отдела губернского комитета РКП(б). Мотивом его назначения на пост председателя было мнение, что он – "хорошо знакомый и любящий историческую науку", но было очевидно, что одновременно со всеми обязанностями он справиться не сможет. Секретарь истпарта Т.М. Беляев только значился на этом месте, т.к. был заместителем заведующего информационным подразделом партийного комитета, хотя по профессии был литератором и журналистом. Едва ли серьезный вклад в розыск, сбор и научный анализ материалов революционно-партийной тематики могла внести и научный сотрудник Тальковская-Трифилева, археолог по специальности⁸⁴.

⁸⁰ Пролетарская революция. – 1923. – №4. – С. 353.

⁸¹ Там же. – №10. – С. 275.

⁸² Там же. – №4. – С. 353; №9. – С. 262.

⁸³ Власть Советов. 9 апреля 1922 г. – №602. – С. 3.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.319. Л.1, 7.

Среди трудностей становления истпартов была финансовая проблема. С 1 августа 1923 г. в контексте общего внутривнутриполитического курса на экономию произошло общее сокращение штатов истпартов, и была установлена новая сеть местных истпартоделов. На Северном Кавказе были ликвидированы Ставропольский, Горский и Кабардинский истпарты. Действовали только Донской, Кубано-Черноморский и Терский истпарты. Кроме того, был закрыт кредит и истпарту Юго-Восточного бюро ЦК⁸⁵. Выражая свое несогласие с данным фактом, в обращении к Истпарту ЦК РКП(б) работники бюро отмечали, что такие действия приведут к прекращению деятельности истпартов в краевом масштабе. По их справедливому мнению работа губернских отделов замыкалась в рамках своего региона, что вело к невозможности формировать общие обзоры революционного движения на всем Юго-Востоке России⁸⁶.

В Кубано-Черноморском истпарте после сокращения финансирования осталась работать только заведующая Е.М. Полуян-Верецкая, которая, кроме того, одновременно являлась и заведующей созданной политической секцией местного архивного бюро⁸⁷. Дело осложнялось тем, что уже в первые полтора года работы этого истпарта сменилось три секретаря. Назначенного в марте 1922 г. беспартийного профессора Р.К. Войцика уже в декабре того же года, пользуясь болезнью заведующей, которая отстаивала эту кандидатуру сильного профессионала, сняли с работы. Новый секретарь Рубинштейн оказался "совершенно неработоспособным", а сменивший его Гольденкул вообще не занимался своими секретарскими обязанностями, посвятив все свое время написанию научного издания "Аграрный вопрос на Кубани в революционный период", которое было подготовлено за рамками деятельности истпарта⁸⁸.

После сокращения истпартов работу ликвидированных отделов должны были вести оставшиеся три отделения. Например, Донской истпарт обязывался сохранять и популяризировать материалы по истории местной партийной организации бывшего Ставропольского истпарта,⁸⁹ а Терскому истпарту было поручено наблюдать за сохраннос-

⁸⁵ Пролетарская революция. – 1923. – №8. – С. 275-276.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.127. Л.24.

⁸⁷ Пролетарская революция. – 1923. – №9. – С. 261.

⁸⁸ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 94, 96.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.127. Л.21.

тью материалов историко-революционного характера в Горской республике, Дагестане, Кабарде и Карачаево-Черкесии⁹⁰. С одной стороны, это ухудшало качество истпартовской работы, а с другой – прослеживалось стремление сохранить все созданное раньше истпартовское пространство Северного Кавказа. Однако из-за отсутствия материальных средств и в связи с переходом местных органов управления на самокупаемость это требование осуществить было невозможно⁹¹.

В период становления системы истпарта на Северном Кавказе, как и в любом новом деле, серьезную роль играли взаимоотношения между конкретными работниками. Несмотря на создание Кубано-Черноморским обкомом специальной коллегии, результаты работы по сбору, публикации и пропаганде материалов о революционном движении и работе большевиков на Кубани были незначительными. Случилось это не только из-за частной сменяемости кадров, что наблюдалось, как было сказано выше, и в других регионах. В состав работников истпарта часто попадали случайные люди. Например, в 1924 г. в коллегию помимо заведующей входил включенный в ее состав вместо Дармороза работник Кубанского союза потребительских обществ Бушко-Жук, который во время Гражданской войны был командующим Новороссийским фронтом⁹². Он был далек и от собирательской, и от научной, и от воспитательной работы. Членом коллегии считался председатель партийно-кооперативного издательства "Буревестник" Г. Литвин-Молотов⁹³. Однако он не только не оказывал содействие истпарту, но и создавал конфликтные ситуации, т.к. считал истпартовскую работу второстепенной и несерьезной. По словам Е.М. Полуян-Верецкой, Г. Литвин-Молотов регулярно "саботировал" эту работу и, несмотря на ее настойчивые и неоднократные просьбы, даже ни разу не был в истпартовском отделе⁹⁴.

Следует отметить, что региональную работу истпарта на местах и после сокращения поддерживали и уполномоченные, которые, как правило, совмещали деятельность в местных агитпропах или архивных бюро. Вопросы улучшения работы уполномоченных по делам истпарта рассматривались на областных партийных конференциях⁹⁵. Были и

⁹⁰ Там же. Д.359. Л.80.

⁹¹ Там же. Д.361. Л.3.

⁹² ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.1. Л.5.

⁹³ Там же. Л.23.

⁹⁴ Там же. Л.6.

⁹⁵ Там же. Л.5.

другие модели сохранения жизнеспособности местных истпартов. К примеру, на ноябрь 1923 г. в штате Дагестанского комитета РКП(б) числился секретарь бюро истпарта, получающий содержание по незаполненным штатам агитационно-пропагандистского отдела⁹⁶. Во Владикавказе по решению Горского областного парткома, несмотря на отсутствие финансирования из центра, местная партийная организация помогала Косирати продолжать вести истпартовскую работу. Истпарт при этих неблагоприятных условиях как раз и рассчитывал на местные средства⁹⁷.

При всех этих обстоятельствах истпартовское пространство на Северном Кавказе продолжало расширяться за счет местной инициативы. Таким образом, идеологический актив большевистской партии уже не представлял себе успеха переделки массового сознания без участия в этом деле истпарта. В 1923 г. по местной инициативе в регионах возник институт уполномоченных при уездных и районных комитетах РКП(б) и на заводах⁹⁸. Так, Донской истпарт в этом году составлял циркуляры и инструкции о деятельности уполномоченных по районам⁹⁹. Более того, имеются источники, которые содержат информацию о реальных результатах деятельности уполномоченных: в отдельных районах Дона ими проводились беседы с участниками событий, устраивались вечера воспоминаний, распространялись схемы революционного движения¹⁰⁰. В отчете истпарта Кубани и Черноморья за 1923 г. активно работали уполномоченные в Армавире, Новороссийске, Майкопе, а вот Енисейский, Славянский, Кавказский отделы такую работу не проводили¹⁰¹.

Местная инициатива в 1920-е годы проявилась и в работе Терского истпарта. Здесь по всей территории при уездных комитетах партии были организованы ячейки истпарта. Анализ отчетного материала, в котором представлена их конкретная деятельность, позволяет увидеть интенсивность работы. Активно такие ячейки под руководством Дунина действовали при Георгиевском уездном комитете, а также при Пятигорском уюке РКП(б). Кроме того, в Пятигорском уезде был введен институт районных и волостных уполномоченных по делам истпарта¹⁰².

⁹⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.69.

⁹⁷ Там же. Д.106. Л.1.

⁹⁸ Пролетарская революция. – 1924. – №1. – С. 280.

⁹⁹ Там же. – С. 286-287.

¹⁰⁰ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.1. Д.327. Л.4.

¹⁰¹ Пролетарская революция. – 1922. – №1. – С. 290.

¹⁰² Там же. – 1924. – №1. – С. 300-301.

Бурную деятельность развернула Ессентукская испартовская ячейка под руководством члена райкома П. Седова. Он еще в 1922 г. телеграфно обращался в Истпарт ЦК РКП(б) с просьбой о высылке ему инструкций, на что из центра ему напомнили, что для этой цели и существует Терское губернское бюро испарта ¹⁰³. Активность ячейки позволила переименовать ее в уездное бюро испарта. Однако ряд ячеек были пассивными, как в Прикумске и Моздоке ¹⁰⁴. Надо заметить, что в тот период связь губернии с уездами часто поддерживалась только с помощью переписки, транспорта для разъезда по региону не хватало, на территории бушевал бандитизм ¹⁰⁵. Все это в свою очередь не могло не сказаться на компетентности уездных ячеек, где и просто грамотных людей было немного, не то, что профессионально разбиравшихся в истории.

Как свидетельствуют источники, одним из главных противоречий, серьезно мешавших эффективной деятельности региональных испартов было несоответствие профессионального уровня работников их классовой принадлежности. Примером этому может служить судьба заведующего Терским испартом В. Апухтина. Как историк и музейщик ученый-краевед много сделал для формирования пространства испарта в регионе, для становления работы местного испарта. В то же время местная власть не доверяла ему как "чуждому элементу", и он находился в постоянной конфронтации с местными органами власти. В конечном итоге с 1 января 1924 г. Апухтин был отстранен от занимаемой должности с формулировкой "как совершенно безынициативный (беспартийный) и несоответствующий" ¹⁰⁶. Бюро испарта Терского губкома РКП(б) было утверждено 3 января 1924 г. уже без В. Апухтина.

Заведующим стал Ю.П. Кажмер. В состав местного бюро вошли также заведующий местным агитпропом Ионас и заведующий организационным отделом Белов. По мнению местного парткома, личность Ю.П. Кажмера, больше соответствовала функциям испартовского работника. Ведь Кажмер был старым членом партии и руководил революционными подпольными организациями еще в годы царской власти. В феврале 1924 г. он был назначен заведующим политической

¹⁰³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.66.

¹⁰⁴ Пролетарская революция. – 1923. – №10. – С. 275.

¹⁰⁵ Там же. – 1924. – №5. – С. 258.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.3.

секцией архивного бюро ¹⁰⁷. Кроме того, в 1924 г. испартовская работа на Тереке сосредоточилась также в структуре агитпропа ¹⁰⁸.

На примере Терского испарта становится очевидным, что в центре не всегда оставались довольными местной инициативой. Поддержку, как правило, получала финансовая самостоятельность, а вот организационные новшества часто критиковались. Так, Истпарт указывал в апреле 1924 г. как на ошибку Терского отделения утверждение заведующего Терским испартом в качестве заведующего подотделом губкома. Истпарт, по мнению центрального органа, должен был работать на правах отдела губернского комитета партии ¹⁰⁹.

В условиях отдаленности Северокавказского региона и разнообразия территорий, входивших в его состав, необходим был единый орган, координирующий работу отделов испарта. После образования Юго-Восточного края и соответствующих краевых органов вполне естественно встал вопрос о создании Северо-Кавказского испарта. Необходимость организации краевого испарта, для разработки положения и плана которого была создана специальная комиссия, обсуждалась на заседании Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) 9 мая 1924 г. ¹¹⁰. Во время третьего Всероссийского совещания работников местных испартов в мае 1924 г. в Истпарте ЦК РКП(б) ставился вопрос о необходимости создания краевого испарта ¹¹¹, который и был организован после районирования Юго-Восточного края в 1924 г.

Постановлением бюро Юго-Восточного крайкома РКП(б) от 3 августа этого года для заведывания краевым испартом при Юго-Восточном крайкоме РКП(б) решено было отозвать с Кубани Е.М. Полуян-Верецкую. Однако из-за болезни она смогла начать заниматься организацией краевого испарта только с 4 декабря 1924 г., а до этого координационная работа испартов в крае фактически не велась ¹¹². Лишь изредка вопросы краевого уровня рассматривались в рамках Донского испарта ¹¹³. Поэтому в октябре на заседании бюро Юго-Восточного крайкома РКП(б) была утверждена комиссия в составе Н.Ф. Гикало, С.М. Письменного и Е.М. Полуян-Верецкой. Эта комиссия должна была

¹⁰⁷ Там же. Д.361. Л.29об.

¹⁰⁸ ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.789. Л.16.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.360. Л.5.

¹¹⁰ ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.1. Л.15.

¹¹¹ Там же. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.4об.

¹¹² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.98.

¹¹³ Там же. Д.125. Л.27.

совместно с представителями Донистпарта и Кубокружка рассмотреть вопрос и внести практические предложения по организации краевого истпарта ¹¹⁴.

Назначение Е.М. Полуян-Верецкой заведующей краевым истпартом было вполне оправданным. Она – активная участница революционных событий на Кубани, привыкшая к борьбе, перенесла ее на работу в "мирное время", что отразилось в написанных ею текстах – переписке с Истпартом, отчетном материале. Она считала возможным осуществлять в полном объеме истпартовскую деятельность в трудных материальных условиях и при отсутствии организационного опыта работы не только региональных структур, но и самого Истпарта. Имея свою собственную позицию по ряду вопросов, Е.М. Полуян-Верецкая не боялась высказывать центру несогласие и претензии по определенным проблемам. С другой стороны, она смело вступала в конфронтацию с местной властью и общественностью, когда не находила отклика и поддержки своей работы.

Е.М. Полуян-Верецкая немало сделала по налаживанию истпартовской деятельности во всех округах и автономных областях Северного Кавказа. По собственной инициативе она пыталась через окружные комитеты партии организовать политические секции архивных бюро ¹¹⁵. Для этого Полуян-Верецкая обратилась к комитетам партии округов и автономных областей в декабре 1924 г., чтобы там, где не было специального работника истпарта, краевое бюро в качестве своих уполномоченных назначало заведующих политическими секциями местных архивных бюро ¹¹⁶. Эта инициатива была поддержана центром в январе 1925 г. ¹¹⁷. В результате на Тереке, в Осетии, в Таганрогском и Ставропольском округах на должности заведующих политическими секциями были выделены ответственные лица под наблюдением окружных агитпропов ¹¹⁸.

Особенно сложными были условия по организации работы истпартов в национальных регионах. Е.М. Полуян-Верецкая немало сделала, например, для организации работы в Ингушетии. Убеждая Ингушский комитет партии в необходимости создания истпарта, она предлагала

¹¹⁴ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.21С4. Л.12.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.85.

¹¹⁶ Там же. Д.421. Л.20.

¹¹⁷ Там же. Д.298. Л.3.

¹¹⁸ Там же. Д.299. Л.86.

найти участника революционного движения, который бы занимался истпартовской деятельностью по совместительству. Агитпроп обкома партии автономной Ингушетии ответил, что в ингушской партийной организации "из всех членов только два (секретарь и агитпроп) могли составить по материалам самостоятельный доклад". Кроме того, агитпроп "вследствие урезки до невозможного сметы Обкома" был представлен всего одним человеком. Он работал "и как пропагандист, и как инструктор, и как методист, и как преподаватель Совпартшколы, и как кружковод", и как ответственный прикрепленный к заводской ячейке ¹¹⁹.

Следует обратить внимание на то, что административно-территориальная реформа и последовавшее за ней районирование существенно повлияли на структуру местных отделений истпарта. В связи с созданием в июне 1924 г. на территории Кубано-Черноморской области четырех округов: Кубанского, Черноморского, Армавирского, Майкопского, областные организации истпарта упразднены ¹²⁰. Соответственно прекратил существование и истпарт Кубано-Черноморского обкома РКП(б), а его дела были переданы в политическую секцию Кубанского архивного бюро. Осенью окружной комитет РКП(б) назначил уполномоченным Северо-Кавказского краевого истпарта в Кубанском округе и одновременно заведующим политической секцией архбюро Э.Г. Гипари ¹²¹. В Черноморском округе истпарт с декабря 1924 г. был представлен заведующим агитпропом Ионасом и секретарем истпарта Никитиным, который в то же время являлся заведующим окружным архивом ¹²².

Истпартовская деятельность в Ставропольском округе сосредоточилась в окружном архбюро, которым руководил В. Алухтин, переехавший на Ставрополье после увольнения с должности заведующего Терским истпартом. Кроме того, сбором и изучением документов и другой информации по истории революционного движения в регионе занималась созданная в августе 1924 г. политическая секция, ¹²³ которую возглавлял И.Б. Рутберг ¹²⁴. Однако в ноябре 1924 г. Истпарт обратился

¹¹⁹ Там же. Л.38-41, 44.

¹²⁰ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 102.

¹²¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.193. Л.8.

¹²² Там же. Д.417. Л.2.

¹²³ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.141. Лл.10, 11.

¹²⁴ Там же. Д.277. Л.18.

к секретарю Ставропольского окружного комитета РКП(б) с сообщением, что в 1925 г. было запланировано финансирование одного ответственного работника истпарта в округе и просил назначить заведующим истпартовским отделом "подходящего для этой работы товарища, обязательно партийца". Дело в том, что заведующий окружным архивным бюро В. Апухтин не мог "представлять собою истпарт, как человек беспартийный" ¹²⁵.

Классовый подход особенно строго применялся к подбору идеологических кадров, в том числе и для реализации политики памяти. Уже в январе 1925 г. было произведено обследование работы Ставропольского окружного архбюро инструктором Центрального архивного управления, имевшего удостоверение на осуществление этой работы не только Центрархива, но и Истпарта. Результатом этой проверки стало немедленное смещение В. Апухтина с должности заведующего Ставропольским окружным архивным бюро. Для устранения этого высококвалифицированного преданного делу специалиста был найден и вполне "официальный" предлог. Его обвинили в "халатном отношении к службе и незаконное расходование денежных сумм", потраченных на командировки на краеведческие съезды в Сухуми и Москве, при отсутствии на это разрешения Центрархива. Был даже поставлен вопрос о необходимости привлечения В. Апухтина к судебной ответственности ¹²⁶.

В январе 1925 г. финотдел Северо-Кавказского крайкома РКП(б) разослал штаты работников истпартов. В Донском и Кубанском округах были выделены по единице ответственного и технического работников. В Терском и Ставропольском округах были назначены по одному ответственному истпартовскому работнику. Были выделены штатные единицы технических сотрудников для Армавирского, Черноморского округов и для Владикавказа ¹²⁷.

Северокавказский истпарт вскоре наладил связи с политической секцией Кубани, с истпартами в Новороссийске, на Тереке, в Ставрополе, в Шахтах, Таганроге, в Сунже, Майкопе, Осетии, также в Грозненском и Донецком округах, в Миллерово ¹²⁸. Именно в этих районах была налажена работа по сбору, изучению и пропаганде информации

¹²⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.319. Л.16.

¹²⁶ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.304. Л.1об., 11.

¹²⁷ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.85, 86.

¹²⁸ Там же. Л.87.

о партийных организациях и революционном движении в округах. Унифицированные формы организации местных истпартов отсутствовали. С одной стороны, это развязывало местную инициативу, а с другой – снижали эффективность работы. Пространство Северокавказского истпарта только формировалось. Поэтому оно еще не стало полностью элементом всесоюзного пространства истпарта.

В начале 1925 г. была разработана новая сеть истпартов макрорегиона. В феврале этого года на заседании секретариата Северо-Кавказского крайкома РКП(б) было принято постановление, согласно которому наряду с краевым истпартом, создавались Ростовский (Донской), Краснодарский (Кубанский), Грозненский, Владикавказский, Новороссийский (Черноморский) и Ставропольский истпарты ¹²⁹. Эта сеть не соответствовала структуре их финансирования, определенного в январе того же года. В финансовых документах был указан Терский, а не Грозненский истпарт. Анализ источников, раскрывавших функционирование местных истпартов, позволил выявить существование именно Терского истпарта.

Сосредоточение истпартовской работы в архивных органах и агитпропах не отвечало планам центра, который полагал, что для нормальной работы необходимы самостоятельные отделы истпарта в рамках региональных партийных комитетов. Истпарт ЦК РКП(б) в 1925 г. принял ряд решений для упорядочения организационных форм истпартовской деятельности на местах. В частности, в письме секретарям региональных партийных комитетов от 7 февраля 1925 г., Истпарт обращал внимание на "ненормальное положение", когда истпартовские отделы некоторых окружкомов и обкомов были организационно низведены до уровня подотделов агитпропов, что фактически вело к затуханию работы истпартов на местах ¹³⁰. Среди примеров такой ситуации был приведен Терский истпарт. Однако на запрос Истпарта ЦК РКП(б) Терский истпарт в феврале 1925 г. сообщал, что он функционирует при окружке на правах отдела, а не подотдела ¹³¹. Тем не менее, отрицательным явлением организации этого отдела была частая сменяемость сотрудников. Только за 1925 г. Либман сменила Абраменко, которая вскоре переехала в Белоруссию, и заведующей местным истпартом в ноябре стала Гладильщикова ¹³².

¹²⁹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.163. Л.2.

¹³⁰ Пролетарская революция. 1925. №3. С. 266.

¹³¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.362. Л.9.

¹³² ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.10. Л.1об.

Неблагополучным было положение истпарта и в Ставропольском округе. Истпарт ЦК в марте 1925 г. обратился к секретарю Ставропольского окружкома партии с требованием исправить ситуацию, когда отдел истпарта в регионе отсутствовал, а местный агитпроп практически не брал на себя функции истпарта, хотя кредит на одного ответственного сотрудника по истпарту был выделен. Центр просил выделить для истпарта специального работника¹³³. Единственными заинтересованными в сборе материалов по истории революционного движения лицами были сотрудники архивных органов. В июле 1925 г. был назначен заведующий истпартом в регионе, и истпарт стал функционировать на правах отдела при окружкоме¹³⁴. Возглавлял эту работу на Ставрополье А.М. Козлов, который по совместительству был назначен заведующим Архивом Октябрьской революции Ставропольского окружного архивного бюро¹³⁵.

По настоятельному требованию Истпарта ЦК РКП(б) весной 1925 г. в самостоятельный отдел парткома был выделен истпарт в Черноморском округе. Его заведующим стал Никитин, работавший до этого в архиве¹³⁶. Тогда же был создан истпартовский отдел при Таганрогском окружкоме, заведующим которого был назначен К.В. Губарев¹³⁷. Фактически же отдел начал работу с июня 1925 г.¹³⁸. Тогда в селах и на крупных предприятиях региона была организована сеть из 44 истпартовских ячеек, благодаря которым было собрано значительное количество материала по истории революционного движения¹³⁹. Шахтинский истпарт той же весной создал сеть уполномоченных по рудникам и некоторым селам. Однако интенсивность их работы была неодинакова. Наиболее продуктивной, например, истпартовская деятельность оказалась в Сулинском районе и на крупнейших рудниках¹⁴⁰.

Организационные усилия вновь созданных местных истпартов были направлены на активизацию работы по сбору материалов на уровне районов и волостей. Так, Терский истпарт разослал циркуляр в уездные, районные и волостные комитеты РКП(б) о создании местного ак-

¹³³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.320. Л.1.

¹³⁴ ГАНИСК. Ф.6325. Оп.1. Д.8. Л.15.

¹³⁵ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.804. Л.10.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.417. Л.2об.

¹³⁷ Там же. Д.334. Л.1.

¹³⁸ Пролетарская революция. – 1925. – №11. – С. 308.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.337. Л.5.

¹⁴⁰ Пролетарская революция. – 1925. – №10. – С. 240-241.

тива партийных работников, утверждавшегося соответствующим комитетом партии. Возглавлять эту группу должен был уполномоченный бюро, который отвечал за всю работу коллектива и отчитывался перед истпартом Терского губкома РКП(б)¹⁴¹. К концу сентября 1924 г. были получены сообщения из семи районов Терского округа об организации бюро истпартов в местных райкомах РКП(б), которые по предложенной схеме собирали материал о революции 1905 г. на местах¹⁴². Однако во всех районах провести такую работу не удалось. Согласно информации Терского истпарта по состоянию на апрель 1925 г., часть учетных бюро по районам была очень слаба, большинство из них были назначены "механически". Все это затрудняло работу и требовало пересмотра состава бюро¹⁴³. Все-таки в целом в этом округе работа даже временно не прерывалась, были получены материалы о революционном движении из мест, где это движение было организовано особенно успешно. Речь шла о Минеральных Водах, Прикумске, Моздоке и Георгиевске¹⁴⁴.

Тем же путем шли Кубанский и Черноморский истпарты, организовавшие истпартовскую работу в 1924-1925 гг. на уровне районов и партийных ячеек. О важности такой организации писал Истпарт, который предлагал налаживать эти связи не столько объездами районов заведующим бюро, что было физически невозможным, сколько через совещания районных работников в окружкоме партии, окружном исполкоме, политпросвете¹⁴⁵. По распоряжению Черноморского истпарта все районные и городские партийные комитеты округа должны были выделить по одному уполномоченному по истпартовской работе без выделения особых штатов¹⁴⁶. Было назначено до 35 уполномоченных по ячейкам и райкомам, в том числе в Сочи, Туапсе, Геленджике, Анапе. Районные уполномоченные по мере надобности создавали сеть станичных уполномоченных. Однако со всеми районами наладить прочную связь не удалось¹⁴⁷. В связи с наступлением страдной поры на селе трудно было ожидать от районных уполномоченных продуктивной работы и ведения систематической отчетности¹⁴⁸. Поэтому в 1926 г. Ку-

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.361. Л.31.

¹⁴² Пролетарская революция. – 1925. – №1. – С. 270.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.362. Л.15.

¹⁴⁴ Пролетарская революция. – 1925. – №5. – С. 284.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.418. Л.2.

¹⁴⁶ Пролетарская революция. – 1925. – №7. – С. 234.

¹⁴⁷ Там же. – №10. – С. 240.

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.193. Л.18.

банский испарт посчитал нецелесообразным сохранение института уполномоченных по всем районам. Предлагалось выделять уполномоченных только в районах, имевших "определенное значение" в ходе Гражданской войны¹⁴⁹.

С июня 1925 г. происходит фактическое объединение Донского и Северо-Кавказского краевого испартов. Е.М. Полуян-Верещкая в апреле 1925 г. была переведена на работу в политпросвет Северокавказского крайкома, и во главе Северо-Кавказского испарта встал руководитель Донского отдела испарта В. Толмачев, который и совместил работу в двух органах испарта. Это стало началом их объединения¹⁵⁰.

В. Толмачев обратил внимание на организационную неразбериху в сети испарта Северного Кавказа. Наблюдался разнородность в организационных формах испартовской деятельности в округах. "В некоторых местах, – писал он, – испарты фактически превратились в Архбюро, в других наоборот, Архбюро взяли на себя обязанности испарта; испартработу ведут то политсекции, то агитпропы, то так называемые уполномоченные, работа которых, зачастую, проходит вне поля зрения Парткомитетов, и только в некоторых округах существуют испартотделы"¹⁵¹.

Пытаясь унифицировать испартовскую деятельность, В. Толмачев разослал в июле 1925 г. специальный циркуляр краевого испарта. В нем говорилось, что вся испартовская работа должна быть сосредоточена исключительно при испарте местного партийного комитета, а различные комиссии должны были вести свою работу только с ведома и в полном контакте с испартами. Указывалось также на недопустимость подмены функций испарта архивным бюро, поскольку политические секции и архивные бюро являлись "советскими архивными органами, а не историко-научными". Таким образом, эти органы могли быть использованы в испартовской работе только как подсобная сила. Местный испарт же должен был осуществлять общее руководство, но не вмешиваться в их повседневную работу¹⁵².

С назначением В. Толмачева заведующим краевым испартом было связано и образование литературных советов вместо неработоспособных коллегий. Это является еще одним примером поисков местными испартами наиболее эффективных организационных форм работы. В

¹⁴⁹ Там же. Д.196. Л.40.

¹⁵⁰ Там же. Д.299. Л.96.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. Л.55, 56.

распространенном на подведомственной территории в июле 1925 г. циркуляре Северо-Кавказского краевого испарта говорилось о необходимости сведения всех совещательных органов к одному типу, лучшим из которых признавался литературный совет. Функция литературного совета заключалась в рассмотрении наиболее важных литературных испартовских вопросов. Предполагалась постепенная реорганизация всех существовавших на тот момент бюро, коллегий и комиссий в литературные советы¹⁵³. Первый литературный совет из десяти человек был создан постановлением секретариата Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 2 июля 1925 г.¹⁵⁴ Однако действовал он не очень активно. Фактически было проведено только одно заседание в октябре 1925 г., на котором был утвержден издательский план испарта к юбилею революции 1905 года¹⁵⁵. Причина такого положения была прежняя. Как отмечалось в отчете краевого испарта за 1927 г., неработоспособность литературного совета была связана с перегруженностью его членов основной работой. Постановка вопроса о реконструкции совета и средствах оживления его работы, однако, мало, что изменила¹⁵⁶.

При Терском испарте в сентябре 1925 г. создавался литературный совет из пяти членов под председательством заведующей испартом Либман¹⁵⁷. Такой же совет был создан при Ставропольском испарте¹⁵⁸. Центр в целом одобрил эту форму работы, особенно в связи с тем, что она давала возможность привлечь к работе испартов научные силы, непосредственно не связанные с испартовской деятельностью¹⁵⁹. К сожалению, на Северном Кавказе такие научные кадры были ограничены в основном беспартийными дореволюционными краеведами. Поэтому в составе литературных советов этого макрорегиона преобладали партийные функционеры, неспособные оказать реальную исследовательскую и литературную помощь.

По состоянию на осень 1925 г. испартовская сеть на Северном Кавказе была представлена в следующем виде. Отделы испарта существовали в Донском, Таганрогском, Кубанском, Терском, Черноморс-

¹⁵³ Там же. Л.56.

¹⁵⁴ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.173. Л.5.

¹⁵⁵ Там же. Д.152. Л.9-10.

¹⁵⁶ Там же. Д.825. Л.3.

¹⁵⁷ ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.793. Л.50.

¹⁵⁸ Там же. Ф.6325. Оп.1. Д.8. Л.15.

¹⁵⁹ Пролетарская революция. – 1928. – №11-12. – С. 358.

ком, Ставропольском округах. Во Владикавказе истпартотдел существовал формально, его заведующий работал по совместительству. В Грозном окружном комитете выделил для работы одного человека, что мешало развернуть полноценную деятельность. В Шахтинском, Майкопском, Армавирском, Сальском округах, Адыге-Черкесской, Кабардино-Балкарской областях работа осуществлялась уполномоченными по совместительству. В Ингушетии и Осетии истпартотделская деятельность была поручена агитпропам, что не дало положительных результатов. В Карачаево-Черкесской области истпартотделская работа не велась¹⁶⁰.

В 1926 г. произошло фактическое отделение Донского отдела от Северо-Кавказского краевого истпарта. Это произошло после откомандирования В. Толмачева из пределов Северо-Кавказского края, который, как известно, исполнял обязанности заведующего двух истпартов¹⁶¹. На освободившееся место заведующего Донским истпартом был назначен бывший заместитель В. Толмачева Н.Г. Токарев.¹⁶² Он занимал эту должность вплоть до ликвидации Донского отделения и передачи его дел в июне 1927 г. в краевой истпарт¹⁶³. Во главе Северо-Кавказского краевого истпарта с 1926 г. стоял А. Лиманский.

Как уже говорилось в первом параграфе, с конца 1920-х годов в государственном управлении в целом обозначилась тенденция централизации и унификации. Это не обошло стороной и истпарты. После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 22 апреля 1927 г. со второй половины этого года в Северо-Кавказском крае были упразднены Донской, Терский, Черноморский, Шахтинский, Армавирский, Грозненский и Ставропольский истпарты¹⁶⁴. Материалы ликвидированных окружных истпартов были переданы в распоряжение краевого истпарта¹⁶⁵. Временно оставались Таганрогский истпарт под руководством К. Губарева, Владикавказский, где истпартотделской деятельностью занимался М. Шаусен, и Кубанский, которым с 1927 г. заведовал Я. Раенко¹⁶⁶, сменивший на этом посту Е. Жугину¹⁶⁷. В будущем и эти три отдела

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.116-120.

¹⁶¹ Там же. Д.130. Л.51.

¹⁶² Там же. Л.15.

¹⁶³ Там же. Л.35.

¹⁶⁴ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.2.

¹⁶⁵ Там же. Л.6.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.18. Л.14.

¹⁶⁷ Там же. Оп.1. Д.140. Л.6.

также предполагалось ликвидировать. Действительно, в октябре 1928 г. они были упразднены.

Аппарат Северо-Кавказского краевого истпарта в это время был представлен четырьмя ответственными и одним техническим работниками. Заведующим истпартом был А. Лиманский¹⁶⁸. Научными сотрудниками числились Н. Янчевский, И. Борисенко и В. Кононенко¹⁶⁹. На Дону, Тереке, Черноморье, в Ставрополе, Шахтах, Армавире, Грозном, Майкопе, Сальском округе, Адыгее были назначены уполномоченные, работавшие по совместительству. Наряду с ними в регионах работали группы содействия истпарту¹⁷⁰.

Слияние Истпарта ЦК ВКП(б) и Института В.И. Ленина также повлияло на формирование пространства истпарта на Северном Кавказе¹⁷¹. В изучаемом регионе работал укрупненный истпарт при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б). Его штат состоял только из трех сотрудников. После упразднения окружных истпартов истпартотделская деятельность легла исключительно на плечи уполномоченных Северо-Кавказского истпарта. Это, как правило, были заведующие местными архивными бюро. Они наряду с архивной работой через свой аппарат выполняли задания краевого истпарта¹⁷². Например, в Кубанском округе уполномоченным Северо-Кавказского краевого истпарта являлся заведующий архивным бюро И.Ф. Митенберг¹⁷³, а в 1929 г. в Терском округе вместо Губина уполномоченным был назначен заведующий Терским архивным бюро В.М. Белый¹⁷⁴.

В связи с указанными изменениями в структуре Северо-Кавказского истпарта был организован, согласно постановлению секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 29 июля 1929 г., Единый партийный архив. Дело в том, что создание Единого партийного архива Института В.И. Ленина сопровождалось открытием при местных истпартах его филиалов – местных партийных архивов. Временно заведующим партийным архивом Северного Кавказа был назначен

¹⁶⁸ Там же. Оп.2. Д.18. Л.11.

¹⁶⁹ Там же. Д.19. Л.50.

¹⁷⁰ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.2.

¹⁷¹ Пролетарская революция. – 1928. – №11-12. – С. 362-363.

¹⁷² Там же. – 1929. – №11. – С. 303-305.

¹⁷³ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 118.

¹⁷⁴ ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.36. Л.109.

секретарь истпарта И. Ваненко¹⁷⁵. В мае 1930 г. заведующим краевым партархивом был утвержден Я. Раенко¹⁷⁶.

Северо-Кавказский истпарт испытывал большие трудности в работе, т.к. координация в краевом масштабе осуществлялась фактически силами трех научных сотрудников. В одном из архивных документов отмечалось, что уполномоченные, перегруженные основными обязанностями, практически не занимались истпартовской работой, а никакие другие кадры к данной деятельности не привлекались¹⁷⁷. Единственным выходом из этого критического состояния, по мнению краевого истпарта, было "объединение научных сил и создание минимальных условий, благоприятствовавших более плодотворной работы в крае". Таким образом, возникла идея организации в крае специального научно-исследовательского учреждения¹⁷⁸. Такие преобразования крупнейших истпартов в научно-исследовательские институты предусматривались и центром после слияния Истпарта ЦК ВКП(б) с Институтом В.И. Ленина¹⁷⁹. Вопрос о реорганизации отдела истпарта рассматривался на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в апреле 1929 г. На нем было принято решение о создании краевого института марксизма-ленинизма, "партийного, научно-исследовательского центра, объединяющего партийно-научные силы с правом привлечения беспартийных марксистских работников". В него должен был влиться краевой истпарт. Для организации такого института была создана комиссия, которая должна была разработать практический план его формирования, учитывая наличие сил, средств и уставных задач¹⁸⁰.

В феврале 1930 г. местная власть обратилась в ЦК ВКП(б) с просьбой санкционировать организацию на Северном Кавказе института марксизма-ленинизма и для научной и педагогической работы в институте помочь кадрами из числа выпускников Института красной профессуры¹⁸¹. Однако в мае 1930 г. заведующий Северо-Кавказским истпартом А. Лиманский получил письмо из центра, в котором уведомлялось, что из пяти институтов, намеченных Институтом В.И. Ленина, ЦК

¹⁷⁵ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.924. Л.56.

¹⁷⁶ Там же. Д.1047. Л.30.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.19. Л.50.

¹⁷⁸ Там же. Л.51.

¹⁷⁹ Там же. Ф.347. Оп.1. Д.52. Л.69.

¹⁸⁰ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.860. Л.56об.

¹⁸¹ Там же. Д.1038. Л.4об.

ВКП(б) санкционировал открыть только три: в Ленинграде, Украине, Закавказье. Вопрос об организации института на Северном Кавказе и в Белоруссии не был разрешен¹⁸².

После очередной территориально-административной реформы 1930 г. в СССР, когда были ликвидированы округа, а районы стали начинаться непосредственно области или краю, были окончательно ликвидированы все окружные организации истпарта. В связи с тем, что существенное сокращение региональных отделов истпарта произошло еще в 1927 – 1928 гг., значительного влияния эта административно-территориальная перестройка на работу краевого истпарта не оказала. Основной формой истпартовской работы в крае была организация института истпартовских уполномоченных в районах, а также групп содействия, действовавших в соответствии с Положением о краевом истпарте. Интенсивность работы уполномоченных была неодинаковой и, как показал анализ источников, в основном они эпизодически выполняли небольшие конкретные задания краевого истпарта.

Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" и начатый после его выхода процесс формирования сталинской модели исторической памяти отразились и на работе Северо-Кавказского истпарта. В частности, его заведующий А. Лиманский в ноябре 1931 г. был приглашен на заседание Северо-Кавказского филиала Всесоюзного общества старых большевиков (ВОСБ) для отчета о проделанной работе, однако он дважды не являлся¹⁸³. Член ВОСБ М. Корчин обратился с просьбой к заместителю заведующего агитпропом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) И. Гозенпуду за содействием. Однако И. Гозенпуд ответил, что "нельзя ли это дело отложить, как бы чего плохого из этого не получилось"¹⁸⁴. Только после распоряжения первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б. Шеболдаева, А. Лиманский все-таки сделал доклад 8 декабря 1931 г. на заседании бюро филиала ВОСБ о работе крайистпарта¹⁸⁵.

По результатам сделанного доклада бюро филиала ВОСБ вынесло постановление, где указывалось на необходимость просить крайком пересмотреть план и программу работы крайистпарта, т.к. они абсолютно не обеспечивали издание истории ВКП(б) Северного Кавказа и

¹⁸² РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.216. Л.151.

¹⁸³ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.90. Л.1.

¹⁸⁴ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.8. Л.60об.

¹⁸⁵ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.90. Л.5.

"вообще большевистской исторической литературы могущей правильно, по-большевистски отразить революционные события Северного Кавказа"¹⁸⁶. А. Лиманский был освобожден от своей должности в исппарте. От работы в исппарте также были отстранены Н. Янчевский и Н. Борисенко. На протяжении длительного времени должность заведующего крайистпартом оставалась вакантной. Несмотря на то, что еще в январе 1932 г. М. Корчину было поручено договориться с Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) о кандидатуре руководителя исппартом¹⁸⁷, в мае 1932 г. в ответ было принято решение бюро филиала ВОСБ, где указывалось на необходимость просить крайком ВКП(б) определить кандидатуру на должность заведующего исппартом и укомплектовать аппарат исппарта "большевистски выдержанными и научными работниками"¹⁸⁸. В сентябре крайкому ВКП(б) была предложена кандидатура Христенко, а в декабре – И. Ченцова¹⁸⁹. В конечном итоге только в 1933 г. был назначен заведующий исппартом Северного Кавказа. Им стал М.Н. Корчин. Ключевым фактором для утверждения его кандидатуры на должность заведующего исппартом стало то, что он являлся членом партии с 1902 г.¹⁹⁰.

Именно в 1930-е годы началось тесное сотрудничество краевого исппарта и Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института краеведения, что свидетельствовало о стремлении усилить научно-издательскую сторону работы исппарта. Горский НИИ был основан еще в 1920 г. в г. Владикавказе и функционировал там под названием "Северо-Кавказский институт краеведения" до июля 1925 г. В ноябре 1926 г. он был переведен в г. Ростов-на-Дону и начал функционировать как Северо-Кавказский краевой горский НИИ краеведения. В это время его возглавлял Умар Алиев¹⁹¹.

Более тесное сотрудничество института с исппартом было связано и с реорганизацией самого НИИ. В 1930 г. Главнауки Наркомпроса РСФСР провел обследование института, после чего его новым директором стал Н.Г. Буркин, с которым и были связаны изменения в содержании его

¹⁸⁶ Там же. Л.5об.

¹⁸⁷ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.6. Л.1об.

¹⁸⁸ Там же. Л.17.

¹⁸⁹ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.90. Л.33, 36.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.19.

¹⁹¹ Калининченко С.Б. Горский научно-исследовательский институт краеведения (К 80-летию образования) // Ставропольский хронограф на 2006 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2006. – С. 263, 264.

работы. В структуре института появилась историческая секция, в сферу компетенции которой входила подготовка квалифицированных работников по истории народов СССР, прежде всего, по истории горских народов. Предполагалось, что здесь будут готовить кадры для научно-исследовательских учреждений Северного Кавказа и Дагестана, преподавателей для национальных вузов, а также, что очень важно для данной темы, специалистов для исппарта. Кроме того, в круг задач секции входила разработка истории Октябрьской революции и Гражданской войны в национальных областях¹⁹². Именно на базе этой секции и развернулось сотрудничество исппарта с Северо-Кавказским НИИ краеведения. Ряд произведений Н.Г. Буркина по историко-революционной тематике уже с начала 1930-х годов выходил под грифом краевого исппарта.

Непосредственное влияние на организацию пространства исппарта на Северном Кавказе оказали очередные территориальные изменения в 1934 г. В январе этого года Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске. В 1937 г. край был переименован в Орджоникидзевский, а центр его был переведен в г. Ставрополь, переименованный тогда же в Ворошиловск.

В соответствии с принципами создания местных исппартов в качестве отделов краевых (областных) комитетов ВКП(б) краевой исппарт также был соответственно разделен. В Ростове-на-Дону функционировал исппарт Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), являвшийся фактически преемником работавшего здесь ранее краевого исппарта. Поэтому он был лучше обеспечен материально-технической базой и аппаратом сотрудников. В новом же Северо-Кавказском крае исппарт был создан постановлением Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) 23 марта 1936 г. Одновременно в его структуре был образован единый краевой партийный архив¹⁹³.

Азово-Черноморский исппарт, которым заведовал М.Н. Корчин, состоял из пяти секций. В это время удалось привлечь к исппартовской деятельности представителей нарождавшегося нового локального научного сообщества, которые получили образование уже в советской системе академической и вузовской науки. Например, секцию по истории партии возглавляла З. Кандюрина, окончившая курсы марксиз-

¹⁹² Там же. – С. 268.

¹⁹³ ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д.97. Л.130, 130об.

ма-ленинизма, а научным сотрудником здесь работал С. Бойков, окончивший Институт красной профессуры. Секцией истории Октябрьской революции и Гражданской войны руководил Я. Раенко, который имел большой опыт работы в истпарте. В 1920-е годы он работал в Кубанском истпарте, а после его ликвидации – в Кубанском окружном архивном бюро. Секция по истории комсомола находилась в ведении молодого комсомольца Е. Семенкина, который был доцентом Ростовского педагогического института, специализируясь на истории России. В структуру этого краевого истпарта входил на правах отдела партийный архив. Его заведующим был Вацлавский, а научным сотрудником была Авошникова, выпускница Ростовского пединститута, и Г. Панасий, занимавшийся вопросами истории рабочего и профсоюзного движения. Кроме того, истпарт имел собственную библиотеку, которой заведовала беспартийная Кабардина¹⁹⁴.

Н.Г. Буркин к тому времени стал заведующим Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим НИИ, получившим это новое название в 1934 г., но по совместительству оставался научным сотрудником истпарта¹⁹⁵. Надо отметить, что научные интересы истпарта и НИИ по вопросам историко-революционной проблематики совпадали. Основной акцент в их работе был сделан на изучении классово-борьбы и национально-освободительного движения в XIX – XX вв., истории Октябрьской революции и Гражданской войны у горских народов Северного Кавказа¹⁹⁶.

С личностью Н.Г. Буркина было связано и образование истпарта в новом Северо-Кавказском крае в г. Пятигорске. В 1935 г. он переехал из Ростова-на-Дону в Пятигорск, т.к. Северо-Кавказский горский историко-лингвистический НИИ был переведен в столицу Северо-Кавказского края. В марте 1936 г. Н.Г. Буркин был назначен руководителем вновь созданного здесь истпарта¹⁹⁷. Для этого он был специально освобожден с поста директора Северо-Кавказского горского историко-лингвистического НИИ им. Кирова для того, чтобы полностью посвятить себя истпартовской работе¹⁹⁸.

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.19-20.

¹⁹⁵ Калинин С.Б. Указ соч. С. 268.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д.97. Л.130, 130об.

¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.89.

Н.Г. Буркин как раз являл собой образец нового типа историка, взращенного советской властью. В 1921 – 1925 годы Николай Георгиевич учился на Факультете общественных наук Смоленского государственного университета по специальности "преподаватель истории". Одновременно в 1921 – 1923 годы он заведовал издательством в Смоленске, затем там же был инструктором губернского земельного управления, а в 1924 – 1925 годы перешел на работу в истпарт. Н.Г. Буркин заведовал Смоленским истпартом. В 1925 г. он был послан в аспирантуру Института истории РАНИОН, которую окончил в 1929 г. Вот тогда-то центр послал его на Северный Кавказ. Начал он свою деятельность в регионе с преподавания истории ВКП(б) в Северо-Кавказском коммунистическом вузе в Ростове-на-Дону, а с 1930 г., как уже отмечалось выше, он стал директором Северо-Кавказского краевого горского НИИ краеведения¹⁹⁹.

Истпарт Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) с центром вначале в г. Пятигорске, а затем в г. Ставрополе (Ворошиловске) был создан в условиях серьезных материально-технических трудностей. Главной его практической задачей стал сбор и изучение материалов о жизни и деятельности Г.К. Орджоникидзе, которому в 1936 г. исполнялось 50 лет. Планировалось, что штат вновь созданной в Пятигорске организации будет состоять из заведующего и двух научных сотрудников. Кроме того, в состав истпарта должен был войти партийный архив с заведующим и архивариусом²⁰⁰. Фактически же в штате истпарта работали лишь заведующие истпартом Н.Г. Буркин и партийным архивом – Д.А. Давыдов²⁰¹.

Даже спустя два месяца после создания истпарта, инструктор истпартовских отделов ЦК ВКП(б), обращаясь в дирекцию ИМЭЛ, сетовал, что административно-организационное руководство сектора ИМЭЛ "не удосуживается взять на оплату хотя бы заведующего вновь организованного истпартотдела"²⁰².

Проблема финансирования Северо-Кавказского истпарта оставалась и позже. Так, посланные в ИМЭЛ проекты смет не были утверждены. Из запланированных в 1936 г. расходов, в которые входили 467 руб. на зарплату заведующему, 417 руб. – архивариусу, 1200 руб. –

¹⁹⁹ Там же. Л.82-82об.

²⁰⁰ ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д.97. Л.130, 130об.

²⁰¹ Там же. Л.149.

²⁰² РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.89.

трем временным наемным для обработки архивных материалов на местах, финансовая часть ИМЭЛ по состоянию на март 1937 г. продолжала высылать только 408 руб. 13 коп. на заработную плату, что было меньше даже зарплаты одного заведующего²⁰³. Не было финансирования и для организации работы созданных постановлением Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) в июне 1936 г. филиалов краевого партийного архива при Кабардино-Балкарском, Карачаевском, Черкесском, Чечено-Ингушском, Северо-Осетинском обкомах ВКП(б) и реорганизации Дагестанского отделения партийного архива в филиал²⁰⁴.

Дальнейшие преобразования в организационной структуре сети истпарта на Северном Кавказе также были связаны с административно-территориальными преобразованиями конца 1930-х годов. В сентябре 1937 г Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область и Краснодарский край. В результате истпарт работал при Ростовском обкоме ВКП(б), где был сохранен основной костяк сотрудников бывшего Азово-Черноморского истпарта во главе с М.Н. Корчиным. В Краснодарском же крае истпарт не был сформирован, а в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 17 мая 1939 г. был организован только партийный архив, т.к. к тому времени уже был поднят вопрос об упразднении института истпартов. Организационные мероприятия по образованию партийного архива начались в июне 1939 г., а фактически партийный архив начал работать во второй половины 1940 г., когда из Ростова-на-Дону были перевезены в Краснодар материалы по истории революционного движения Кубани, хранившиеся прежде в архиве Ростовского истпарта²⁰⁵.

В связи с переименованием Северо-Кавказского края в Орджоникидзевский край и перенесения краевого центра в г. Ставрополь (Ворошиловск) в марте 1937 г. произошло и перемещение краевого истпарта в г. Ворошиловск в мае того же года. В это время произошли изменения и в составе сотрудников. В первый период обязанности как заведующего истпарта, так и существовавшего при нем партийного архива фактически исполнял Д.А. Давыдов. Позже место заведующего истпартом Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) заняла О.И. Пат-

²⁰³ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.2. Л.18.

²⁰⁴ Там же. Д.1. Л.3.

²⁰⁵ Справочник. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Вып. 1. Фонды партийных комитетов и комиссий 1920-1930-е гг. – Краснодар, 1996. – С. 7.

лых, а заведующим партархивом стал Н.И. Сорокин. Финансирование оставалось крайне скудным вплоть до закрытия истпартовского отдела. О.И. Патлых в июне 1939 г. в докладной записке на имя секретаря крайкома ВКП(б) М.А. Сулова писала о проблемах приведения в порядок помещения архивохранилища.

Заведующая истпартом писала, что партийные документы находились в недопустимых условиях. Связки дел лежали в разборочном помещении прямо на полу, так как стеллажи были сделаны с нарушением размеров, из сырого леса. При просушке они ссохлись, потеряли устойчивость, дали трещины, частью покрылись древесным грибом. Окна кабинета заведующего были без ставней и без решеток, со сломанными шпингалетами. Опасность порчи и уничтожения архива увеличивалась еще и потому, что в верхнем этаже здания архива находилось общежитие, а в нижнем – закусовая. О.И. Патлых указывала не только на необходимость срочного ремонта помещения архива, но и на важность комплектования штата истпарта компетентными кадрами. В местном партийном архиве в это время работали только два технических сотрудника, а место заведующего было вакантным, т.к. Н.И. Сорокин был призван в армию²⁰⁶.

После принятия в центре решения о закрытии местных истпартов и передачи их материалов и функций партийным архивам соответствующие постановления были приняты местными партийными комитетами. Так, 29 декабря 1939 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б) приняло постановление о ликвидации областного истпарта²⁰⁷. При этом были предприняты попытки трансформировать его в институт по истории партии. Так, в докладной записке о результатах по обследованию партийных архивов и истпартов, произведенному в первой половине 1939 г., говорилось, что опыт Ростовского истпарта показал целесообразность и полезность своего существования. Отмечалось, что данный истпарт по существу выполнял все функции института истории партии и должен быть сохранен в качестве института истории партии при Ростовском областном комитете ВКП(б)²⁰⁸. Однако отсутствие материальных ресурсов, смена политического курса и централизация идеологической работы не дали возможности осуществить данные намерения.

²⁰⁶ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.62. Л.27-29.

²⁰⁷ ЦДНИРО. Ф.9. Оп.1. Д.178а. Л.2об.-3.

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф.71. Оп.1. Д.235. Лл.73,74.

Орджоникидзевский истпарт также был ликвидирован постановлением бюро Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) от 14 декабря 1939 г., а разработка материалов по истории местных партийных организаций поручалась краевому партийному архиву²⁰⁹. Произошло практически засекречивание партийных источников, т.к. использование материалов краевого партархива для исследовательской работы могло производиться только с разрешения крайкома ВКП(б)²¹⁰.

Изучение процесса формирования и организационного функционирования истпартовской сети на Северном Кавказе позволило установить, что изначально перед местной партийной властью стояла задача о включении всего Северного Кавказа в пространство истпарта и создании краевого истпарта. Как свидетельствуют источники, изначальный замысел трансформировался под влиянием конкретных условий региона, его окраинностью и узостью дореволюционного научного потенциала. Регион при создании истпартовской сети столкнулся с серьезными трудностями материального и кадрового порядка. Тем не менее, в рамках края организационная работа по созданию сети была проведена, что обусловило содержание практической работы местных истпартов по сбору, изучению и популяризации материалов по истории революционного движения и истории партии, правда, с разной степенью эффективности.

* * *

Анализ комплекса источников показал, что для доктринальной установки большевиков о создании "нового человека" после прихода их к власти были предприняты практические меры по реализации этой цели. Среди них было и формирование системы истпартов, пик деятельности которых пришелся на 1920-е годы.

Истпарт, созданный в 1920 г., был одним из инструментов политики памяти советской власти, а также в целом выступал средством формирования нового массового сознания, в первую очередь, за счет "переделки" исторического сознания общества. Ориентация на преимущественное изучение истории российского революционно-освободительного движения и истории партии большевиков призвана была изменить картину мира жителей советской России.

²⁰⁹ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.19. Л.7.

²¹⁰ Там же. Л.8.

Центральный Истпарт исходил из того, что свои задачи он сможет выполнить только при наличии системы истпартов на местах. Поэтому практическим вопросом было формирование разветвленной сети истпартов, которые создавали бы общее истпартовское пространство.

Изучение пространства истпарта Северного Кавказа позволило выявить особенности воплощения модели, задуманной центром в данном регионе. Во-первых, организационная работа по созданию Северо-Кавказского истпарта была осложнена материально-технической бедностью на местах, особенно в таком окраинном и специфическом регионе, как Северный Кавказ. Кроме того, местные особенности были связаны с отсутствием широкого местного научного сообщества, отсутствием местных кадров для истпартовской работы. В связи с этим возможности коллегий и литературных советов на Северном Кавказе были ограниченными. Удельный вес научной и творческой интеллигенции в регионе был очень небольшим.

Одной из особенностей работы региональных истпартов были поиски таких организационных форм, которые приближали истпарты к местной общественности в районах. Речь шла о работе уполномоченных на местах и о группах содействия, состоявших из местного партийно-комсомольского архива.

Кроме того, на примере Терского истпарта наблюдается строго классовый подход при подборе кадров в истпарты, когда беспартийность работника, несмотря на профессионализм, желание и умение работать являлась препятствием для участия в истпартовской работе.

Трудности формирования пространства истпарта на Северном Кавказе были связаны также с отсутствием серьезных традиций рабочего и социал-демократического движения. Работой местных истпартов, как правило, занимались участники революционного движения и старые большевики, которых в русскоязычных регионах было немного, а в национальных районах Северного Кавказа их почти не было.

Несмотря на все эти особенности и сложности, в 1920-е годы было создано истпартовское пространство Северного Кавказа, которое было органической частью истпартовской системы СССР, призванное сформировать репрезентативное знание об истории партии и об истории революционного движения северокавказского общества, а также отразить в конструировании новой модели исторической памяти локальную специфику.

В процессе создания системы советских идеологических учреждений, включая истпарты, центральная власть сочтала поиски новых форм со стремлением централизовать их работу, что, в конечном счете, вело к унификации и бюрократизации работы истпартов.

Глава 2

ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТПАРТАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ИСТОРИИ ПАРТИИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ МАКРОРЕГИОНА

2.1. ВКЛАД ИСТПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСТОЧНИКОВОГО КОМПЛЕКСА

Создание историко-революционного нарратива для реализации политики памяти и формирования нового конструкта исторической памяти предполагало наличие источниковой базы, активным формированием которой занимались истпарты на местах. Одним из значимых факторов, способствовавших выработке единообразной модели истории революционных событий, внедряемой в историческую память, являлась регламентация источниковой базы для проведения исследовательской и популяризаторской работы. Кроме того, учитывая, что одним из способов реализации политики памяти является регулирование доступа к архивным источникам, важным является рассмотрение проблемы взаимоотношений истпартов с местными архивными органами.

Одним из приоритетных направлений работы истпартов были поиск и сбор источников по истории революционного, национально-освободительного движений и по истории большевистских организаций. В масштабах всей страны отбор источников по этой тематике

осуществлялся в рамках специального отдела центрального Истпарта и опирался на аппарат Главного архивного управления (Главархив). На местах региональные истпартотделы также проводили сбор документов в тесном взаимодействии с местными архивами¹. Именно с "собирания архивов" начиналась работа всех истпартов². Характер и формы этой работы во многом определялись теоретическими представлениями сотрудников о содержании источниковой базы для осуществления исследовательской деятельности и их практическим архивным опытом.

Подходы к источниковой базе истории революционного движения, которыми должны были руководствоваться истпарты, были намечены в плане работ Комиссии по истории РКП, представленной В. Невским и утвержденном на ее заседании 13 сентября 1920 г. Приоритетным направлением работы Комиссии была названа подготовка и издание материалов по истории партии. Все источники по истории большевизма были подразделены В. Невским на две группы по степени важности и по содержанию. Материалы, находившиеся в архивах бывшего департамента полиции, провинциальных жандармских управлений и "охранки" не вызывали его доверия и носили "мутный характер", требуя строгого изучения и тщательной проверки. К абсолютно достоверным и подлинным источникам, "беспорным" и "чистым" были отнесены документы партии – постановления и протоколы съездов и конференций, а также информация от участников революционного движения, их мемуары и "прочие материалы, исходящие из достоверных источников"³. Такой категоричный подход к изучению источниковой базы сразу ограничивал познавательные возможности материалов и творческий потенциал исследователей.

Вместе с тем, установка на добросовестную и кропотливую работу по сбору революционных и партийных документов открывала новые возможности для исследовательской работы, в которой прежде не было места подобной тематике. В обращении Истпарта "Ко всем членам партии" 1920 г. говорилось о необходимости спасти от гибели "до малейшего клочка бумаги все, что хранит на себе след революции"⁴.

¹ См.: Комаров Н.С. Создание и деятельность Истпарта // Вопросы истории КПСС. – 1958. – №5. – С. 159.

² Пролетарская революция. – 1922. – №8. – С. 232.

³ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 9-10.

⁴ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 6.

Однако речь тогда шла не только о создании "новой" истории, но и пропагандистском воздействии "живых" подлинных документов, особенно на молодых людей. В том же обращении отмечалась важность понимания молодыми слушателями партийных школ того, что "чтение нескольких десятков подлинных документов пролетарской революции важнее для понимания исторического процесса, нежели чтение сотни пухлых томов, где какой-нибудь буржуазный историк перековеркал, в угоду своему классу, тысячи документов, оставленных нам революциями прошлого"⁵.

В центральном Истпарте были разработаны методики для собирания и хранения материалов по истории Октябрьской революции, изложенные в специальной инструкции. В ней указывалось на важность сохранения документов от пропажи, порчи, о необходимости хранения их "в известном порядке". Правда, и здесь действовал классовый принцип – местные истпарты должны были остерегаться кражи или уничтожения документов по политическим мотивам. Поэтому хранители должны были принадлежать к "безусловно надежным людям", а руководство должно было "строго следить за тем, чтобы к документам сомнительных людей не подпускать". Такими надежными людьми, согласно инструкции, могли быть только члены РКП(б). Беспартийные допускались к хранению партийных и революционных документов только особым постановлением соответствующего партийного органа и под его ответственность⁶. В то же время часть старых большевиков, начавших разрабатывать историю большевистской партии, считала, что любые свидетельства о революционных и партийных событиях, независимо от их принадлежности, несут ценную историческую информацию. Например, в докладе М.С. Ольминского на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. о работе Истпарта было отмечено, что нужно собирать "не только все печатные наши газеты, наши листки, наши брошюры и плакаты, но и белогвардейские"⁷.

Функция истпартов по сбору материала историко-революционного характера не могла быть успешно выполнена без взаимодействия с региональными с архивными органами. Порядок взаимоотношений истпартов и местных архивов был определен на первом Всероссийском совещании истпартовских работников, проходившем в рамках I

⁵ Там же. – С. 8.

⁶ Там же. – С. 14.

⁷ Протоколы X съезда РКП(б). – М., 1933. – С. 135.

Всероссийской конференции архивных деятелей 29 сентября – 3 октября 1921 года. Этому был посвящен доклад В. Адоратского, тоже партийного историка. Выступавший заметил, что истпарт сам пока не собирал и не организовал собирательскую деятельность, а использовал для этих целей аппарат Главархива. На провинциальные истпараты возлагалась обязанность организовать работу местного отделения политической секции. При этом Главархив и его местные органы должны были оказывать истпарту "всяческое содействие" и выполнять его задания в области подготовки материалов⁸.

Собирательская работа местных истпартов была расписана в инструкции Истпарта 1921 г., в соответствии с которой в числе других задач истпартовцы должны были обратить внимание на "разыскивание, приведение в известность местных жандармских и прочих Губернских и уездных архивов, наблюдение за их полной сохранностью и составление описи". Для этой цели истпараты должны были установить тесную связь с губернскими архивами или уполномоченными и по возможности войти в состав этих учреждений и принимать непосредственное участие в их работе. Однако и непосредственно истпараты должны были активно действовать по розыску, сбору и хронологической систематизации материалов по истории местного рабочего движения, местных партийных организаций и Октябрьского переворота в данной местности. Дальнейшая судьба собранных документов имела три варианта. Они могли быть переданы в местные губернские архивы "при условии партийного их состава" и полной гарантии сохранности, могли быть также оставлены на хранение при бюро истпарта, наконец, при особой важности документов высланы в центр. Именно истпараты на местах должны были заняться архивами местных партийных организаций, которые надо было привести в порядок, составить надлежащие описи, а также тщательно сохранять материалы о текущей жизни этих организаций⁹.

Общие установки Истпарта ЦК партии подробно разъяснялись в письмах и инструкциях отдельным региональным истпартам. Так, в 1922 г. был составлен циркуляр Истпарта ЦК РКП(б) Юго-Восточному бюро истпарта, в котором как раз и говорилось о необходимости контактов истпартовцев с архивными органами для использования их аппарата и "архивных богатств" и одновременно для оказания архивис-

⁸ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 27.

⁹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.1. Л.1.

там всяческого содействия¹⁰. В свою очередь подобные же инструкции об использовании аппарата архивов и об их охране Юго-Восточный истпарт разослал истпартам, находившимся на подведомственной территории¹¹. Представитель регионального истпарта должен был входить в руководящую коллегию местного архивного управления и принимать участие в ее заседаниях, а также быть в курсе его деятельности, в частности тесно сотрудничать с историко-революционной секцией. Заведующий этой секцией также должен был участвовать в заседаниях истпарта. К примеру, один из ответственных работников Юго-Восточного краевого истпарта весной 1922 г. входил в состав руководящей коллегии архивного управления и участвовал в ее заседаниях, знакомясь с его аппаратом и методами работы¹².

Одной из самых сложных практических задач на местах в начале 1920-х годов была проблема сохранности архивных материалов. Во-первых, из-за дефицита помещений и их аварийного состояния на местах не было условий для хранения архивов. Во-вторых, из-за нехватки бумаги, судя по грозным распоряжениям местной власти, все время оставалась угроза использования бумажных документов для делопроизводства, а то и для растопки или курения. Так, сообщала помощница управляющего архива Октябрьской революции А.М. Рахлин, которая была командирована 1922 г. в города Юга России и Кавказа для сбора материалов по истории Гражданской войны, во всех городах, где она побывала, архивы массами гнили, продавались и расхищались¹³. Действительно, к примеру, Кубано-Черноморский отдел Центрального архивного управления "добывал" материальные средства торговлей бумагой¹⁴. Ростовская писчебумажная фабрика в 1922 г. купила архивы бывшего Донского войскового правительства и переработала их в новую бумагу. Руководство этой фабрики размещало в местной периодической печати рекламные объявления о покупке архивов у частных лиц и учреждений для производства бумаги. Кроме того, на Дону имели место случаи использования судебных архивов для "хозяйственных надобностей"¹⁵. Гибло множество ценных доку-

¹⁰ Там же. Д.191. Л.23.

¹¹ Пролетарская революция. – 1922. – №10. – С. 532.

¹² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.191. Л.1.

¹³ История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко. – М., 2010. – С. 93.

¹⁴ Там же. – С. 92.

¹⁵ Пролетарская революция. – 1922. – №7. – С. 246.

ментов и на Ставрополье. Как утверждал местный истпарт, это произошло в результате небрежного отношения работников некоторых учреждений, употреблявших документы на нужды канцелярии и обертки¹⁶. В плачевном состоянии находились материалы Терского архива в Георгиевске, которые нещадно расхищались. Поэтому Донской истпарт настаивал на перевозке архива из Георгиевска в Пятигорск¹⁷. Практически невозможно учесть урон, который нанесли архивам региона многочисленные макулатурные кампании 1920-х годов.

Изучение информации о взаимоотношениях истпартов с местными архивными органами показало, что первоначально истпартовская работа наталкивалась на некоторое противодействие со стороны старых архивных сотрудников. Имели место случаи так называемых "трений" местных истпартов с архивными органами. Та же А.М. Рахлин отмечала, что отношения между истпартами и архивами носили болезненный характер¹⁸. Поэтому происходила массовая замена прежних опытных и профессиональных сотрудников архивов, "подходящими партийными работниками" или специалистами, согласными работать в сотрудничестве с местными отделениями истпарта¹⁹. Это упрощало отношения двух ведомств, но лишало архивное дело на местах знающих специалистов. Например, Донской истпарт в отчете Истпарту ЦК, отмечал проведение полной реорганизации аппарата архивного бюро, начиная с 1922 г., заменяя "чуждых", а порой и "враждебных" сотрудников новыми работниками. Общая кампания по "коммунизированию" аппарата управления, таким образом, коснулась и архивов, что было на руку истпартам. Так, в Донском архивном бюро по данным на 1925 г. из 21 сотрудника, включая 10 штатных работников, было 6 коммунистов и 1 комсомолец, которые вместе составляли 28,5% всего аппарата и 60% штатного состава, а процесс увеличения удельного веса партийных работников архивов продолжался во всех местных архивных органах²⁰.

Кроме того, в 1923 г. на Всероссийском совещании работников местных истпартов была повторена рекомендация создавать в архивных

бюро политические секции. Эта идея была активно поддержана и местными истпартовцами. Так, по мнению заведующего Донским истпартом В. Толмачева их организация должна была способствовать изоляции "сидящего" там "чуждого элемента"²¹. Более того, Истпарт подчеркивал значимость такой функции местных истпартов, как надзор за благонадежностью архивных работников, т.к. оказалось, что в большинстве своем "официальные хранители губернских архивов" не понимают возложенных на них Центрархивом задач²². Таким образом, решались две задачи – развернуть собирательскую работу истпартов и одновременно поставить под партийно-государственный контроль архивное дело по всей стране.

Истпарты в условиях материально-технических и кадровых трудностей стремились максимально использовать архивные органы для обслуживания своих задач. Хотя на бумаге речь шла о сотрудничестве этих органов, местные истпарты фактически руководили архивными бюро. Это мешало архивистам полноценно вести свою профессиональную работу. Вся архивная работа по большей части сосредотачивалась в политической секции. Процесс зашел так далеко, в частности в некоторых истпартах Северного Кавказа, что Центрархив в марте 1923 г. вынужден был разъяснять работникам Донского истпарта порядок взаимодействия с местными архивными органами, напоминая, что архивные бюро являются правительственными учреждениями с самостоятельным кругом задач. Центр напоминал, что архивные органы должны лишь оказывать содействие истпартовским работникам, но не выполнять их поручения²³. В итоге в отчете Донского истпарта в 1924 г. один раздел был посвящен сотрудничеству с местным архивным бюро. Руководитель истпарта докладывал, что связь с архивистами осуществлялась в основном через политическую секцию. Речь шла как об использовании фондов этой секции, так и об их пополнении, а вот создание таких фондов ложилось на плечи архивов²⁴.

Существенно повлияли на порядок взаимодействия истпартов с местными архивными органами решения III совещания истпартотделов СССР, проходившего 26-27 мая 1924 года. В отчете иногороднего подотдела Истпарта ЦК, которому подчинялись местные организации,

¹⁶ Там же. – №9. – С. 317.

¹⁷ История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко. – М., 2010. – С. 92.

¹⁸ Там же. – С. 94.

¹⁹ Пролетарская революция. – 1922. – №8. – С. 232.

²⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.129. Л.43, 44.

²¹ Там же. Д.5. Л.38.

²² Пролетарская революция. – 1924. – №1. – С. 280.

²³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.127. Л.17.

²⁴ Там же. Д.125. Л.22.

говорилось, что некоторым истпартам пришлось взять архивные бюро в свои руки в связи с "чуждыми" архивными кадрами, которые даже в официальном документе по традиции того времени именовались "архивными крысами". Профессиональных архивных работников обвиняли в том, что как "оказалось, ... спецы в большинстве случаев очень плохие хранители архивов, а в некоторых случаях даже расхищают их". Поэтому предлагалось сотрудникам истпартов, формально не беря на себя заботу об архивном деле, проникать в архивные бюро и постепенно занимать их место²⁵. Вместе с тем, работник Центрархива В.В. Максаков с негодованием отмечал, что, несмотря на решение о создании политических секций в местных архивных органах еще на I Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г., к весне 1924 г. политические секции местных архивных бюро были созданы только в семи губерниях²⁶. Среди практических задач, поставленных на III совещании истпартов, говорилось о необходимости подбора партийных работников для архивных учреждений регионов, которые должны возглавляться исключительно членами РКП(б). Кроме того, необходимо было ускорить создание на местах политических секций архивных бюро, где концентрировались бы архивные материалы историко-революционного характера. Идейное руководство политическими секциями закреплялось за местными истпартами. Наконец, Истпарт ЦК совместно с Центрархивом должен был разработать методику хранения партийных архивов²⁷.

Совещание инициировало принятие ряда документов Центрархива, сыгравших большую роль в совместной деятельности местных истпартов и архивных органов. Так, на места 2 июня 1924 г. был разослан циркуляр об ускорении организации политических секций. В фондах политических секций должны были храниться материалы дореволюционного периода: секретная часть архивов генерал-губернаторов, архивы градоначальств, губернских, уездных и соответствующих им полицейских управлений и охранных отделений, цензурных и прочих учреждений по делам печати, дела, связанные с политическим движением в стране и аграрными беспорядками окружных судов и судебных палат, архивы тюрем. Здесь же необходимо было сосредоточить материалы всех учреждений и организаций за время Февральской

²⁵ Пролетарская революция. – 1924. – №8-9. – С. 414-415.

²⁶ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.10.

²⁷ Пролетарская революция. – 1924. – №7. – С. 279.

революции 1917 г.²⁸ Через месяц новый циркуляр конкретизировал методику создания политических секций. Необходимо было выделить все фонды историко-революционного характера из общей суммы фондов и сконцентрировать в отдельном помещении или в специальном месте. Сюда же надо было отнести архивные материалы, имевшиеся в распоряжении истпартотделов. Наконец, материалы историко-революционного характера, которые непосредственно не относились к политической секции, необходимо было вносить в ее картотеку. Общая организационная работа должна была производиться в контакте и согласовании с истпартами²⁹. Спешность создания политических секций помимо распоряжений центра объяснялась также стремлением поскорее исчерпывающе выявить источники революционного движения в 1905 – 1907 годы, т.к. приближался 20-летний юбилей революции 1905 – 1907 годов. Истпарт ЦК дал задание местным истпартотделам составить исторические очерки к этой дате³⁰.

В результате этих мер на Северном Кавказе расширилась сеть политических секций. Например, в Краснодаре политсекция существовала еще с 1922 г.³¹, а на Тереке она была создана к февралю 1924 года³². В Ставропольском округе политическая секция архивного бюро была организована осенью 1924 года. Под ее эгидой были в "ударном порядке" выделены 16 архивных фондов³³. В их состав вошли материалы бывшего Губернского Правления, бывших судебных архивов, архивных фондов бывших Ставропольской Городской Управы и Ставропольского Губернского Земства, связанные с вопросами революционного движения³⁴. Как замечает современный исследователь, такой подход был губительным для архивов, т.к. происходило разрушение исторически сложившихся комплексов документов³⁵.

Надо заметить, что тесное сотрудничество истпартов и архивов на местах призвано было также облегчить материальное бремя и решить

²⁸ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.5-7.

²⁹ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.141. Л.5.

³⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.421. Л.24.

³¹ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.10.

³² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.361. Лл.28, 29об.

³³ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.141. Л.11.

³⁴ Там же. Л.7-7об.

³⁵ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород, 2000. – С. 182-238. // Электронное периодическое издание "Открытый текст". URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/?id=3383> (дата обращения: 24.03.2018).

вопрос с кадрами. Еще на I Всероссийском совещании испартовских работников В.В. Адоратский указывал на возможность выдвижения на должности архивного ведомства сотрудников местных бюро испарта как на вынужденную меру из-за недостатка работников-коммунистов³⁶. Вскоре, как свидетельствуют источники, на Северном Кавказе в испарте и одновременно в местных архивных органах работала значительная часть партийных сотрудников.

К примеру, в Кубано-Черноморской области, взаимодействие архивистов и испартовцев приняло форму тесного слияния в процессе работы на всем протяжении функционирования испарта в этом регионе. Более того, руководитель местного испарта Е.М. Полуян-Верецкая, совмещавшая испартовскую работу с заведыванием политической секцией, утверждала, что невозможно отделить научно-исследовательскую деятельность испартов от работы по собиранию, систематизации, предварительной обработке материалов. На ее взгляд, разделение функций между архивами и испартами приводило к тому, что ни одна из них не выполнялась удовлетворительно, и даже при наличии специального испартовского сотрудника особенного улучшения работе не могло быть³⁷. Позже Е.М. Полуян-Верецкая пыталась перенести свой опыт по совмещению работы испартовского сотрудника и архивиста на деятельность Северо-Кавказского испарта, который она возглавила. Как уже было показано, она предприняла ряд соответствующих мер, когда заведующие создаваемых политических секций были одновременно уполномоченными краевого испарта.

Тем не менее, опыт показал, что такое совмещение архивной и испартовской работы не всегда было эффективным. На это, в частности, указывалось в отчете ответственного инструктора Центрархива ВЦИК А.И. Протопопова, производившего в январе 1925 г. обследование работы Ставропольского окружного архивного бюро. Он прямо говорил, о необходимости разграничения функций между испартом и архбюро и подготовке людей для постоянной работы в испарте³⁸. Следует отметить, что против совмещения функций в основном выступали руководители архивного дела, а положительно к этому относились работники испартов.

³⁶ Бюллетень Испарта № 1. – М., 1921. – С. 27.

³⁷ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.192. Л.24.

³⁸ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.304. Л.2.

Коллегией Центрархива РСФСР 3 февраля 1925 г. было утверждено Положение об организации Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ). Методика деления архивных материалов по секциям была ликвидирована. Весь ЕГАФ был разделен на две части: документы дореволюционного периода (исторические архивы) и документы революционного периода (архивы Октябрьской революции). Разделительной датой между ними устанавливался февраль-март 1917 г., а затем такой границей был установлен январь 1917 года³⁹. Тем самым политическая секция как база испартовской деятельности на местах перестала существовать. Но совмещение должностей и совместное выполнение работы по архивным бюро и испартам продолжало практиковаться уже в других формах.

На порядок сотрудничества испартов и архивов влиял и человеческий фактор. Например, после прихода к руководству Северокавказским испартом В. Толмачева изменилась и тенденция во взаимоотношениях между испартами и архивными органами. Он исходил из собственного опыта работы в Донском испарте и считал недопустимым смешение функций испарта и архивов, о чем и было сказано в циркулярном письме краевого испарта за июль 1925 г.⁴⁰ В реальности эта была лишь попытка разграничить работу испартов и архивных бюро. Специфика региона, отсутствие достаточного числа кадров, непреодолимые трудности финансирования не давали возможности четко разграничить их функции. Так, в отчете испарта Кубанского округа в сентябре 1925 г. говорилось о падении продуктивности в работе архивного бюро и испарта, вызванное совместительством двух форм деятельности. Более того, у отдельных работников такая ситуация рождала представление об испартовской работе как части архивной деятельности. Заведующий этим испартом И. Маслиев тем не менее, не мог предложить выхода из создавшегося противоречия, так как ограниченность штата испарта вынуждала не только использовать аппарат архивного бюро для отдельных целей по заданиям, но и "включить" в работу его сотрудников отдельные функции испарта⁴¹.

В апреле 1926 г. местные испартоотделы получили совместный циркуляр Испарта ЦК ВКП(б) и Центрархива РСФСР. В нем указывалось, что испартоотделы не могли ограничивать архивные бюро "сроками в

³⁹ Сборник руководящих материалов по архивному делу. – М., 1961. – С. 109.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.55,56.

⁴¹ Там же. Д.193. Л.16, 17.

подготовке архивных материалов для работ истпарта и возлагать на них в связи с указанными работами какие-либо задания или иным образом вторгаться в круг деятельности органов Центрархива". Однако архивные органы, согласно Циркуляру, при разработке планов своей работы должны были согласовывать их с планами соответствующих истпартовских отделов. Кроме того, была уточнена сфера компетенции истпартов по хранению архивных материалов. Истпартотделы не должны были хранить никакие архивные материалы, за исключением партийных архивов, а это являлось задачей Центрархива. Ввиду этого, истпартам предписывалось все образованные ими "собрания архивных материалов" передать в местные архивные органы, а во временное пользование брать дела по актам на срок, не превышавший трех месяцев⁴².

Следом были подготовлены соответствующие документы местных архивных органов. Например, в сентябре 1926 г. в Северокавказском крае был распространен циркуляр Северо-Кавказского краевого архивного бюро. Местные архивные бюро должны были согласовывать свои планы с истпартами. В то же время архивные работники могли использовать только 50% своего рабочего времени для приведения в порядок революционных фондов, нужных истпартам. Архивы не могли включать в свои планы научные работы по заданиям истпарта, которые могли нарушить "ход остальных работ"⁴³. Сложность состояла в том, что данные предписания появились как раз в то время, когда от истпартов требовалась наиболее интенсивная работа в связи с подготовкой к десятилетнему юбилею революции 1917 года. Поэтому, несмотря на различные распоряжения, на практике их "нажим" на архивные органы значительно усилился.

Факты свидетельствуют, что истпарты в условиях финансовых и кадровых проблем и роста спускаемых из центра заданий по проведению научно-исследовательской и пропагандистской работы предпочитали видеть в архивных бюро свои подсобные органы. Не было преодолено и совместительство истпартовских работников и сотрудников архивных бюро и тогда, когда в 1928 г. был создан укрупненный Северо-Кавказский истпарт. Уполномоченные краевого истпарта одновременно оставались работниками местных архивных органов и в 1930-е годы. Уже в конце 1920-х годов истпарт продолжал осуществлять идейное руко-

⁴² ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.10. Л.169.

⁴³ Там же. Д.12. Л.60.

водство работой архивов. Например, в 1929 г. представители Северо-Кавказского истпарта совершили две командировки в окружные центры с целью инструктирования и обследования состояния работы окружных архивных бюро⁴⁴.

Очевидно, что базой для истпартовских исследований были местные архивные органы. Тем не менее, истпарты и сами активно участвовали в сборе историко-революционных материалов. Изучение работы истпартов Северного Кавказа позволило установить основные пути этой собирательской деятельности. Например, в местной периодической печати публиковались объявления о покупке материалов по истории революции. Также на страницах газет и в рекламе, помещенной в выпускаемых истпартами книгах и брошюрах, истпарт обращался с воззваниями к населению сдавать материалы, фотографии и документы⁴⁵. Истпарты принимали в дар от частных лиц листовки, прокламации, фотографии, заметки, газеты и другие материалы⁴⁶. Отмечалось достаточно интенсивное комплектование истпартов источниками революционного движения. Стимулом для сбора источников были потребности в издательской работе истпартов. Например, в 1922 г. агитпропом Донского окружкома РКП(б) был распространен циркуляр о необходимости собирать "официальные документы и литературу (легальную и нелегальную и вражескую)" для готовившегося к публикации Донистпартом сборника "Пролетарская революция на Дону"⁴⁷.

Для собирательской работы истпарта использовалась и партийная ответственность коммунистов. К примеру, Донской комитет РКП(б) принял соответствующее постановление. Все члены партии, имевшие официальные документы, т.е. "листочки, газеты, всякого рода протоколы парторганизаций, фотографические карточки съездов, конференций, отдельных партработников", были обязаны "в порядке партдисциплины" предоставить их истпарту⁴⁸. Подобные предложения высказывал и Кубано-Черноморский истпарт⁴⁹. Резолюция третьей Терской губернской партийной конференции в 1922 г. также обязывала всех членов организации доставлять в истпартотдел материалы и воспоминания⁵⁰.

⁴⁴ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 303, 305.

⁴⁵ Там же. – 1922. – №10. – С. 532.

⁴⁶ Там же. – №9. – С. 317.

⁴⁷ ЦДНИРО. Ф.6. Оп.1. Д.16. Л.31.

⁴⁸ Там же. Ф.4. Оп.1. Д.166. Л.26г.

⁴⁹ ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.1. Л.21об.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.5.

Собирательскую деятельность истпартов стимулировали проводимые юбилейные кампании. Одной из первых юбилейных дат в истории истпарта было 20-летие революции 1905 года. Был выпущен специальный циркуляр Истпарта ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1923 г., в котором было обращение к местным отделам истпарта с требованием немедленно заняться сбором и обработкой материалов по истории этой революции. С этой целью предлагалось, в первую очередь, изучить архивы канцелярии губернатора, жандармские, полицейские и судебные архивы. Кроме того, надо было выявить в губернских публичных библиотеках имевшиеся там большевистские и меньшевистские газеты, журналы и брошюры. На всю найденную прессу необходимо было составить описи и переслать ее копию в Истпарт ЦК для использования при составлении библиографических справочников по изданиям 1905-1906 годов. В описи указывались название, время первого появления издания и прекращения его выхода, периодичность издания, место хранения и наличие дубликата⁵¹.

Изучение источников позволило проследить практику реализации этих рекомендаций. Например, уже в начале 1924 г. Кубано-Черноморским истпартом материалы по истории революционного движения в 1905 г. были выделены в особый раздел⁵². Эти материалы изучались на местах по схеме, присланной Истпартом ЦК. В частности, были просмотрены и сделаны выписки из жандармских обзоров и дел за 1882-1902 годы, наблюдательных дел жандармского управления, дел канцелярии наказного атамана Кубанской области и часть дел Новочеркасской судебной палаты, которые были доставлены в Краснодар из Ростова-на-Дону. Затем были установлены живые участники революционного движения, которые получили от истпарта письма с просьбой сдавать ему имевшиеся у них документы⁵³. Работники Терского истпарта для подготовки материалов очерка по истории революции 1905 г. отобрали в местном архиве копии приговоров по делу вооруженного восстания на станции Минеральные Воды в 1905 г., а также дела бывшего жандармского управления⁵⁴.

Регламентация Истпартом источниковой базы для осуществления исследовательской работы являлась одним из значимых факторов,

⁵¹ Пролетарская революция. – 1924. – №2. – С. 241.

⁵² Там же. – №4. – С. 290.

⁵³ Там же. – №6. – С. 283.

⁵⁴ Там же. – №5. – С. 258.

способствовавших выработке единообразной модели истории революционных событий, внедряемой в историческое сознание. В частности, в инструкции Истпарта ЦК 1924 г. была конкретизирована возможность использования контрреволюционных и белогвардейских документов. Их важность ограничивалась наличием в них сведений "о наших организациях". Однако и эту информацию необходимо было тщательно сверять и проверять. Исследователям по рекомендации истпартов надо было опираться в своей работе в основном на архивы советских учреждений и партийных организаций. Со временем это стало традицией советских историков, когда "не наши" материалы были окончательно засекречены вплоть до 1990-х годов. Широкое использование в качестве источников документов жандармского управления, судебных палат, охранных отделений рассматривалось как серьезная политическая ошибка. С середины 1920-х годов не приветствовалась полная перепечатка отдельных "враждебных" материалов, которую позволяли себе некоторые местные истпарты в первой половине 1920-х годов. Центр утверждал, что на данные документы нельзя "надеяться, как на бесспорный документ, к ним нужны поправки, замечания и добавления". Самыми важными сведениями, которые можно было в них почерпнуть, были, по его мнению, вещественные доказательства, даты показаний свидетелей и обвиняемых, а не заключения прокурора и суда⁵⁵.

Таким образом, уже в 1920-е годы происходило постепенное сужение источниковой базы социальной истории России XX в., что отразилось и на деятельности местных истпартов. Приступив к работе по заведыванию краевым Северо-Кавказским истпартом, В. Толмачев, характеризуя в негативных тонах предыдущую деятельность истпарта, указывал, что его сотрудниками "собирался всякого рода материал, в том числе белогвардейский, привлекались к работе даже бывшие кадеты"⁵⁶. Речь шла, прежде всего, о разысканном Е.М. Полуян-Верещкой дневнике генерала И.Г. Эрдели, возглавлявшего корниловскую конницу в боях за Екатеринодар. Этот дневник даже готовился к публикации Северо-Кавказским краевым истпартом. Очевидно, что среди сотрудников истпарта существовало два подхода к изучению источников революционного движения и истории партии. Старые работники, состоявшие в основном из старых революционеров или про-

⁵⁵ Там же. – №10. – С. 281.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.97.

фессиональных архивистов и историков, считали, что изучать документы контрреволюционеров и представителей белого движения необходимо, т.к. последние характеризовали несостоятельность контрреволюции по сравнению с большевизмом. Так, Е.М. Полуян-Верещкая считала, что дневник И.Г. Эрдели показывал "безыдейность, неспособность, развращенность, двуличие..., царившее среди головки белого лагеря", а потому мог иметь такое агитационное значение, какое никакие "наши агитационные статьи не могут заменить" ⁵⁷.

Однако изменение политического курса власти приводило к логичному выводу о необходимости изымать из пользования и из поля общественного сознания любые документы, связанные с враждебным большевикам лагерем. Этим и был обусловлен новый подход к сбору истпартами источников, который определяло новое поколение партийных работников. Не случайно Истпарт не дал согласие на издание дневника белого генерала, указав, что истпартовским органам "неприлично заниматься публикацией дневников белогвардейских генералов" ⁵⁸. В результате подлинник дневника И.Г. Эрдели вместе с перепечаткой был отослан в Истпарт ⁵⁹.

Во второй половине 1920-х годов не только издание, но и использование в качестве источников материалов и газет "вражеских партий (кадетов, эсеров, меньшевиков)" рассматривалась Истпартом как крайняя мера. Это допускалось только в случае, если партийные и советские материалы по истории революций в конкретном регионе отсутствовали чаще всего из-за того, что большевики здесь долгое время работали в подполье, а официальная власть значительный срок оставалась в руках белых ⁶⁰.

Следующим катализатором собирательской работы истпартов был десятилетний юбилей Октябрьской революции. Попытка подготовить издания к юбилею в Северо-Кавказском крае обнаружила новые проблемы на пути усилий истпартов. Частые административно-территориальные реформы в стране привели к тому, что, к примеру, в 1926 г. материалы по истории революционного движения того или иного округа находились на другой территории, где ими никто не интересовался,

⁵⁷ Там же. Л.46.

⁵⁸ Там же. Д.298. Л.13.

⁵⁹ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. С. 112.

⁶⁰ Пролетарская революция. – 1928. – №11-12. – С. 355-356.

ся, т.к. в этих фондах не было материалов по истории другого округа, и источники "лежали без движения". Наряду с разбросанностью архивных материалов по всем округам Северо-Кавказского края краевой истпарт отмечал несогласованность действий окружных истпартов и архивных бюро, в результате чего местные архивные фонды использовались недостаточно ⁶¹.

По инициативе Донского истпарта в 1926 г. было проведено совещание работников краевого, Донского и Кубанского архивных бюро совместно с истпартом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), посвященное подготовке к десятилетию Октябрьской революции ⁶². Было предложено провести работу по составлению единой описи фондов архивов Октябрьской революции в крае, что способствовало решению проблемы разобщенности окружных архивов ⁶³. В этот период собирательская деятельность существенно активизировалась. К примеру, Кубанским истпартом только в 1927 г. было собрано несколько десятков документов, материалов и фотографий ⁶⁴. Однако именно в это время был ограничен доступ к архивным материалам для работы над историко-революционной и историко-партийной проблематикой в связи с тем, что на использование фондов местных архивных бюро требовалось разрешение истпартов ⁶⁵.

Существенную роль в выявлении нужных истпартам документов играли командировки научных сотрудников краевого истпарта в округа Северного Кавказа ⁶⁶. Однако их поездки не ограничивались пределами края. Еще одной полезной формой выявления местных источников были поездки сотрудника краевого истпарта в Москву, где Истпарт оказывал помощь в изучении архивных материалов, касавшихся истории северокавказских сообществ. Данная работа проводилась "в секретном порядке с целью принципиальной установки порядка использования и опубликования документов в научных трудах" ⁶⁷. Наконец, такой формой был обмен истпартов разных регионов документами, многие из которых пересылались в подлинниках. Целые комплексы

⁶¹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.343. Л.29.

⁶² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.130. Л.22.

⁶³ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.554. Л.33.

⁶⁴ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 117.

⁶⁵ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.3.

⁶⁶ Там же. Д.714. Л.3.

⁶⁷ Там же. Д.825. Л.171.

уникальных подлинных документов ездили по стране в почтовых посылках, и хорошо, если попадали нужному адресату. Так, Кубанский истпарт получил 11 папок дел о Сочинской республике 1905 г., которые были высланы ему Северо-Кавказским истпартом. Однако Кубанский истпарт ждал из Ростова-на-Дону совсем другие материалы, на что краевой истпарт ответил о необходимости пересылки полученных документов в Черноморский истпарт и обещал вернуть полученные ранее именно из Краснодара материалы⁶⁸. Такая путаница усиливала риск полной потери ценных архивных документов.

Наряду с юбилеями активизации собирательской деятельности истпартов способствовали специальные задания центра. К примеру, согласно решениям IV Всесоюзного совещания заведующих истпартотделов местные истпараты приступили к выявлению и изучению фабрично-заводских архивов, а также материалов по организации Красной Гвардии⁶⁹. Конечно, эта работа велась в тесном контакте с архивными органами. Так, именно архивным бюро Кубани в 1925 г. было проведено обследование архивов фабрично-заводских предприятий г. Краснодара⁷⁰. В результате этого центр получал ценную информацию о выявлении историко-революционных материалов и посредством описей, и непосредственно через отчетные документы. Самые значительные источники на местах сотрудники истпарта вынуждены были переправлять в Истпарт ЦК партии. Надо отметить, что в этой деятельности существовал параллелизм и несогласованность, чаще всего в ущерб местным органам. Например, в 1926 г. Армавирский истпарт начал перепечатку газетного материала у частного коллекционера. Было перепечатано 16 статей, когда вдруг владелец ценных газет отказался предоставлять материал для распечатки. Оказалось, что с ним связался представитель Института В.И. Ленина, который и купил их⁷¹.

Среди юбилеев, инициировавших собирательскую деятельность истпартов, можно назвать тридцатилетие I съезда партии и двадцатипятилетие II съезда РСДРП. Директивные установки Истпарта ЦК ВКП(б)

⁶⁸ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 112.

⁶⁹ Пролетарская революция. – 1927. – №1. – С. 263, 264.

⁷⁰ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 108.

⁷¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.31. Л.4.

содержали предписания по сосредоточению внимания местных истпартов на выявлении материалов по данному периоду. В частности, необходимо было восстановить историю местных партийных организаций и их персональный состав, собрать их фотографии; найти материалы по истории местного рабочего и крестьянского революционного движения, собрать листовки, прокламации, подпольные и легальные марксистские газеты, выявить материалы по борьбе большевиков с другими партиями⁷².

В связи с этим Северо-Кавказский краевой истпарт в марте 1928 г. дал указания уполномоченным по истпартовской работе областных и окружных комитетов ВКП(б). В них говорилось о необходимости сбора, систематизации, проверки и обработки материалов по истории партии, то есть сведения о социал-демократических организациях или группах на той или иной территории. Была предложена схема проведения собирательской работы. Необходимо было группировать сведения о рабочем революционном движении на периоды до 1905 г. и с 1905 г. по 1921 год, а внутри периодов классифицировать источники по отдельным годам⁷³. Особое внимание уделялось выяснению количественного и персонального состава местной социал-демократической организации или группы, что должно было отражаться в соответствующей описи. Собранный материал после его классификации должен был в секретном порядке передан в краевой истпарт⁷⁴.

В мае того же года систематизацию собираемого материала предписывалось производить по пяти периодам: с момента возникновения рабочего движения до 1905 г.; с 1905 по 1912 гг., т.е. по терминологии истпарта, в годы реакции; с 1912 по 1917 гг.; с февраля по октябрь 1917 г.: с октября 1917 г. по 1921 год⁷⁵. Здесь очевидно, что отдельные концепции советской историографии закладывались истпартовскими установками в 1920-е годы, к примеру, выделение "периода реакции", "октябрь 1917 г." и "февраль 1917 г." и т.п. В практической работе местных истпартов Северного Кавказа такие поиски проходили чрезвычайно медленно, т.к. и рабочее, и социал-демократическое движения в его регионах, за малым исключением, были слабыми.

⁷² Пролетарская революция. – 1928. – №6-7. – С. 379-380.

⁷³ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.35.

⁷⁴ Там же. Л.35об.

⁷⁵ Там же. Л.188.

Как уже было отмечено, в сферу компетенции истпартов изначально входил сбор и хранение материалов о текущей жизни местных партийных организаций. После создания в 1929 г. в структуре краевого истпарта единого партийного архива произошла активизация и упорядочение этого направления работы. Всем округам и областям Северного Кавказа были даны указания и инструкции об учете и приведении "в должный вид" местных партийных архивов. С октября 1929 г. был начат процесс сдачи и приема материалов в фонд единого партийного архива ⁷⁶.

После ликвидации в 1930 г. округов Северо-Кавказского края окружные комитеты должны были привести в порядок партийные фонды и сконцентрировать в них материалы ликвидируемых партийных и советских учреждений. Однако обследование состояния партийных архивов в округах и автономных областях наглядно показало, что, несмотря на значительность архивного дела в государственной политике, работники местной власти проявили полное непонимание этого. Так, в Кабардино-Балкарской автономной области архивы находились в открытой комнате и поедались мышами. В Ингушетии фонды были свалены в сарае и портились от сырости. В не лучшем состоянии находились архивы Черкесской области. Только после личного вмешательства сотрудника краевого уровня была произведена работа по концентрации партийных архивов, и начат процесс по их сдаче в краевой центр ⁷⁷. Одновременно в г. Ростове-на-Дону происходило оборудование архивохранилища ⁷⁸.

Небрежное отношение представителей местной партийно-советской власти к архивному делу было тенденцией местной политики и в 1930-х годы. К примеру, после обследования в 1936 г. Северо-Кавказским партийным архивом работы своих филиалов было выявлено, что в автономных областях и республиках, как и раньше, не только районные партийные организации, но и секретари обкомов не обращали внимания на процесс приведения в порядок партийных архивов ⁷⁹. Призывы заведующего краевым партийным архивом к секретарям обкомов, райкомов и горкомов поднять дело "хранения и учета партдокументов на должную высоту" оставались неслышанными ⁸⁰.

⁷⁶ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 304.

⁷⁷ Там же. – 1931. – №1. – С. 195.

⁷⁸ Там же. – С. 196.

⁷⁹ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.2. Л.8.

⁸⁰ Там же. Л.9.

Очень сложным делом стало для Ростовского партийного архива выделение дел для вновь образованного Северо-Кавказского края с центром в г. Пятигорске. После разукрупнения Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский между органами истпарта этих двух краев возникли серьезные противоречия. Изученные материалы отражают нежелание Азово-Черноморского партийного архива передавать соответствующие дела в г. Пятигорск. Ответственный инструктор ИМЭЛ по местным истпартам обращал внимание на эти трения и поставил вопрос перед заведующим архивом ИМЭЛ ⁸¹. Перевозка архивных материалов из партийного архива г. Ростова-на-Дону была произведена только после переименования Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) в Орджоникидзевский крайком партии в 1937 г. и его переезд из г. Пятигорска в г. Ставрополь (г. Ворошиловск) и подготовки там соответствующего помещения ⁸². Помимо архивов обкомов, райкомов и горкомов, которые вошли при новом территориальном делении в Северо-Кавказский край, из Ростовского партийного архива в 1939 г. были вывезены материалы Ставропольского, Терского, Владикавказского истпартов 1920-х годов ⁸³. Также партийные документы, изъятые из Пятигорского краевого архивного управления и музея революции, были переданы в краевой партийный архив ⁸⁴.

Изменение политической направленности научно-исследовательской работы истпартов в 1930-х гг. отразилось и на их собирательской работе. Формирование культа вождя и его окружения потребовал выявления дополнительных источников об их героической жизни. Сектор истории ВКП(б) ИМЭЛ, к примеру, предписывал Азово-Черноморскому истпарту в 1936 г. особенно обратить внимание на собирание материалов, связанных с деятельностью в крае И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилова, С.М. Кирова, А.А. Андреева, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича ⁸⁵. Северо-Кавказский истпарт также в это время проводил поиски документов о жизни и деятельности на Северном Кавказе И.В. Сталина, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Вороши-

⁸¹ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.20.

⁸² ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д.98. Л.86.

⁸³ Список материалов: ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.8. Кроме того, на ряде дел из Ф.50. стоят пометки о том, что они были перевезены из Ростовского партархива.

⁸⁴ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.2. Л.10.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.141.

лова, А.И. Микояна и других членов ЦК ВКП(б)⁸⁶. С этой целью были организованы командировки в Ростов-на-Дону, Орджоникидзе, Дагестан, Карачай, Чечню, Кабарду, Тифлис и другие города и республики для собирания архивных материалов⁸⁷. Информация и описи, отражавшие результаты проделанной работы были представлены заведующему Единым партийным архивом ИМЭЛ⁸⁸. Подобная опись материалов о работе членов ЦК ВКП(б) на Северном Кавказе, которые находились в партийном архиве Азово-Черноморского истпарта, также была передана в ИМЭЛ⁸⁹.

Таким образом, собирательская работа истпартов возможна была только в тесном сотрудничестве с архивными органами. Однако в процессе этого взаимодействия часто возникали противоречия, которые не удалось преодолеть вплоть до расформирования истпартов в конце 1930-х годов. Тем не менее, именно деятельность политических секций архивных бюро стала базой для собирательской деятельности истпартов. Поэтому 1920-е годы стали временем регламентации отношений архивных и истпартовских органов. Именно в первое десятилетие советской власти сбор историко-революционных материалов производился в изучаемом регионе наиболее интенсивно, а юбилейные кампании являлись стимулирующим фактором для выполнения этой функции местными работниками истпартов. К концу 1920-х годов в структуре истпартов были созданы партийные архивы, что способствовало интенсификации собирательской работы истпартов по приведению в порядок и хранению материалов о текущей жизни местных партийных организаций.

Характер выявления источников революционного движения в значительной мере определялся доктринальными установками большевиков о непримиримости идеологической борьбы, которые накладывали отпечаток на представления о характере источниковой базы истории партии и вообще историко-революционной тематики.

⁸⁶ ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.2. Л.10.

⁸⁷ Там же. Д.1. Л.17, 18.

⁸⁸ Там же. Д.2. Л.10-12.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.47.

2.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО СОЗДАНИЮ КОМПЛЕКСА МЕМУАРНЫХ НАРРАТИВОВ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Значительное внимание в работе истпартов занимал сбор мемуарных источников – воспоминаний о революционном движении и Гражданской войне в регионе участников и свидетелей событий. В первые годы деятельности истпартов интерес к сбору воспоминаний был детерминирован отсутствием исторических источников, которые были необходимы для создания историко-революционного нарратива. Однако методы сбора воспоминаний, которые применяли истпарты, кроме создания комплекса устных источников, были хорошим способом формирования новой модели исторической памяти.

Первоначально сбор воспоминаний рассматривался истпартовскими сотрудниками как вынужденная задача, порожденная "скудостью материалов чисто партийного характера"⁹⁰. Таким образом, основным видом источников для истпартовцев первого призыва были в основном официальные документы большевистской партии. Впоследствии подобный подход стал характерен и для всей советской исторической науки. Поэтому-то, в отличие от прежней, дореволюционной оценки воспоминаний, как "человеческого" документа, мемуары важны были не личностью его автора, а степенью отражения определенного периода жизни партии, свидетелем или участником которого он был⁹¹. По мере расширения тематики собирательской работы истпарта от партийной к более широкой – историко-революционной – усиливалась и важность создания воспоминаний участников революционного движения. Для местных истпартов стимулирование написания воспоминаний стало одной из значительных задач. В обращении Истпарта содержался призыв собрать как можно больше таких рассказов "для воссоздания картины совершившегося"⁹².

В докладе М.С. Ольминского на X съезде РКП(б) о работе Истпарта давалась характеристика специфики и важности мемуарных источников для изучения истории партии и Октябрьской революции. По его

⁹⁰ Бюллетень Истпарта № 1. – М., 1921. – С. 9-10.

⁹¹ Там же.

⁹² Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 9.

словам, легальные и нелегальные газеты, прокламации, резолюции, протоколы, а особенно архивы департамента полиции, жандармского управления, охранки, судебных палат не могли отражать достаточно полно революционные события. Необходим был объемный комплекс воспоминаний, создать который и было партийным заданием Истпарту⁹³.

В инструкции Истпарта ЦК РКП(б) за 1921 г. для местных истпартов было дано предписание разыскивать и регистрировать старых партийных работников, настойчиво приглашать их к составлению мемуаров, а в случае необходимости записывать мемуары с их слов. В этом официальном документе содержались методические рекомендации по составлению мемуаров. Воспоминания, записанные самими авторами, должны были быть просмотрены и в случае существенных пробелов дополнены путем опроса автора⁹⁴. Изначально был определен круг лиц, у которых необходимо было собирать воспоминания. Однако позже круг авторов воспоминаний был расширен за счет сбора информации у свидетелей революционных событий и Гражданской войны, лояльных большевистской власти.

В циркуляре истпарта Юго-восточного бюро ЦК РКП(б) в 1922 г. были обозначены две категории историко-революционных материалов, которыми необходимо было пользоваться для проведения исследований: "сырой документальный материал", который считался "важнейшей" группой и воспоминания современников революционных событий. Последние рассматривались в качестве вспомогательного материала, освещавшего бытовые стороны движения⁹⁵.

Перед истпартами Юго-Восточного региона были поставлены задачи систематизации и обработки уже зафиксированных воспоминаний, а также продолжение их сбора. В документе говорилось о необходимости вести систематическую кампанию воздействия на современников революционных событий. Для этого рекомендовалось публиковать в местной прессе воззвания к этим людям, посылать подобные воззвания на их конкретные адреса. Важное место в этой работе занимало интервьюирование участников и свидетелей по отдельным событиям или ряду событий революционного движения. Использовалось также материальное стимулирование соответствующих мемуарных сочине-

⁹³ Протоколы X съезда РКП(б). – М., 1933. – С. 133-135.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.1. Л.1, 2.

⁹⁵ Там же. Д.191. Л.26.

ний. В печати должны были регулярно появляться статьи, пропагандировавшие работу местного истпарта, а истпартовским работникам необходимо была с этой же целью выступать на партсобраниях. Определялись и формы использования зафиксированных воспоминаний. Это было и составление систематических обзоров, и составление сборников воспоминаний, и компиляция данных из научных монографий⁹⁶.

В практике работы местных истпартов эти установки имели и свою специфику. Судя по документам истпартов Северного Кавказа, они активно использовали подобные средства активизации сбора воспоминаний. В то же время все истпарты сталкивались с проблемой, когда многие участники и свидетели революционных событий в определенном регионе в силу высокой мобильности формировавшегося советского общества оказывались в другой местности. Поэтому необходимым был активный обмен источниками-воспоминаниями между различными истпартовскими отделами страны.

При изучении документов складывается представление о том, что местные истпарты гораздо серьезнее относились к воспоминаниям, чем это было сказано в указаниях центра. Например, в предисловии изданного в 1922 г. Донским истпартом сборника "Пролетарская революция на Дону" авторы, признавая ценность документов, находившихся в распоряжении истпарта, отмечали, что данный историко-революционный материал является лишь "штрихами". В этом предисловии воспоминания рассматривались в качестве необходимых "ярких красок", которые могут "оживить мертвые буквы документов", влить в них "живую душу", быть "психологическим фоном"⁹⁷. Таким образом, профессионализм историка побеждал строгие партийные рекомендации. Именно так относился к мемуарам и первый советский историк М.Н. Покровский, получивший профессиональное образование в дореволюционной России и считавший воспоминания важным источником исследований по истории революционного движения⁹⁸.

Для подготовки персональных воспоминаний работники истпарта давали задания конкретным лицам. В этой работе главную трудность представляла неграмотность и малограмотность многих участников революционного движения. Такие задания могли выполнить только грамотные люди, способные более или менее внятно осветить исто-

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Пролетарская революция на Дону. Сборник первый. – Ростов-на-Дону, 1922. – С. 4.

⁹⁸ Пролетарская революция. – 1921. – №1. – С. 7, 8.

рию революционных событий. Чаще использовалось письменное анкетирование свидетелей революционных дней и Гражданской войны. Анкеты были разработаны сотрудниками центрального Истпарт, а на местах их либо получали по почте, либо такие анкеты помещались в соответствующих печатных изданиях.

Самая первая анкета была посвящена сбору информации по истории Октябрьской революции и распространялась еще в 1920 году⁹⁹. Первое анкетирование ставило целью выяснить начало прихода к власти большевиков не только в конкретном регионе, но и в конкретном населенном пункте, чтобы определить основные временные и локальные вехи установления советской власти. Например, в анкете были вопросы об особенностях перехода власти в руки рабочих и крестьян в отдельной местности, о формах и времени организации рабоче-крестьянской власти в регионе. Кроме того, особое внимание уделялось проведению закона о земле на местах.

Надо отметить, что подобная анкета не только была способом сбора информации и формирования новых источников по истории революции, но и средством формирования новой модели исторической памяти. Характер вопросов утверждал в сознании тех людей, которые работали с анкетами или отвечали на ее пункты, историческую значимость именно этих явлений и событий в новейшей истории России для будущего страны. В некоторых вопросах имелись подвопросы об отношении разных социальных слоев к тем или иным фактам революционных событий. В этих подвопросах имелась предварительная установка на то, что различные слои априори должны были иметь разную позицию в отношении революции. Обращает на себя внимание и такой вопрос, как "имеются ли в регионе остатки старого режима и продолжают ли работать деятели царского режима". Такой вопрос носил явно провокационно-доносительский характер.

Первое время работы местных истпартов его сотрудники активно искали новые методы подготовки воспоминаний. Это было связано с практическими трудностями сбора воспоминаний по схеме центра. В основном на местах из-за нехватки подготовленных кадров управленцев значительную часть партийно-советских и общественных должностей занимали бывшие участники революционного движения. Поэтому, как замечал Донской истпарт, в большинстве своем задания

⁹⁹ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 10-13.

отдельным лицам по написанию воспоминаний не выполнялись из-за перегруженности авторов текущей работой. Поэтому с сентября 1922 г. Донской истпарт начал регулярно проводить в клубах и на предприятиях вечера воспоминаний, который проявил большую активность. Опыт его работы по проведению вечеров воспоминаний в профессиональных и партийных клубах был назван Истпартом правильным и достойным подражания. Это начинание предлагалось внедрять и другим истпартам страны¹⁰⁰. В результате вечера воспоминаний стали одним из самых распространенным способом сбора мемуарных источников.

Такие вечера, кроме формирования комплекса устных источников, были эффективным способом формирования новой модели исторической памяти. Дело в том, что каждый такой вечер всегда открывал представитель истпарт с сообщением, в котором говорилось о целях и значении работы самого истпарт. Затем зачитывались доклады о революционных событиях в крае, губернии или округе, а также в конкретном городе или селе. Наконец, на таких вечерах предоставлялось слово участникам событий для доклада или воспоминаний. Представитель истпарт, выступая перед собравшимися людьми, обязательно говорил об исторической важности участия в революционных событиях того или иного предприятия, того или иного города или района, где проходил вечер. Таким способом, в сознании участников собрания утверждался образ места своей жизни или места работы как революционный локус.

Кроме того, внедрялось понимание общественной важности сбора и сохранения любой информации о революционных событиях. Тем самым истпартовец идеологически направлял весь ход собрания. Более того, атмосфера и "дух" вечера оказывали существенное влияние на содержание оставленных воспоминаний. Это экстраполировало представления сформировавшихся в ходе собрания взглядов на историю революционной борьбы и реальное место отдельно взятого ее участника в этом процессе. Однако главным итогом, в первую очередь, таких вечеров было получение "живых" воспоминаний в процессе собрания, так как речи выступавших стенографировались. Учитывая малограмотность населения, такой способ был достаточно эффективен. Стенограммы часто выдавались на дом самим выступавшим для

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.126. Л.12.

внесения исправлений и дополнений. При этом отмечались случаи, когда по таким стенограммам были написаны "целые очерки"¹⁰¹.

Например, текст воспоминаний Т. Дубинко, который был назначен уполномоченным Донского истпарта прямо на вечере воспоминаний на заводе им. Ченцова, был составлен автором уже после устного выступления. Такая форма фиксации воспоминаний участников революционного движения была в те годы достаточно распространенной. Красной линией этих воспоминаний была якобы полная уверенность Т. Дубинко еще со дня падения монархии в закономерности и неотвратимости победы социалистической революции и о будущих трудностях на пути утверждения советской власти¹⁰². Подобная убежденность сформировалась не без влияния истпартовских докладов.

Информация о месте проведения, о количестве присутствовавших, о выступавших докладчиках на вечере, а также в ряде случаев протоколы или стенограммы выступлений поступала в истпарт. Источники свидетельствуют о широком размахе такой работы в регионе. К примеру, Донской истпарт только за период с 9 сентября по 12 октября 1922 г. провел не менее 8 вечеров воспоминаний. В Нахичеванском партийном клубе на вечере "Октябрьская революция на Дону" выступали 9 человек, а присутствовали – до 60. В столовых главных мастерских Владикавказских железных дорог прошел вечер на тему "Советская власть на Дону в 1918 г.", где присутствовали более 100 человек, из них выступили 8 докладчиков. Там же был проведен вечер воспоминаний "О ноябрьской стачке в Ростове в 1902 г.", где для 200 собравшихся выступили 7 человек. Два вечера были организованы в ростовском городском партийном клубе на темы "Калединщина" и "Октябрьская революция на Дону". Участниками первого вечера были 70 человек, а пятеро выступили, а на втором – соответственно 60 и 7 человек. На вечере в депо Ростовского трамвая об "Октябрьской революции" собрались около 40 человек и выступили 11 человек. В театре железнодорожных мастерских станции Тихорецкой о "Ноябрьской стачке 1902 г. в Тихорецкой" выступали 15 человек, а присутствовало – 300-350 рабочих и служащих, некоторые из которых еще хорошо помнили события 1902 года¹⁰³.

¹⁰¹ Пролетарская революция. – 1922. – №11. – С. 236.

¹⁰² ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.1320. Л.25.

¹⁰³ Пролетарская революция. – 1922. – №11. – С. 236.

Спецификой вечеров воспоминаний было то обстоятельство, что они устраивались, прежде всего, в тех местах, которые, по мнению местного истпарта, были "наиболее революционными" районами. Например, таким районом в г. Ростове-на-Дону был Ленинский, где находились главные мастерские. Этот район был назван "цитаделью большевизма", и именно здесь проходили первые вечера воспоминаний. В 1925 г. особое внимание истпарта было сосредоточено на заводе им. Ченцова, где также проходили вечера воспоминаний. Донской истпартотдел сосредотачивал внимание на истории большевизма на заводе. Этот завод был назван во вступительной речи представителя истпарта "форпостом большевизма"¹⁰⁴.

Подобная метафора импонировала рабочим, которые в условиях выработки нового социального статуса старались всячески подчеркнуть значимость своего завода в революционной борьбе. Они отмечали, что именно данный завод был "самый большевистский", был "первым гнездом большевиков", их главной опорой, "большевистской крепостью". Не менее значимым для пропаганды официальной идеологии был тезис, звучавший на вечере, что "тенденция" и стремление у рабочих завода было не в меньшевистскую сторону, а в большевистскую¹⁰⁵. Большевистская позиция коллектива завода в ходе революционной борьбы не вызывала никакого сомнения у присутствовавших и являлась отправной точкой в ходе дальнейших бесед. Текст стенограммы свидетельствует о том, что зал активно участвовал в обсуждении выступлений, практически вечер превращался в многоканальный диалог, когда речь выступавшего несколько раз перебивалась поправками, он сам обращался к присутствовавшим на встрече, что даже мешало стенографированию¹⁰⁶.

Следует также обратить внимание на эмоциональный настрой таких собраний, отраженный в оставшихся стенограммах, который также способствовал формированию советского массового сознания. Наблюдается торжественность и энтузиазм участников вечеров. Именно эмоциональным подъемом объясняется и принятие громких постановлений, которые в жизни никогда не осуществлялись как утопические и принимались, видимо, под влиянием воодушевления участников собрания. Примером такого постановления было решение, принятое

¹⁰⁴ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.1320. Л.3.

¹⁰⁵ Там же. Л.6.

¹⁰⁶ Там же. Л.7.

на совещании участников революционного движения в Морозовском районе Дона, о том, чтобы были выделены районные уполномоченные истпарта, полностью занятые работой истпарта, что необходимо назначить определенное место для постоянных ежедневных вечеров, слетов участников событий. Члены собрания размахнулись до предложения проводить дневные беседы при красных уголках, протоколировать воспоминания, озвученные на слетах с последующим зачитыванием их на следующих собраниях¹⁰⁷.

Формы проведения таких вечеров в 1920-е годы были различными. Это были и узкие вечера-совещания участников революционных событий, как правило, тематические, когда каждый участник совещания обязательно оставлял свою информацию. Значительно чаще практиковалось проведение вечеров воспоминаний в виде собраний с присутствием от нескольких десятков и даже до нескольких тысяч человек, где докладчики выступали с предварительно подготовленными воспоминаниями. Такие собрания в большей степени транслировали в массы историко-революционные идеологемы, нежели фиксировали устные источники. Однако и на подобных вечерах происходил сбор источников, так как многие присутствовавшие заполняли розданные сотрудниками истпартов анкеты.

Надо заметить, что и информативность совещаний участников революционных событий и Гражданской войны также была не всегда высока. Во многих выступлениях вместо конкретных данных о событиях отражалось уже сформированное властью отношение к этим событиям, а идеологические лозунги подменяли исторические факты. Например, стенограмма совещания 56 участников Гражданской войны на Ставрополье, проведенного по инициативе И. Апанасенко¹⁰⁸, была оценена краевым истпартом отрицательно, т.к. на нем "говорилось обо всем, но мало о чем определенно сказано". Выступавшие говорили в основном о себе и практически ничего о других участниках революционных событий. В целом материал характеризовался как не представляющий целостности и требующий большой обработки и проверки¹⁰⁹.

В работе истпартов по сбору мемуарных источников определенное содействие оказывали и местные партийные органы. Принимались специальные постановления местных комитетов партии, в которых

¹⁰⁷ Там же. Оп.1. Д.327. Л.4-4об.

¹⁰⁸ ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.312.

¹⁰⁹ Там же. Л.1.

члены партии, получившие задание написать статьи и воспоминания, должны были предоставить их истпарту в порядке партдисциплины¹¹⁰. Для помощи в собирательской работе истпартов использовались местные партийные конференции, которые принимали соответствующие резолюции. К примеру, в 1922 г. резолюция третьей Терской губернской партконференции обязывала всех членов партии доставлять в истпарт свои воспоминания и другие материалы¹¹¹.

Помимо того, что участники революционных событий и Гражданской войны могли рассчитывать на определенные социальные привилегии государства, за предоставление воспоминаний они могли получать дополнительную помощь, что было дополнительным стимулирующим фактором для формирования фондов воспоминаний. С учетом этого обстоятельства становятся ясными такие сентенции, которые, казалось, к революционным воспоминаниям не имели отношения: "я потерял свое здоровье в борьбе за революцию, за право трудящихся и в настоящее время моя жизнь в кошмаре", "прошу дать мне помощи как борцу за свободу... пострадавшему в революции"¹¹². Более того, именно в истпарты люди обращались за справками об их участии в революционном движении, когда в качестве подтверждения этого факта использовались воспоминания¹¹³.

Анализ мемуарных фондов региональных истпартов позволил выявить наличие воспоминаний в форме автобиографий, составленных как самими участниками революционных событий и Гражданской войны, так и истпартовскими сотрудниками. К ним нередко прилагались членские билеты, всякого рода справки и другие документы, подтверждающие революционные заслуги.

Следует сказать о том, что на протяжении всего существования института истпарта его работники так и не пришли к единому мнению о степени ценности воспоминаний как исторического источника. В местных истпартах к воспоминаниям относились более серьезно, чем в центре. Примером этому может служить выступление в прениях заведующего Донским истпартом В. Толмачева по докладу В. Невского на II Всероссийском совещании работников местных истпартов в апреле 1923 г. В. Толмачев возразил против тезиса В. Невского о недопустимо-

¹¹⁰ ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.166. Л.26г.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.5.

¹¹² ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.342. Л.4об., 5.

¹¹³ Напр.: ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.4. Л.1.

сти чрезмерного "увлечения" воспоминаниями при переходе на "научные рельсы". Представитель провинциального истпарта подчеркнул важную роль своего учреждения в восстановлении картины регионального революционного движения именно в деле формирования фонда воспоминаний его участников. Значимость воспоминаний как источника, на его взгляд, заключалась в информации, которая часто была больше нигде не зафиксирована. Более того, следуя традициям русской историографической школы конца XIX – начала XX вв., В. Толмачев заявил о ценности психологической атмосферы того революционного времени, которая содержалась в основном только в устных источниках. По его мнению, главная сложность состояла не столько в сути мемуарных источников, а в методике их сбора¹¹⁴.

Надо заметить, что уже в 1925 г. этот руководитель истпарта более определенно высказывал не свою первоначальную точку зрения, а официальную позицию на источниковедческую ценность воспоминаний. В циркуляре краевого Северо-Кавказского бюро истпарта он писал, объясняя необходимость сбора воспоминаний от участников и свидетелей революционного движения, что это вынужденная необходимость использования "показаний современников", вызванная отсутствием "данных для установления исторических фактов"¹¹⁵.

На III совещании заведующих истпартов в 1924 г., тем не менее, центральный Истпарт высказал ряд замечаний по поводу увлечения собирательством воспоминаний. Его представитель заявил, что истпартовская работа, в частности в местных истпартовских отделах, "пошла по линии наименьшего сопротивления, именно по линии воспоминаний"¹¹⁶. Действительно, например, истпарты Северного Кавказа зачастую подменяли научно-исследовательские и популяризаторские направления своей деятельности только сбором и публикацией воспоминаний. Во время работы этого совещания раздавались голоса и о том, что эта работа шла на убыль, что привело к "схлынувшей волне" воспоминаний. Однако 20-летний юбилей революции 1905 г., подготовка к которому началась в том же году, способствовал новому подъему работы по сбору воспоминаний.

М.Н. Покровский также считал главной проблемой при сборе воспоминаний не их источниковую ценность, а умение их готовить, уме-

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.5. Л.38.

¹¹⁵ Там же. Д.299. Л.70.

¹¹⁶ Пролетарская революция. – 1924. – №8-9. – С. 410.

ние "допрашивать" участников событий. Повинуясь официальной тенденции считать воспоминания второстепенным источником по сравнению с официальными партийными документами, он как профессиональный историк утверждал, что как документы "нужно уметь читать", так и воспоминания "нужно уметь выуживать". Поэтому М.Н. Покровский считал наиболее эффективной формой сбора воспоминаний выполнение тщательно разработанных анкет¹¹⁷.

М.Н. Покровский лично разработал проект анкеты для опроса участников и свидетелей революции 1905 года. Этот проект содержал большой перечень детальных вопросов¹¹⁸. Современный историк Колесникова Л.А. отмечает тот факт, что анкета составлялась по марксистской схеме истории первой русской революции, поэтому значение анкеты выходило за рамки методического пособия для сбора мемуаров¹¹⁹. Анкета предназначалась не столько непосредственно участникам и свидетелям революционных, сколько тем, кто будет собирать сведения. Основной акцент в ней был сделан на то, что сбор воспоминаний должен был производиться, в первую очередь, в рабочей массе. Анализ работы местных истпартов показывает, что данная анкета широко использовалась сотрудниками региона для сбора воспоминаний.

Изучив содержание этих анкет, приходится согласиться с В.В. Кабановым, что воспоминания, полученные путем анкет-вопросников, слишком лаконичны, часто в них отсутствуют точные даты описываемых событий, а материал изложен хаотично и несвязанно¹²⁰. Дело в том, что такие анкеты предлагали не столько структуру воспоминаний, сколько предопределяли их содержание. Тем самым истпарт обладал определенными инструментами формирования исторической памяти не только всего населения, но и участников событий. Изучение мемуарного комплекса истпартов показало различные формы функционирования анкет. Заполненные анкеты в виде ответов на вопросы представляли информацию о событиях. Одновременно бланки анкет были пособием

¹¹⁷ Покровский М.Н. Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции // Пролетарская революция. – 1924. – №11. – С. 9, 10.

¹¹⁸ Пролетарская революция. – 1924. – №11. – С. 14-18.

¹¹⁹ Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917-1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций: дис. ... доктора ист. наук. – М., 2005. – С. 111-112.

¹²⁰ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. – М., 2004. – С. 284.

для ориентации мемуариста, а также методическим подспорьем по сбору воспоминаний для работников местных истпартов.

Кроме вечеров воспоминаний и анкет проводился персональный опрос и точная фиксация ответов конкретных участников революционных событий. Были организованы также групповые собеседования, совещания для узкого круга участников по конкретному факту, например, совещание участников подполья 1905-1907 годов. Важным методическим указанием краевого истпарта была именно тематическая заданность организации мемуаров. Серьезной задачей работников истпарта была проверка "фактической стороны" воспоминаний. Поэтому обязательным условием реконструкции исторических событий должна была быть работа по сравнению различных воспоминаний между собой, а также сравнению мемуаров с официальными документами и материалами периодики. В случае, когда и после этого не удавалось выявить реальную картину, допускалось проведение дискуссии по данному вопросу¹²¹. Особым катализатором сбора воспоминаний стало 10-летие Октябрьской революции. Например, только за июль-октябрь 1927 г. сотрудники Кубанского истпарта собрали 120 воспоминаний¹²².

Теоретически требовалось единообразие в форме воспоминаний и яркость языка. Так, В.В. Толмачев предостерегал от превращения воспоминаний в протоколы справочного характера. В реальности этого добиться было невозможно, т.к. малограмотные авторы в своем большинстве не имели литературного дара. В то же время участники событий отличались индивидуальностью, и их воспоминания очень трудно унифицировались. Особый интерес для современного исследователя представляют теоретические положения, согласно которым было отмечено, что "всякое воспоминание индивидуально и отражает личность составителя, но в некоторых случаях по ним можно представить тип революционера, работника определенного периода"¹²³. Однако, к сожалению, эти замечания о важности психологических характеристик остались исключительно пожеланиями и не были реализованы на практике отчасти из-за отсутствия высококлассных историков-профессионалов в местном научном сообществе, а отчасти из-за мощного влияния на исследовательскую работу официальной идеологии.

¹²¹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.70.

¹²² Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 117.

¹²³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.70.

По мере укрепления советской власти, а также окончательного оформления в ходе внутрипартийной борьбы второй половины 1920-х годов однопартийной системы власти требовалось сведение в один нарратив всего многообразия "версий" революционных событий и Гражданской войны, получивших отражение в мемуарной литературе. Это обстоятельство определило снижение активности истпартов в собирании устных воспоминаний. Кроме того, центральный Истпарт в эти годы решал задачу реализации научно-исследовательских проектов и издания научных трудов. Воспоминания не входили в круг важных исторических источников, и это также не способствовало разворачиванию работ по сбору воспоминаний. В инструкции Истпарта ЦК ВКП(б) местным истпартовским отделам говорилось об "отступлении мемуаров на задний план" ввиду "углубления" научно-литературных задач. Там указывалось, что наряду с собиранием и публикацией архивных материалов необходимо рассматривать вопросы теоретического порядка и разрабатывать партийно-исторические проблемы¹²⁴. Взгляд центра на мемуарные источники был представлен в статье М.С. Ольминского 1927 года. Признавая важность воспоминаний как источника по истории партии, он в то же время называл эти многочисленные мемуары о революционных событиях "массовой бессознательной фантастикой", а в черновом варианте текста – "бессознательным враньем", и призывал редакции не принимать ничего "на веру", а сопоставлять рассказ авторов с другими показаниями и документами¹²⁵.

Это влияло на характер работы местных истпартовцев. В частности, И. Борисенко, подготовивший книгу об установлении власти в национальных районах Северного Кавказа, в предисловии к своей работе писал об охлаждении к "писанию воспоминаний", что было, по мнению автора, отражением перехода к более углубленной научной работе в исторических органах. В то же время И. Борисенко с тревогой отмечал наличие "огульно-отрицательного подхода к воспоминаниям как источнику и материалу для исторического исследования"¹²⁶. Признавая крайнюю субъективность мемуаров, их неточность "по части фактов и дат" и необходимость тщательно проверки и критического подхода при использовании, он писал о чрезвычайной важности при-

¹²⁴ Там же. Оп.1. Д.135. Л.17.

¹²⁵ Там же. Оп.4. Д.329. Л.30.

¹²⁶ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.И. Ростов-на-Дону, 1930.

менения воспоминаний в качестве иллюстративного и описательного материала. Именно в таком значении, по его словам, они были использованы в его публикации¹²⁷.

К 1930 году использование мемуаров в качестве источников, а также их публикация и соответственно сбор потеряли массовый характер. Складывание сталинского политического режима тормозило эту работу. В установках центра по вопросу о ценности мемуарных источников в новых условиях говорилось, что воспоминания носят субъективный характер и главное внимание в них уделяется не столько истории партии, сколько стремлению увековечить свое имя. Весь истпартовский опыт в этом направлении был сведен к утверждению, что события в воспоминаниях зачастую искажались и "мемуары, являясь интересным чтением, очень мало способствовали выявлению настоящей истории партии". Данный вид источников признавался непригодным для использования в качестве документальной базы истории, так как авторы мемуаров многое забыли, перепутали и проводили через призму своих переживаний¹²⁸.

Анализ мемуарных источников показал, что содержание воспоминаний зависело не только от личности автора, но и от степени его участия в событиях, от его социального статуса в советском обществе на момент написания мемуаров. На характер воспоминаний влияло и время их написания. Воспоминания, собранные в первые годы деятельности истпартов, содержат гораздо меньше идеологических штампов, чем те, что написаны или пересказаны в 1930-е годы. Чем дольше авторы адаптировались к жизни в новом обществе, тем сильнее оказывала давление идеология на основные тезисы воспоминаний. Анализируя собранные истпартами воспоминания, необходимо учитывать базовые характеристики индивидуальной и социальной памяти, т.к., по словам А.Ассман, "на социальном уровне индивидуальная память смешивается с воспоминаниями других"¹²⁹. Кроме того, необходимо помнить о сложностях, которые возникают при попытке "провести границу между личными переживаниями и тем, что было всего лишь услышано или воспринято в идентификационном плане"¹³⁰.

¹²⁷ Там же. – С. 17.

¹²⁸ Пролетарская революция. – 1930. – №5. – С. 287-288.

¹²⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: НЛО, 2014. – С. 20.

¹³⁰ Там же.

Наряду с идеологическими установками официальной власти в мемуарах того времени изложены индивидуальные мнения и оценки, отражавшие отдельные моменты истории местных революционных событий в массовом сознании. Поэтому сегодня тексты таких воспоминаний являются ценным источником интеллектуальной истории 1920 – 1930-х годов, в которых отражены особенности сознания людей той эпохи.

Несмотря на обозначенное изменение отношения к значимости сбора мемуарных источников в работе истпартов, нами зафиксирован один момент активизации внимания к личным воспоминаниям в истпарте Северного Кавказа уже в 1930-е годы, когда формировался комплекс воспоминаний о советских вождях, список которых был регламентирован высшей властью. В него были включены имена И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микояна, В.М. Молотова, С.М. Кирова, К.Е. Ворошилова. Однако как принципы сбора воспоминаний, так и их содержательная сторона принципиально отличались от материалов 1920-х годов. Например, большое место в деятельности истпарта при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) занимал сбор воспоминаний о Г.К. Орджоникидзе, которому в середине 1930-х годов исполнялось 50 лет. В мае-июне 1936 г. были организованы "беседы" о борьбе за Советскую власть в Дагестане, где основное внимание было уделено роли Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кирова в данных событиях¹³¹. При организации сбора воспоминаний о деятельности Г.К. Орджоникидзе в плане истпарта Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) указывалось на необходимость после просмотра черновиков этих мемуаров "углубить научно-политическое содержание этих воспоминаний путем индивидуального живого опроса авторов"¹³².

Текст собранных воспоминаний, которые готовились к изданию, о чем свидетельствует рукопись сборника воспоминаний "Гражданская война на Северном Кавказе"¹³³, помогает уяснить технологию сбора и подготовки воспоминаний во второй половине 1930-х годов. Упомянутая рукопись представляет отпечатанную стенограмму собранных воспоминаний участников Гражданской войны на Северном Кавказе, правленую ручкой. Эта стенограмма сопровождается рукописным текстом, разбитым на статьи, которым даны подзаголовки. Это воспоминания

¹³¹ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.27.

¹³² Там же. Ф.1. Оп.1. Д.98. Л.85.

¹³³ Там же. Ф.50. Оп.1. Д.23.

Д. Литвинова о С.М. Кирове, Ступникова о событиях Гражданской войны во Владикавказе, Х. Оруханова, Ю. Албогачиева и Гойтова о Г.К. Орджоникидзе в горах Ингушетии в 1919 г. и др. Таким образом, история Гражданской войны была сведена к исторической роли в этих событиях первых лиц партии. Исправления касаются стиля статей, структурирования сборника, но, что самое главное, сути содержания, особенно при характеристике партийных лидеров. Эта правка меняла содержание повествования, придавая ему нужную идеологическую направленность. Редакторы от истпарта позволяли себе зачеркивать абзацы с мнением авторов, а также прямую речь вождей, если они не укладывались в официальный имидж или вступали в противоречие с позицией власти по определенным аспектам революционного движения.

Так, в воспоминаниях о событиях Гражданской войны во Владикавказе в 1917-1918 годы были зачеркнуты слова о том, что "вместо развертывания классовой борьбы, развертывалась межнациональная борьба между осетинами и ингушами, с одной стороны, Грозненскими рабочими чеченцами, – с другой, а также казаков с ингушами, что существенно отражалось на революционных событиях. Автор писал, что "муллы, князья и кулаки натравливали горскую бедноту на городской пролетариат Владикавказ, Грозного и других местностей с русским населением"¹³⁴. Были также перечеркнуты слова Г.К. Орджоникидзе, якобы предупреждавшего о том, что надо разобраться в сути межнациональных отношений в регионе, "у вас, без этого, все время будет межнациональная рознь, и классовая борьба будет затушевываться"¹³⁵. Согласно детализированному плану подготовки очерка "С. Орджоникидзе на Дону и Кубани (1918-1920 гг.)" Азово-Черноморским истпартом воспоминания предполагалось использовать не более чем для "обогащения" текста¹³⁶.

Такая возможность внесения правок на местах работниками региональных истпартов вполне соответствовала общей тенденции корректирования исторических нарративов, в том числе и мемуаристики. Сам И.В. Сталин в 1930-е годы активно принимал участие в создании исторического метанарратива как основы советской идеологии, внося существенные исправления при создании "Истории гражданской

¹³⁴ Там же. Л.26.

¹³⁵ Там же. Л.50.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.62.

войны в СССР", "Краткого курса истории СССР", "Краткого курса истории ВКП(б)"¹³⁷.

Подводя итоги, нужно отметить, что истпарты Северного Кавказа проводили сбор мемуарных источников в различных формах и разными методами. К ним можно отнести анкеты, автобиографии, стенограммы вечеров воспоминаний, личные воспоминания. Интенсивность их сбора зависела от существовавших представлений о месте воспоминаний в источниковой базе и исследовательской работе истпартов, изменявшихся на протяжении всего функционирования истпартовской сети. Нами выявлено неодинаково интенсивное использование различных способов сбора воспоминаний в разных местностях Северного Кавказа. В частности, условия для проведения вечеров воспоминаний были лучшими в промышленном Ростове-на-Дону, нежели, например, в аграрном Ставрополье или на Кубани. В целом мемуарные кампании, помимо получения непосредственно воспоминаний, были элементом политики памяти и деятельности власти по формированию нового исторического сознания в различных группах советского общества.

2.3. СОДЕЙСТВИЕ МЕСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПАРТОВ

Большую помощь истпартам по созданию источниковой базы оказывала местная партийно-советская общественность. В условиях дефицита специалистов это было хорошим подспорьем. Организационными формами взаимодействия общественности и истпартов являлись разного рода комиссии и группы содействия. В это время как в центре, так и на местах создавались различные историко-мемориальные общественные организации, которые помогали истпарту в собирательстве, но в ряде случаев действовали без согласования с работой ист-

¹³⁷ См. об этом более подробно: Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 622 с.; "История гражданской войны в СССР" (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 606 с.; "Краткий курс истории ВКП(б)". Текст и его история: В 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – Ч. 1: История текста "Краткого курса истории ВКП(б)", 1931-1956. – 791 с.

партовцев. О втором варианте позиции таких комиссий с тревогой писал заведующий Северо-Кавказским краевым истпартом В. Толмачев в июле 1925 г., когда подчеркивал необходимость контроля со стороны истпарта над работой различных общественных комиссий и тесный контакт последних с истпартами на местах ¹³⁸.

Именно в этот период местные партийные органы стали уделять внимание созданию таких организаций, чтобы осуществлять партийное руководство над ними. Например, 2 июля 1925 г. постановление секретариата Северо-Кавказского крайкома РКП(б) фиксировало возможность создания региональным истпартом специальных комиссий местной общественности для проработки как отдельных вопросов и эпизодов, так и целых периодов революционного движения ¹³⁹. Для этого в феврале 1925 г. по инициативе краевого истпарта во время I Северо-Кавказского краевого съезда Советов было проведено собрание делегатов – участников Гражданской войны на Северном Кавказе, которые приняли резолюцию о создании комиссии по истории Гражданской войны на Северном Кавказе. Членами этой комиссии стали все активные участники революционных событий на Северном Кавказе. Созданный общественный орган должен был оказывать "самое активное содействие" в работе истпарта по составлению истории Гражданской войны на Северном Кавказе. При краевом истпарте было сформировано рабочее ядро комиссии, состоявшее из участников созданной ранее самим истпартом комиссии. Было также принято решение организовать подобные комиссии при окружных комитетах партии также из активных участников революции, проживавших и работавших на территории округов ¹⁴⁰.

В это время начала разворачиваться подобная работа и в регионах Северного Кавказа. Так, в марте 1925 г. было проведено первое совещание участников Гражданской войны на Черноморье. По его результатам была выделена комиссия из семи человек для учета всех товарищей, принимавших участие в борьбе, и для собирания материала, работавшая при местном истпарте ¹⁴¹. Следом Терский истпарт в сентябре 1925 г. организовал комиссию по изучению Гражданской войны на Терекке в составе трех человек ¹⁴². Всего согласно отчетным данным

¹³⁸ Там же. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.56.

¹³⁹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.173. Л.5.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.16.

¹⁴¹ Пролетарская революция. 1925. №7. С. 234.

¹⁴² ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.793. Л.50.

по итогам 1926 г. на Кубани, Терекке, в Ростове-на-Дону уже работали комиссии по истории Гражданской войны, которые производили учет участников Гражданской войны и занимались сбором воспоминаний ¹⁴³. Наряду с такой формой участия общественности в работе истпартов по инициативе Истпарта ЦК ВКП(б) в 1925 г. на местах стали организовываться группы содействия истпартовской работе. Центральный Истпарт в 1926 г. даже опубликовал положение об этих группах содействия для оказания помощи Истпарту и местным истпартовским отделам. Они объединяли членов ВКП(б), работавших во время Октябрьской революции и Гражданской войны в конкретном регионе, но в настоящее время находившихся в столице. В сферу их деятельности входили сбор материалов и документов, хранящихся у отдельных лиц, устройство вечеров воспоминаний активных участников революции для записи и коллективной проверки воспоминаний, "проработка" и подготовка материалов для издания их Истпартом или местным отделом истпарта. Работа группы должна была проводиться по определенному плану, который согласовывался с истпартовским отделом и утверждался Истпартом ¹⁴⁴.

К примеру, в Москве работала Северокавказская группа содействия. Часть стенограмм докладов-воспоминаний, собранных этой группой, были переданы краевому истпарту для использования в научно-издательской работе ¹⁴⁵. Кроме московских групп содействия деятельности местных истпартов, региональные истпарты также создавали собственные группы содействия. Так, при Донском истпарте в 1926 г. реально работала одна группа содействия по работе партии на Дону в 1917 – 1920 годах ¹⁴⁶. Даже после сокращения местных истпартов эта группа в 1928 г. продолжала действовать при краевом Северо-Кавказском истпарте ¹⁴⁷. В помощь уполномоченным истпарта в районах Армавирского округа местный истпартовский отдел окружкома ВКП(б) по предложению краевого истпарта сформировал в 1926 г. группы содействия, в которые входили члены партии и беспартийные участники Гражданской войны. Прошло семь заседаний этих групп по районам и пять – по городу. Они пытались такие заседания проводить еженедельно

¹⁴³ Пролетарская революция. – 1926. – №2. – С. 274.

¹⁴⁴ Там же. – №3-4. – С. 268.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.30. Л.4.

¹⁴⁶ Там же. Д.130. Л.19, 20.

¹⁴⁷ Там же. Д.18. Л.11.

по средам для проработки поступающего материала по Гражданской войне¹⁴⁸.

Анализ практической работы групп содействия демонстрирует расширительное толкование истпартами "вмешательства" в содержательную сторону воспоминаний. Это свидетельствует о большом идеологическом влиянии власти на работу истпартов. К примеру, Армавирский отдел истпарта считал необходимым при работе групп содействия "обрабатывать" и "проверять" воспоминания участников Гражданской войны "в смысле точности и правдивости фактов, изложенных в материалах путем дополнений, изменений, смотря по существу вопроса"¹⁴⁹. Такой же подход наблюдался и в деятельности Таганрогского истпарта. Говоря о работе в 1927 г. нескольких групп содействия¹⁵⁰, председатель в своем отчете особо остановился на подготовке популярной брошюры "Октябрь в Таганроге". Главным в этой работе над брошюрой он считал обработку материала путем "читки" и внесения отдельных изменений лицами с точной фиксацией характера изменения и личности, высказавшегося за ее необходимость¹⁵¹.

Помимо упомянутых выше четырех групп содействия истпартам, в 1927 г. на Северном Кавказе действовали группы: одна – при краевом истпарте, Черноморская – в Новороссийске, Владикавказская – во Владикавказе, Горская – в Ростове¹⁵². Последняя группа рассматривалась как база для дальнейшего создания истпартовского движения в национальных областях¹⁵³. В этот период центральный Истпарт использование помощи общественности выделил как одну из своих задач. Так, на IV совещании заведующих истпартовскими отделами в январе 1927 г. говорилось о необходимости отказа от "академической замкнутости" и взятии курса на тесную связь с пролетарской общественностью, привлекая к работе пролетарских свидетелей и участников революционного движения. В докладе обращалось внимание на разнообразие и "живучесть" таких организаций, содействовавших работе истпарта, как группы содействия истпарту по отдельной теме, секции, временные комиссии, кружки, институт уполномоченных,

¹⁴⁸ Там же. Д.31. Л.2, 3.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Д.337. Л.5.

¹⁵¹ ЦДНИРО. Ф.12. Оп.1. Д.334. Л.2-12.

¹⁵² Там же. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.2.

¹⁵³ Там же. Л.7.

постоянные фабрично-заводские комиссии из рабочих-подпольщиков¹⁵⁴. Речь теперь шла о необходимости "надлежащего руководства" этими группами и комиссиями со стороны истпартов с целью качественного улучшения работы общественников. Эта идея была озвучена в новом Положении об Истпарте, принятому в апреле 1927 г.¹⁵⁵

По мере того, как менялась политическая ситуация в стране и усиливался процесс централизации системы управления в конце 1920-х – начале 1930-х годов, центр стал сомневаться в целесообразности использования объединений участников революционных событий. В. Коровайников отмечал, что впервые вопрос о перспективах дальнейшей деятельности групп содействия возник в связи с обращением по телефону в Истпарт одного из партийных следователей ЦКК ВКП(б) в связи с так называемым "делом брянской группы содействия". Весной 1927 г. в брянской группе по причине наличия старых внутрипартийных разногласий, личной неприязни, амбиций, отсутствия элементарной культуры ведения спора сложилась конфликтная ситуация, разрешение которой произошло только после ухода нескольких членов группы и перевыборов бюро. Однако это породило, по словам исследователя, недоверие партийного аппарата к истпартовскому движению. В июле 1927 г. был впервые намечен срок ликвидации групп содействия: после завершения юбилейных мероприятий, связанных с 10-летием Октябрьской революции¹⁵⁶.

На примере одного из сотрудников Истпарта М. Эссен, курировавшей работу местных истпартов, можно проследить трансформацию официальной точки зрения на вопрос о привлечении общественности к работе истпартов. В сделанном ею в конце 1927 г. обзоре о работе местных истпартов, опубликованном в "Пролетарской революции", вовлечение истпартами в свою работу широких кругов общественности оценивалось позитивно. Особое внимание в этом обзоре было уделено признакам возрастания интереса к истории партии и ее свидетелям в связи с партийной дискуссией. Изучение истории партии, отдельных моментов борьбы признавалось "настоятельно необходимым" для всякого рядового партийца¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Пролетарская революция. – 1927. – №1. – С. 266.

¹⁵⁵ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.86. Л.7.

¹⁵⁶ Коровайников В.Ю. Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №1. – С. 116, 118.

¹⁵⁷ Пролетарская революция. – 1927. – №12. – С. 281.

В данном контексте была проведена оценка способов привлечения общественности к истпартовской деятельности. К ним были отнесены существовавшие к тому времени уполномоченные районные истпартовские комиссии, заводские рабочие и крестьянские истпартовские ячейки и корреспонденты истпартов. Однако на первое место в этой области все же были поставлены группы содействия, состоявшие на местах из "активных участников Октября, но не только вождей, а и рядовых работников"¹⁵⁸. М. Эссен считала, что задача групп содействия состояла в восстановлении по памяти революционных фактов при коллективной проверке событий, участниками которых они были, а также розыск и сбор отдельных документов и материалов, имевшихся на руках. Говоря о привлечении к этой работе тысяч рабочих и крестьян и получении ни одной сотни рукописей, стенограмм, отдельных воспоминаний, карточек и других материалов, она считала проблематичным установление их ценности из-за отсутствия "документальной" проверки. Несмотря на это, автор обзора отмечала "богатство" этого "человеческого материала" для будущего исследователя¹⁵⁹.

Однако уже в первом номере "Пролетарской революции" за 1928 г. М. Эссен в своей очередной статье вместе с изменением официального политического курса меняет свое отношение к работе этих групп содействия¹⁶⁰. Их деятельность теперь рассматривалась под углом участия членов этих групп и комиссий в партийных "уклонах". Дело в том, что борьба власти со старыми большевиками, создававшими угрозу незабываемости авторитета нового поколения вождей во главе со Сталиным, велась как раз под лозунгом разгрома "антипартийных уклонов". Задача "дать научную историю партии" связывалась с развертыванием темы об истории длительной борьбы с фракциями внутри большевистских организаций. В статье ограничивалась свобода деятельности групп содействия, районных комиссий, заводских ячеек, деятельность которых предписывалось "заполнить конкретным содержанием"¹⁶¹. Трансформация позиции выразилась в установке на необходимость при организации на предприятиях заводских истпартовских ячеек для вовлечения активных участников революции в работу истпартов ставить перед ними конкретные задачи по сбору ма-

¹⁵⁸ Там же. С. 281, 283.

¹⁵⁹ Там же. С. 283.

¹⁶⁰ Там же. 1928. №1. С. 192-194.

¹⁶¹ Там же. С. 193.

териала, документов, карточек и другого печатного материала, знакомства с фабричными архивами, сбору воспоминаний¹⁶².

На заседании коллегии Истпарта ЦК ВКП(б) 28 января 1928 г. была принята специальная резолюция, в соответствии с которой группы содействия ликвидировались "в том виде, как они существовали раньше". Официальным обоснованием такого решения было признание существования наряду с положительными результатами их работы выявленных дефектов. Группы обвинялись в утере связи с Истпартом ЦК ВКП(б) и местными истпартами и в стремлении к обособлению. По мнению центра, некоторые группы пытались оформиться в самостоятельные организации. Кроме того, на втором плане названы были такие негативные черты работы групп содействия, как отсутствие четкой работы, твердых планов и недостаточно научный и объективный подход в оценке событий. Особо были отмечена настойчивость членов комиссий в "отстаивании прежних ошибок" отдельных участников революционного движения и сведение личных счетов между отдельными участниками группы. Аргументируя закономерность расформирования групп содействия истпартам, Истпарт пытался сузить их первоначальные задачи, утверждая, что они создавались исключительно для подготовки материалов к юбилеям 1905 г. и 1917 г., а эта работа в основном была завершена в мае-июне 1927 года¹⁶³. В опубликованном отчете отдела местных истпартов Института В.И. Ленина последняя причина была указана как основной аргумент ликвидации прежде существовавших групп содействия¹⁶⁴.

В указанной выше резолюции Истпарт не отказывался от привлечения партийной общественности к его работе, но предлагал создать новые группы содействия, а также литературные и экспертные комиссии. Создание групп содействия теперь должно было проходить, исходя из имевшихся потребностей Истпарта и его местных отделений. Таким образом, подобные группы могли функционировать только как временно существующие организации под непосредственным руководством Истпарта ЦК ВКП(б) и выполнять четко определенные литературные задачи, встававшие перед Истпартом и его органами. По мере выполнения той или иной группой содействия конкретной задачи ее деятельность автоматически завершалась, а организация распуска-

¹⁶² Там же. – С. 194.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.1. Д.135. Л.14.

¹⁶⁴ Пролетарская революция. – 1928. – №11-12. – С. 358.

лась¹⁶⁵. При этом группы содействия подразделялись на две категории. Одни обслуживали литературные задания самого Истпарта и были связаны с научно-редакционным подотделом. Другие обслуживали местные истпараты и подчинялись организационно-инструкторскому подотделу¹⁶⁶.

Литературные комиссии определялись в качестве одной из организационной форм привлечения партийной общественности к истпартовской деятельности и работали над изучением того или иного специального вопроса по истории партии. Экспертные комиссии должны были представлять собой организацию из постоянного "кадра товарищей", периодически привлекаемых Истпартом в индивидуальном порядке для проведения экспертизы работ Истпарта в центре и на местах. Они должны были работать по прямым заданиям Истпарта над выяснением отдельных вопросов и давать заключения по ним¹⁶⁷.

Особенно следует отметить наличие в обозначенной резолюции установки, согласно которой вопросы истпартовской общественности требуют гибкого, чрезвычайно внимательного и тактического отношения. Ввиду этого указывалось на необходимость при создании групп избегать какого-либо бюрократизма или формализма, однако, проявлять "реальный контроль за их работой"¹⁶⁸.

Результатом принятия обозначенной резолюции для работы истпартов изучаемого региона стало циркулярное письмо Северо-Кавказского краевого истпарта от 29 марта 1928 г. уполномоченным подведомственной территории, имевшее целью установить реальный контроль над работой групп содействия. Анализ циркуляра показывает полное соответствие его отдельных фрагментов тексту резолюции Истпарта с добавлением региональных особенностей. В частности, следуя указаниям центра, в нем были определены дефекты в работе групп содействия, состоявшие в недостаточной связи с истпартом края, стремлении к обособленности и другие недостатки работы. Признавая необходимость гибкого, чрезвычайно внимательного и тактического отношения к вопросам истпартовской общественности, указывалось на особенности условий Северного Кавказ "с его разнообразным укладом – национальным, земельным"¹⁶⁹. Обозначенные в циркуляре основ-

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.1. Д.135. Л.15.

¹⁶⁶ Там же. Л.16.

¹⁶⁷ Там же. Л.15.

¹⁶⁸ Там же. Л.16.

¹⁶⁹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.69.

ные принципы организации и работы групп содействия соответствовали установкам центра. В определении основных задач их деятельности, состоявших в сборе материалов и документов, записи и сборе воспоминаний с их коллективной обработкой и проверкой, выдаче заключений по отдельным работам, предварительной разработке материалов, было указано, что они имели "исключительно обслуживающее значение" в выполнении плановой работы краевого истпарта¹⁷⁰.

После объединения Истпарта ЦК ВКП(б) с Институтом В.И. Ленина Институт В.И. Ленина в лице его отдела местных истпартов разработал общее Положение о подборе кадров для групп, их задачах и формах конструирования. Группы должны были создаваться из отдельных партийцев, интересовавшихся историей партии и революции, рабочих с предприятий, участвовавших в революции и Гражданской войне, руководителей совпартшколы и комвузов, а там, где существовали отделения Общества старых большевиков, – из членов этих обществ¹⁷¹.

Таким образом, был определен круг лиц, допускавшихся к участию в группах содействий. Данную конкретизацию следует рассматривать в качестве средства установления контроля и изоляции лиц, способных представить историю революционных событий и Гражданской войны, "не нужную" партии в условиях борьбы с оппозицией, утверждения единоличной власти И.В. Сталина и создания единого метанарратива.

Все группы содействия согласно данному Положению подразделялись на архивные, литературные и музейные комиссии. Архивные комиссии должны были заниматься изучением фабрично-заводских архивов, сбором архивных документов и воспоминаний, а также подготовкой материалов для написания хроники революционных событий. В сферу деятельности литературных комиссий, в первую очередь, входило участие их в составлении литературно-издательских планов истпартов. К функциям литературных комиссий относилась и организация записи воспоминаний участников революционного движения, а также коллективная проверка точности этих записей. Наконец, именно в этой комиссии по заданиям истпартов шла подготовка монографий и исторических хроник, разработка тем по отдельным периодам истории партии и рабочего движения. Ее члены принимали

¹⁷⁰ Там же. Л.69об.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф.347. Оп.1. Д.52. Л.67.

участие в проведении юбилейных кампаний, освещая годовщину исторического события в прессе. Комиссия участвовала в выработке заключений и рецензий о рукописях исторических работ. Наконец, музейные комиссии должны были контролировать музеи революции, чтобы сотрудники последних соблюдали строгую классовую линию в экспозициях, посвященных истории партии, при устройстве ленинских уголков, юбилейных выставок. Участники комиссии также участвовали в сборе экспонатов и реликвий¹⁷². Руководство конкретной группой содействия и выработка общего плана работы должны были осуществляться бюро из трех лиц, в состав которого входил и представитель местного истпарта. Состав бюро утверждался местным партийным комитетом¹⁷³.

В отчете истпарта при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) в конце 1929 г. отмечалось, что истпартовская работа была наиболее продуктивна в тех районах и округах, где существовали группы содействия. Особенно это утверждение касалось национальных районов, где истпартовская работа стала активизироваться только к началу 1930-х годов. Примером служила эффективная работа Майкопской и Кабардино-Балкарской групп содействия, которые оказывали помощь истпарту в сборе и проверке источников, в изучении деятельности участников революционного движения. Отмечена была и Чеченская группа, приступившая к сбору материалов и документов по истории красного повстанческого движения в Чечне¹⁷⁴.

Однако именно 1929 год стал завершающим в работе подобных групп. В обзоре М. Эссен деятельности истпартов Института В.И. Ленина и истпартовской работы на местах за 1928–1929 годы о работе групп содействия, в том числе о Северо-Кавказской и Горской, говорилось как о перевернутой странице работы истпартов, несмотря на отмечавшуюся ранее высокую эффективность вклада групп в работу Северо-Кавказского истпарта. По замечанию М. Эссен, эти группы, состоявшие из товарищей, работавших на местах, имели значение, когда работа истпартов базировалась, главным образом на собирании воспоминаний. Однако теперь в связи с переходом в основном к научно-издательской деятельности, требующей более "серьезного критерия" оценки работы истпартов можно было без сожаления ликвидировать

¹⁷² Там же. Л.67-68.

¹⁷³ Там же. Л.68.

¹⁷⁴ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 303-304.

остатки групп содействия, являвшихся, по мнению автора, высказавшего официальную позицию, архаизмом¹⁷⁵. Тем не менее, в регионах группы содействия продолжали еще действовать в 1930 году. Так, в отчете Северо-Кавказского краевого истпарта за 1930 г. было сказано о создании института уполномоченных и групп содействия после упразднения в округах истпартов и рассылке им положений об их работе и краево истпарте¹⁷⁶.

Таким образом, значительную часть материалов и мемуарных источников истпарт получал благодаря привлечению к своей работе общественности. Основной формой сотрудничества с представителями местной общественности, утвержденной партийными органами, были группы содействия, которые находились под контролем истпартов. Подобные группы имели различные функции по сбору источников, подготовке материалов к печати, идеологическому контролю историко-революционной продукции. В условиях Северного Кавказа именно существование групп содействия являлось зачастую единственной организационной структурой для распространения истпартовской работы на все, особенно национальные районы макрорегиона. Однако главным направлением деятельности групп содействия был сбор воспоминаний. Поэтому с изменением официального отношения к мемуарным источникам была свернута и работа групп содействия.

* * *

Собирательская деятельность истпартов, с одной стороны, создавала совершенно новый источниковый комплекс, что позволяло обратиться к профессиональному изучению ранее не разработанных направлений отечественной исторической науки, в частности проблем социальной истории. В процессе собирательской деятельности вырабатывались новые подходы к выявлению исторических источников, уделялось особое внимание устным и личным источникам и методам их создания и обработки.

С другой стороны, сам процесс создания и сбора источников по историко-революционной тематике был одновременно инструментом переделки сознания советских людей, в том числе и авторов воспоминаний. В процессе собирательской деятельности истпартов происходила выработка и внедрение в массовое сознание новой модели исто-

¹⁷⁵ Там же. – 1930. – №1. – С. 185.

¹⁷⁶ Там же. – 1931. – №1. – С. 195.

рической памяти, соответствующей новой идеологии власти и горизонту властных ожиданий.

Базой собирательского направления в работе истпартов на местах и в центре стали архивы. Поэтому происходила реорганизация как структуры, так и кадров региональных архивных органов, чтобы учитывать и истпартовские интересы. В практической работе взаимоотношения между истпартами и архивными работниками были полны противоречий и крайностей, но в целом истпартовские и архивные органы вынуждены были действовать в тесном взаимодействии.

Значительную помощь в работе истпартов по формированию источниковой базы истории партии и революционного движения местным истпартовским органам оказывали общественные группы содействия, создание которых в различных формах было санкционировано центральным Истпартом во второй половине 1920-х годов.

Характер собирательской деятельности истпартов в значительной степени зависел от политической конъюнктуры. Если в начале 1920-х годов преобладали творческие поиски и разнообразие методов работы, то к концу десятилетия процесс все больше унифицировался. Показателем этого была эволюция отношения к собиранию и созданию мемуарных источников. Несмотря на оценку воспоминаний как вспомогательного вида источников, вначале истпарты активно занимались сбором и обработкой личных воспоминаний, но затем эта работа была ограничена юбилейными датами, а в 1930-е годы почти полностью прекратилась за исключением сбора информации от участников революционных событий о партийных вождях. Наиболее распространенными воспоминаниями для истпартов Северного Кавказа были сведения об И.В. Сталине, Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кирове.

Глава 3

НАУЧНАЯ И ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА ИСТПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

3.1. СОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРРАТИВА КАК ОСНОВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В 1920-е ГОДЫ

Идея Истпарта и его работа были направлены, в первую очередь, на изменение массового сознания с помощью создания новой модели исторической памяти. Это касается и научно-издательской деятельности всей сети истпартов. Об этом свидетельствуют и рабочие документы Истпарта – методические указания, инструкции для местных истпартов, которые выступали исполнителями научных и идеологических установок центра. Как известно, основная часть работников региональных истпартов в 1920-е годы не имела соответствующей профессиональной подготовки, поэтому эти документы были инструментом идеологической ориентировки сотрудников местных истпартов, тем более что истпартовская работа была делом новым.

Одновременно с организационной работой провинциальные истпарты были нацелены не только на сбор новых источников, но и на немедленную подготовку и издание на местном материале "монографий", "описаний" и "популярных" историй революции ¹. Власть стремилась

¹ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 7-8.

поскорее предложить массовому читателю и слушателю большевистскую версию истории последних десятилетий, которая представляла бы легитимность Октябрьской революции и закономерность победы большевиков в Гражданской войне.

Важность для большевиков скорейшей подготовки и издания публикаций определялась, как указывалось ранее, существованием "контрнарратива". Например, таким региональным контрнарративом была изданная в 1919 г. брошюра И. Сургучева "Большевики в Ставрополе". В ней, в частности, говорилось, что "Ставрополь имел, несомненно, историческое счастье быть первым русским городом, освобожденным от большевистского засилья силами исключительно русских добровольческих войск"². Данный "контрнарратив", отражая отличную от властной интерпретацию истории революции, был на долгие годы помещен в спецхраны, а истпартовскими сотрудниками охарактеризован как "белогвардейский пасквиль на революционное Ставрополье"³.

Значимость работы региональных истпартов определялась тем, что с помощью местного материала должна была внедряться в массовое сознание одна из конструкций новой модели исторической памяти. Суть ее состояла в том, что в центре выработывались главным образом план и лозунги революции, а "в дело" они вводились на местах⁴. Таким образом, формулировался аргумент в пользу тезиса о всенародной поддержке политики большевиков. Вместе с тем, власть на местах нуждалась в средствах пропаганды и агитации для создания "нового человека". Вот почему такие исторические публикации нового типа рассматривались Истпартом как форма воспитательной работы на местах⁵.

Формально в инструкциях центра говорилось о важности научной работы, которую нельзя сводить к повседневной агитации. Такая установка как раз свидетельствовала, что цель Истпарта – не организация населения на какую-либо разовую акцию, а основательное формирование исторического сознания советского общества на основе новой модели исторической памяти. Тем не менее, в этих же материалах

² Сургучев И. Большевики в Ставрополе. – Ростов-на-Дону, 1919. – 32 с.

³ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.1. – Ростов-на-Дону, 1930. – С. 11.

⁴ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920. – С. 5.

⁵ Пролетарская революция. – 1924. – №7. – С. 279.

речь шла о необходимости такой функции истпартов, как отсеивание "ненужных" фактов и свидетельств, то есть данных, которые разрушают эту властную модель. Поэтому руководители истпартовского движения допускали, что "не всегда окажется возможным говорить все". Об идеологическом подходе к написанию монографий и к работе с источниками также свидетельствует требование "строго марксистской" оценки в исследовательских трудах, применения "марксистского метода"⁶.

В реальности при тотальной нехватке денежных средств и громадного дефицита бумаги начала 1920-х годов далеко не все истпарты имели возможность издавать отдельные исторические труды и часто ограничивались публикациями на страницах местных газет и журналов, тем более, что периодическая печать того времени была эффективным средством пропаганды и трансляции идей власти.

Кроме того, для написания монографий требовалось время и профессионализм авторов, поэтому издательская деятельность недавно созданных провинциальных истпартов сводилась к публикации сборников на историко-революционную тематику. В эти сборники включались наряду с исследовательскими статьями, написанными на местном материале, воспоминания участников и свидетелей революционных событий, архивные документы, а также хроника событий.

На Северном Кавказе одни из первых публикаций в рамках конструирования новой модели исторической памяти принадлежали Донскому истпарту, который совместно с местным агитпропом в 1922 г. издал три сборника "Пролетарская революция на Дону". Такая совместная деятельность двух органов не случайна и отражает локальные возможности осуществления политики памяти как инструмента реализации формирующейся идеологии.

Часть материалов этого издания редактировалась приглашенным для этого "старым донским партработником", а в тот момент научным сотрудником Социалистической академии А.А. Френкелем. Первый сборник был посвящен целиком революционным событиям в регионе, а второй и третий отражали конкретную тематику (пятилетие Октябрьской революции и двадцатилетие стачки в Ростове-на-Дону 1902 г.)⁷.

⁶ Пролетарская революция. – 1922. – №4. – С. 360.

⁷ Пролетарская революция на Дону: сб. первый. – Ростов-на-Дону, 1922; Пролетарская революция на Дону. Сб. второй. Под ред. Френкеля. – Ростов-на-Дону, 1922; Пролетарская революция на Дону. Сб. третий / под ред. Станчинского Ростов-на-Дону, 1922.

Изданный в 1924 г. четвертый сборник сконцентрировал материал о начале Гражданской войны в регионе – борьбе с калединщиной⁸.

В 1924 г. аналогичные сборники были выпущены также Терским и Кубано-Черноморским истпартами тоже совместно с агитпропом местного губкома РКП(б)⁹. Сами работники истпартов рассматривали такие сборники как предварительный материал для подготовки в последующем более основательных научных изданий, понимая, что "сейчас еще не настало время писать историю... эта история – музыка будущего"¹⁰. Все же именно эти публикации стали изначальным фактором влияния на процесс конструирования исторической памяти тех групп населения, которые потенциально были способны воспринять данную информацию.

Основными теоретическими установками этого конструирования было, во-первых, обоснование длительной истории большевизма в регионе, во-вторых, их ведущая роль в местном революционном движении, не зависимо от реальной картины недавнего прошлого. Это диктовалось стремлением придать современное "лицо" истории своей местности, этакая местечковая гордость. Дело доходило до того, что неволью или преднамеренно искажался смысл документальных источников.

Например, в сборнике Терского истпарта содержание письма помощника наместника на Кавказе за 1908 г., адресованного начальнику Терской области, в котором излагалась только просьба сообщить, имеются ли в области партии "дашнакцютюн", "социал-демократов", фракции большевиков и "сакартвелло", интерпретировалось как материал, доказывавший наличие большевистской организации в Терской области. Такой вольный подход к интерпретации источников был раскритикован Истпартом¹¹.

В то же время позитивным моментом изучения революционных событий в первой половине 1920-х годов было стремление истпартов понять региональную специфику этих событий. Это свидетельствует о том, что в первой половине 1920-х годов давление политической конъюнктуры и идеологические ограничения были не столь сильными.

⁸ Пролетарская революция на Дону. Сборник четвертый. Калединщина и борьба с нею. (2 декабря 1917 г. – 10 февраля 1918 г.). – М., Л., 1924.

⁹ История революционного движения на Тереке: сб. Статей, воспоминаний и материалов №1. Пятигорск, 1924; Октябрь на Кубани и Черноморьи. – Краснодар, 1924.

¹⁰ Пролетарская революция на Дону: сб. первый. – Ростов-на-Дону, 1922. – С. 3.

¹¹ Пролетарская революция. – 1924. – №7. – С. 261-262.

Поэтому было опубликовано много воспоминаний, в которых содержались сведения, не всегда отвечавшие идеологическим установкам власти. Однако именно особый интерес центра исключительно к сведениям о деятельности большевиков в провинции, особенно до 1917 г., часто толкал местные истпарты на подтасовку фактов.

Следует отметить, что нехватка на Северном Кавказе профессиональных историков, которые бы подходили истпарту по своим политическим данным, в частности были бы членами партии и участниками революции, приводила к методологическим трудностям в исследовательской работе местных отделов истпарта. Центр же в своих инструкциях ограничивался общими разговорами о "марксистском методе" и схемами, по которым нужно было проводить исследовательскую работу. Это хорошо понимали местные истпартовские сотрудники. Так, заведующая Кубано-Черноморским истпартом Е.М. Полуян-Верецкая в письме Истпарту ЦК РКП(б) по поводу задержки издания исторических сборников писала, что на примере других истпартов видно, "как трудно поставить дело так, чтобы эти сборники имели хотя бы какое-либо историческое значение". По ее мнению, почти все истпартовские издания принесут будущим историкам весьма слабую пользу из-за отсутствия научного подхода к работе и не владения авторами методом исторического исследования¹².

Может быть, поэтому сборник, выпущенный Кубано-Черноморским истпартом, включал только воспоминания. Эти воспоминания отличались искренностью и непосредственностью. Составители специально не изменяли "стиль" авторов, понимая, что это ценный источник, который должен дойти до ученых в первоизданном виде. Важным замечанием в предисловии к сборнику было положение о том, что историку важно будет знать не только то, о чем пишут "незаметные герои", но и как они пишут¹³. В начале 1920-х годов такое замечание еще было возможным, т.к. даже в провинции встречались еще работники истпарта, которые получили образование до революции, когда в России стала бурно развиваться "понимающая" история. В последующие годы это направление было сведено к нулю.

Первое значимое методологическое руководство по работе с источниками истпарты получили только в 1924 г., которое было озвучено

¹² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.192. Л.43.

¹³ Октябрь на Кубани и Черноморьи. – Краснодар, 1924. – С. 5.

в докладе Н.Н. Авдеева на III совещании заведующих истпартотделами. В нем указывались две основные задачи истпартов при создании истории РКП(б) и Октябрьской революции. Первой задачей было установление "точных и верных действительности фактов". Кроме того, необходимо было "выяснение, при помощи марксистского метода, исторической закономерности этих фактов" и создание научной истории. Для решения поставленных задач использовались еще дореволюционные методические разработки при работе с источниками, так называемые методы исторической критики. Речь шла об историко-ведческом анализе – установление подлинности источников, исследование их оригинальности, выявление времени, места происхождения и автора источника, воссоздание первоначального текста. Н.Н. Авдеев предлагал для решения обозначенных проблем использовать методы сравнения, сопоставления, проверки, контроля, анализа. Кроме того, был предложен, по сути, лингвистический подход к источникам, говоря о необходимости обращать внимание на их язык¹⁴.

При этом соблюдая новые идеологические правила, докладчик отмечал, что историк-марксист должен пользоваться не только указанными методами, но и марксистским методом. Как и в инструкциях центра, в докладе не раскрывалось содержание этого метода. Поэтому упоминание о марксистском методе выглядело, скорее, как идеологическое украшение, нежели, как методологическое указание. Методологической же основой научной работы истпартов в тот момент были достижения мировой историографии. Не случайно Е.М. Полуян-Верецкая по результатам поездки на это совещание отмечала необходимость "самим составить на основании буржуазных методологов Бренгейма, Ланглуа, Сеньобоса, Лаппо-Данилевского и др. руководство, чтобы наметить научные марксистски выдержанные приемы исследовательской работы"¹⁵.

Одновременно с такими интеллектуальными "выбросами" в научной работе истпартов прослеживается стремление обеспечить классовую "чистоту" изданий по модели нового типа исторической памяти. Например, в постановлении Северо-Кавказского крайкома РКП(б) по докладу истпарта от 2 июля 1925 г. прямо указывалось, что исследование истории Гражданской войны должно было проводиться "под уг-

¹⁴ Пролетарская революция. – 1924. – №8-9. – С. 443-446.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612. Л.4.

лом зрения" борьбы за Советскую власть. Истпартовцам необходимо было изучать "Красный фронт", Советское строительство, борьбу и роль в этой борьбе большевистской партии. Возможность же исследования объемной картины Гражданской войны "со строительством и работой контрреволюционных сил, в частности" полностью исключалась¹⁶. История революции и Гражданской войны была сведена к истории прихода большевиков к власти. Особое место в работе истпартов, по мнению крайкома, должна занимать история партии. В изучении предоктябрьского периода надо было акцентировать внимание не на истории социал-демократии вообще, а на истории большевистской фракции, на борьбе большевиков с меньшевиками и другими политическими партиями¹⁷.

Толчком к изданию книг по историко-революционной тематике для истпартов становились революционные юбилеи. По справедливому замечанию С.Ю. Малышевой, значительная нагрузка в процессе трансляции исторических мифов в коллективную память и даже в сферу профессиональной историографии ложилась именно на популярную историческую литературу, издававшуюся к революционным праздникам¹⁸. В 1925 г. в масштабах всей страны отмечался двадцатилетней юбилей революции 1905 года. Организационные мероприятия, посвященные юбилею, начались в конце 1923 г., и в подготовке к предстоящим торжествам Истпарту отводилось одно из центральных мест. В июне 1924 г. состоялось первое заседание комиссии президиума ЦИК СССР по организации празднования двадцатилетней годовщины 1905 г., на котором Первая российская революция была охарактеризована как "определенный этап в революционном развитии"¹⁹.

В связи с этим юбилеем появились официальные методологические установки, разработанные М.Н. Покровским в его статье, опубликованной под эгидой Истпарта, о событиях 1905 г. в России. Главной идеей был тезис о подлинном "начале" российской истории с Октября 1917 года. М.Н. Покровский призывал вести отсчет времени не от Рождества Христова, а от Октябрьской революции. Он совершенно серьезно предлагал рядом с общепринятой датой всегда отмечать еще дату

¹⁶ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.173. Л.5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). – Казань, 2005. – С. 342.

¹⁹ Пролетарская революция. – 1924. – №7. – С. 281-282.

"за столько-то лет до Октябрьской революции". По Покровскому Рождество Христово – это миф, далекий от реальности, и поэтому не может быть точкой отсчета в марксистской историографии. Более того, историк считал Октябрьскую революцию частью мировой пролетарской революции, вехой в мировой истории. Он первым обозначил советский период российской истории как советскую историю²⁰.

Как известно, предложение первого советского историка о новой датировке по типу календаря Великой французской революции не было принято на государственном уровне в силу его радикализма и сложности воплощения. Вместе с тем его взгляды на большевистский переворот в 1917 г. стали базой для создания "другой" истории страны и на многие годы утвердились в советской историографии.

На III совещании отделов истпартов СССР Истпарт ЦК РКП (б) призвал работников местных органов "литературно" подготовиться к празднованию юбилея²¹. В связи с этим истпарт Северного Кавказа наметил обширный план издательской деятельности. Однако суровая действительность существенно препятствовала его реализации. Не хватало профессиональных кадров для подготовки юбилейных публикаций, слабой была разработка источниковой базы, отсутствовала ясность в методологических подходах, которые сводились к идеологическим лозунгам. Кроме того, истпарт располагал крайне слабыми финансовыми возможностями.

Издательская деятельность истпартов согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. и распоряжению Главлита наркомата просвещения от 31 июля 1925 г. подвергалась тщательной проверке. Комиссия Президиума ЦИК по организации празднования двадцатилетней годовщины революции 1905 года имела право всестороннего контроля и предварительной санкции при выпуске всей литературной, музыкальной и кино-продукции по теме революции 1905 года²².

На местах создавались краевые, областные и окружные комиссии по организации этого юбилея, в состав которых входили представители истпартов. В провинции издание юбилейной литературы было особенно сложным. Так, литературно-издательской секцией Терской окружной комиссии по проведению двадцатилетнего юбилея революции

²⁰ Там же. №11. С. 5-13.

²¹ Там же. №8-9. С. 410.

²² ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.717. Л.2.

1905 г. был запланирован выпуск популярной брошюры "Очерки революции 1905 г. на Тереке" и научного сборника "Революция 1905 г. на Тереке". Однако обе работы на стадии подготовки их к публикации получили отрицательный отзыв центра.

В рецензии А.М. Панкратовой было отмечено, что главным недостатком научного сборника была "неряшливость и небрежность его составителя, исключая всякое представление о научности издания: документы почти везде без указания источников, выписки из газет без указания названия газет, номера и числа". Отсутствовали также редакционные примечания к документам. Планируемые в сборнике воспоминания были названы малосодержательными, часто совершенно безграмотными и нуждавшимися "в хорошем редакционном карандаше"²³. В связи с такой оценкой ученого историка Истпарт порекомендовал Терскому истпарту доработку сборника совместно с Северо-Кавказским краевым истпартком. Работники Терека должны были проставить даты и расширить источники, а литературную обработку необходимо было предоставить краевому истпарту²⁴. Северо-Кавказский истпарт в свою очередь получил из центра рекомендацию оказать Терскому истпарту необходимую помощь²⁵.

На заседании Терской окружной комиссии по проведению двадцатилетнего юбилея время издания научного сборника было отсрочено из-за отсутствия "в настоящее время достаточно полных и исчерпывающих материалов и документов, охватывающих все революционные события и явления экономической и политической жизни того времени". Отдел истпарта должен был более тщательно заняться подбором и обработкой материалов и документов²⁶. На этом же заседании было принято постановление о необходимости кардинальной переработки и последующего издания популярной брошюры "Очерки революции 1905 г. на Тереке". Главные недостатки брошюры состояли в отсутствии данных о существовании и влиянии большевистской организации на революционные события 1905 г. на Тереке, а также материала о межнациональном антагонизме и участии представителей национальных районов в революционном движении. Одним из недочетов было названо также отсутствие серьезного экономического обзора региона и

²³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.363. Л.11-13.

²⁴ Там же. Л.10.

²⁵ Там же. Д.298. Л.22.

²⁶ ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.288. Л.7.

недостаточное освещение общероссийского контекста событий на Тереке, их связи с российским революционным движением²⁷.

Истпарт ЦК дал отрицательный отзыв брошюре. В отзыве отмечалось, что очерк не отвечал требованиям, предъявляемым к популярной брошюре, в которой "обязательно должен быть анализ событий и явлений, лишь изложение должно быть популярно, то есть понятно для массового читателя". Центр в итоге указывал, что преподносить читателю поверхностное описание революции 1905 г. на Тереке "да еще с эсеровским душком ни в коем случае нельзя"²⁸. В результате ни одно из запланированных Терским истпартом изданий, приуроченных к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г., не было опубликовано. Хотя и в 1926 г. местный истпарт продолжал собирать материалы для обозначенной брошюры в надежде на дальнейшую литературную помощь со стороны Северо-Кавказского краевого истпарта²⁹.

В силу указанных выше причин юбилейные мероприятия, посвященные революции 1905 г., не были отмечены на Северном Кавказе публикацией истпартовских монографий или других фундаментальных работ. Истпарт смог издать только несколько сборников небольших статей, воспоминаний и документов³⁰. Издатели прекрасно осознавали предварительный подготовительный характер этих книг. Не случайно в предисловиях содержались обращения к читателям с просьбой присылать в адрес отделов истпартов не только замечания, предложения и поправки, но и дополнения, в частности, заметки участников и свидетелей революционных событий³¹. Такие же обращения истпартов были размещены в периодической печати. Это должно было привлечь к истпартовской работе общественность, чтобы в плодотворной дискуссии создать "коллективную" историю революции. Однако у такой дискуссионности уже тогда были свои пределы, определявшиеся властной интерпретацией событий.

²⁷ Там же.

²⁸ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.363. Л.24.

²⁹ Там же. Д.364. Л.13.

³⁰ 1905 год в Ростове-на-Дону / под ред. В. Толмачева и П. Баранчикова. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1926; Толмачев В. Ростовский рабочий в революции 1905 г. – Ростов-на-Дону, 1925; Гурвич С. 1905 г. в Ростове-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 1925; Революция 1905г. на Северном Кавказе. Сборник документов и материалов №1. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1926; 1905,1906, 1907 годы в Грозном /под ред. Б.В. Игрицкого, П.В. Тищенко и др. Г– розный, 1925.

³¹ 1905,1906, 1907 годы в Грозном / под ред. Б.В. Игрицкого, П.В. Тищенко и др. Грозный, 1925; 1905 год в Ростове-на-Дону / под ред. В. Толмачева и П. Баранчикова. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1926.

Анализ истпартовских публикаций, приуроченных к десятилетнему юбилею Октябрьской революции, помогает проследить выработку концепции революции, ставшей впоследствии основой идеологической трактовки Октября и, соответственно, основой новой модели исторической памяти. Во-первых, во всех инструкциях Истпарта ЦК партии местным отделам по организации десятилетнего юбилея революции говорилось о необходимости увязывать всю научно-исследовательскую работу с текущей политической работой ВКП (б) и использовать "революционное прошлое для революционного настоящего". Особо подчеркивалась важность использования истории революции для "воспитания новых слоев рабочих"³². Такой подход стал методологической установкой для отечественных историков на многие годы.

Именно при подготовке к юбилею Октябрьской революции истпарты получили инструктивные указания по методике проведения. Во-вторых, по мнению Истпарта ЦК ВКП(б), историческое исследование по историко-революционной проблематике должно было проводиться на базе общей схемы, которая вытекала из работ В.И. Ленина. Перед исследователями истории Октябрьской революции была поставлена задача "детального, точного, конкретного описания, анализа и изучения тех или других моментов истории Октября". Таким образом, на основе местного материала необходимо было формировать конкретные иллюстрации отдельных положений сложившейся у партийных вождей концепции Октября³³. Следовательно, наследие В.И. Ленина присваивалось звание единственно возможной научной концепции. Этому обстоятельству сопутствовала внутрипартийная дискуссия, связанная с внутрипартийной борьбой за власть, и выход книги Л.Д. Троцкого "Уроки Октября". Толкование ленинских работ руководителями ЦК намеренно противопоставлялось троцкистской концепции. Можно согласиться с А.В. Сидоровым, который пишет, что основные черты "ленинского понимания" историко-революционных процессов оформились в ходе внутрипартийной дискуссии 1924-1925 годов, которая и была посвящена обсуждению произведения Л.Д. Троцкого³⁴. В связи с этим обосновывалось наличие у В.И. Ленина исторической концепции Октябрьской революции.

³² Пролетарская революция. – 1927. – №1. – С. 265.

³³ Там же. – 1926. – №2. – С. 235-236.

³⁴ Сидоров А.В. Историография и внутрипартийная борьба: дискуссия 1924-1925 гг. в РКП(б) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 416-423.

Так, в опубликованном в 1926 г. материале, приуроченном к десятилетнему юбилею Октябрьской революции, утверждалось, что практические политические потребности, возникавшие перед Октябрьской революцией, а также в момент ее свершения и после нее, способствовали пристальному изучению "пройденного пути" со стороны вождя. Тем самым первыми историками Октябрьской революции были объявлены вожди и руководители политических боев за утверждение советской власти и строительство социализма. В инструктивных письмах прямо указывалось на наличие в "текстах" В.И. Ленина не только значительного количества "исторического элемента", но и целостной схемы истории Октябрьской революции³⁵.

При подготовке к десятилетию Октябрьской революции 1917 г. Истпарт регламентировал формы юбилейной издательской работы местных истпарта. Предлагалась публикация сборников статей, воспоминаний и документов, научно-исследовательских работ в виде монографий, а также популярных брошюр по отдельным моментам Октябрьской революции и Гражданской войны³⁶. Главным методологом и методистом в конце 1920-х годов был М.Н. Покровский. Он первым предложил три типа истпартовских изданий – академическое, популярное и сокращенное издания, а также брошюры для массового читателя. Последний тип публикации должен быть и по теме, и по структуре связан с "условиями и потребностями текущего момента и нуждается в меньшем времени для написания"³⁷. Для облегчения работы отделов истпарта центр в 1926 г. предложил разработанную сотрудниками Истпарта схему для подготовки очерков по истории Октябрьской революции на местах³⁸. Методическая разработка состояла из пяти разделов, в каждый из которых входил детализированный перечень вопросов. В частности, этот список включал такие проблемы, как предпосылки революции в регионе, факты о перевороте на местах, установление здесь советской власти, ход Гражданской войны, данные о местной большевистской организации.

Однако в январе 1927 г. на IV Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами было указано на невозможность скорейшего выполнения работы по обработке материалов по этой схеме ввиду ее обшир-

³⁵ Пролетарская революция. – 1926. – №2. – С. 234-235.

³⁶ Там же. – №3. – С. 268.

³⁷ РГАСПИ. Ф.147. Оп.1. Д.26. Л.10.

³⁸ Пролетарская революция. – 1926. – №3. – С. 269-273.

ности. Поэтому на совещании была принята сокращенная схема подготовки местных очерков истории революции³⁹. План изданий был сведен к четырем основным разделам. Их тематика включала описание движущих сил революции, историю общественных и политических организаций, сыгравших решающую роль в победе Октябрьской революции в регионе, контрреволюционные организации и, наконец, национальный вопрос в Февральской и Октябрьской революции.

Последняя тема имела особое значение для районов "с широким национальным движением". После рецензирования ряда работ местных истпартов в это время также был поставлен вопрос об улучшении качества их публикаций. В литературной работе, связанной с десятилетием Октябрьской революции, Истпарт ЦК ВКП(б) стремился учитывать опыт издания работ по истории революции 1905 г. Участники упомянутого выше совещания откровенно говорили о неудачах этого опыта. Негативная оценка была дана факту наполненности рынка "громоздким количеством изданий по 1905 г.", значительная часть которых была, по мнению центра, очень невысокого качества. Истпартовцы говорили и о невыполнении издательской программы, которая была даже к 1927 г. реализована лишь наполовину. На совещании прозвучал призыв не плодить "макулатуру", а создавать основательные и научно и пропагандистски обоснованные истпартовские издания⁴⁰.

Приоритетное место в публикациях местных истпартов должна была занимать популярная литература. Одним из работников истпарта М.А. Савельевым была высказана мысль, что "лучше небольшая, яркая популярная брошюра, лучше яркое, боевое освещение этого вопроса, доступное широким массам, чем какие-нибудь толстые монографии, написанные в прок, недостаточно проработанные, содержащие сырой, непроверенный, неувязанный между собой материал"⁴¹. Еще раз была подтверждена идея связи исторических событий с современной исторической конъюнктурой. Предстоящий юбилей должен был стать "боевым смотром сил", а изданная литература – необходимым для вооружения "духовным оружием". Вся работа истпартов должна была исходить "из истинно ленинской оценки октябрьских событий"⁴². В резолюциях совещания была конкретизирована содержательная сторона

³⁹ Там же. – 1927. – №1. – С. 262, 267-269.

⁴⁰ Там же. – С. 262.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. – С. 263.

типов изданий местных истпарта по истории Октябрьской революции. В целом это были первые, распространенные по линии местных истпартов, детализированные рекомендации по технике публикации работ.

Издательский план Северо-Кавказского краевого истпарта достаточно наглядно демонстрирует механизм создания исторических нарративов, транслировавших определенные идеологемы, и в то же время показывает сложности в реализации установок центра. Так, при подготовке силами краевого истпарта сборника об Октябрьской революции и Гражданской войне на Северном Кавказе план предусматривал переработку материала не только "с точки зрения исторической действительности", но и с позиций "классового подхода". В примечании к плану указывалась главная задача издания – изображение "строительства и жизни революции". По содержанию отдельные очерки должны быть логически связаны друг с другом, а по форме их надо было воплотить в литературную оболочку, рассчитанную на массового читателя⁴³. Говорилось в плане и о том, что авторы предполагают выделить определенное место деятельности белогвардейцев, а также меньшевиков, эсеров и других буржуазных партий⁴⁴. В конечном итоге план не был реализован, т.к. на заседании секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было решено такой сборник очерков не издавать, а вместо этого опубликовать ряд отдельных выпусков по конкретным вопросам революционного движения⁴⁵.

Также была запланирована, но не издана хроника общественно-политических событий на Северном Кавказе за 1917-1919 годы. Причиной этому было отсутствие собранных и систематизированных дат, местонахождения, характеристики событий общественно-политического характера. Эта несистематизированность историко-фактических материалов не давала возможности писать историю революционного движения⁴⁶. Представляется, что главным было отсутствие профессиональных историков, способных взглянуть на источники концептуально.

Поэтому систематизация событий и фактов, составление хронологии стало неременным условием для проведения дальнейшей науч-

⁴³ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.343. Л.17.

⁴⁴ Там же. Л.18.

⁴⁵ Там же. Л.1.

⁴⁶ Там же. Л.18.

но-исследовательской работы истпарта. Намеченные к публикации исторические очерки о казачестве и горцах в Октябрьской революции, о красно-зеленом движении на Северном Кавказе в 1917-1920 годы не были изданы как самостоятельные работы, но данная тематика нашла свое отражение в других истпартовских публикациях второй половины 1920-х годов.

К десятилетнему юбилею Октябрьской революции на Северном Кавказе истпартами было выпущено ряд изданий, в большинстве своем это были популярные книги и брошюры. В их числе издание Таганрогского истпарта об участии рабочих города в революционных событиях⁴⁷, воспоминания А. Лиманского в литературной обработке о некоторых эпизодах Гражданской войны на Дону⁴⁸, издание Владикавказского истпарта, представлявшее сборник воспоминаний о революции в регионе⁴⁹.

Примером конструирования регионального исторического нарратива может служить опубликованная в Грозном брошюра Е. Эшба, выполненная по заданию истпарта и переиздававшаяся в 1929 и 1935 годы о личности одного из революционных деятелей Чечни⁵⁰. Ее анализ показывает, как происходил процесс конструирования исторической памяти с учетом региональной специфики и менталитета. Так, значимым было формирование образа местных героев революции. Потому в ней история революционного движения в Чечне рассматривалась через призму анализа жизни и деятельности А. Шерипова. Она, по словам автора, "символизирует собою, ярко, в концентрированном виде... те глубокие сдвиги, которые произошли в массах трудового чеченского народа в течение революционных 17-18-19 гг. и вместе с тем указывает этому народу единственно правильный путь освобождения и культурно-экономического развития"⁵¹.

Издания Северо-Кавказского истпарта в связи с десятилетием Октябрьской революции дают представление о методах конструирования

⁴⁷ Октябрь в Таганроге. (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге) (1917 и нач. 1918 г.) / под ред. К.В. Губарева и Д.И. Боброва. – Таганрог, 1927.

⁴⁸ Лиманский А. Заложники у белых. – Ростов-на-Дону, 1927.

⁴⁹ Владикавказ в Октябрьские дни / под ред. и с поправкой Б. Гофман, М. Шаусен. – Владикавказ, 1927.

⁵⁰ Эшба Е. Асланбек Шерипов (опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова, в связи с народно-революционным движением в Чечне). К 10-летию Октябрьской революции. 2-е изд. – Грозный, 1929.

⁵¹ Там же. – С. 11.

ния исторических образов в массовом сознании. Например, дореволюционная история отдельных народов и районов Северного Кавказа изображалась исключительно в мрачных негативных тонах. Логика повествования показывает, что целью такого подхода была необходимость представить наличие местных социально-экономических предпосылок революционных преобразований и показать, что революция в регион не была привнесена "извне", то есть из центральной части России.

В частности, в повествовании Я. Раенко-Туранского о жизни адыгов при царской власти автор утверждал и не без оснований, что политическая инертность народа объясняется условиями их социального, экономического и культурного существования. Он писал, что национальная политика царского правительства "настолько убила жизненность адыгов, что они из трудолюбивых, развитых превратились в мелко-хищнических, совершенно забытых, не интересующихся политическими событиями"⁵². Анализ текста отчетливо показывает мотивы истпартовского сотрудника, пытавшегося реабилитировать адыгов перед властью, которые, по его мнению, ввиду своей "невежественности" и неспособности разбираться в происходивших событиях совершенно "не поняли" "Октябрь" и во время Гражданской войны "очутились на стороне реакционного казачества"⁵³. Приоритетное внимание в работе уделено именно истории Гражданской войны. В заключении Я. Раенко-Туранский выдвигает положение, ставшее впоследствии типичным для советской идеологии. Он писал, что в течение пятидесяти лет черкесский народ жил под игом царского режима, а с приходом Советской власти наступила свобода, равноправие, ключом забившее просвещение в аулах, возрождение народа, изживание национальной вражды⁵⁴.

В изданиях о революции и Гражданской войне на Ставрополье, выпущенных Ставропольским истпартом⁵⁵, события от Февраля к Октябрю располагались по заданной официальной моделью логике. Первым звеном этой логической цепи обязательно была предреволюци-

⁵² Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. – Ростов-на-Дону, Краснодар, 1927. – С. 41.

⁵³ Там же. – С. 46, 50.

⁵⁴ Там же. – С. 179-180.

⁵⁵ 1917 г. в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. Ставрополь, 1927; Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920). Исторический очерк. – Ставрополь, 1928.

онная история России, которая под пером работника истпарта неизбежно должна была привести к социалистической революции, а затем к победе большевиков в Гражданской войне. Один из авторов, руководитель агитпропа Ф. Головенченко, будущий ученый-филолог и погромщик "безродных космополитов", был учителем-гуманитарием, что и позволило ему грамотно воплотить схему Истпарта. В этих книгах внимание акцентировалось на тех событиях, которые были своего рода вехами в истории прихода большевиков к власти в Ставропольской губернии, а факты, не вписывавшиеся в эту схему, попросту игнорировались. Тем самым инструкции и схемы Истпарта конструировали сознание авторов публикаций, которые, в свою очередь оказывали влияние на формирование исторического сознания местного общества.

Выводы этих публикаций носили четко идеологический оттенок. Так, Ф. Головенченко не задается вопросом о возможном существовании комплекса причин отказа крестьян сдавать хлеб продовольственным комитетам после Февраля. Он указывает только одну причину – нежелание поддерживать "буржуазное Временное Правительство с его земством"⁵⁶. Автору важно было показать отрицательное отношение крестьян ко всему, что было до Октябрьской революции. Для этого он использовал имевшийся у него комплекс источников, односторонне его интерпретируя, чтобы подчеркнуть роль большевиков в революционных событиях и доверие к ним со стороны местных жителей. Тем не менее, в рассказе встречаются и данные, не укладывавшиеся в упрощенную схему. Видимо, привычка к добросовестному описанию время от времени давала о себе знать. Ведь физическая угроза жизни за неверную интерпретацию исторического процесса была еще впереди.

Изучение текста позволяет сделать вывод о наличии двойственности ("двоемыслия") в сознании исследователя, которое сочетает в себе стремление отразить классовый подход и идейную убежденность со стремлением к объективности. Марксистский подход, о необходимости которого постоянно говорилось Истпартом ЦК ВКП(б), на провинциальном уровне зачастую понимался исключительно как определенная идеологическая установка. Она проявлялась в местных исторических исследованиях, в том числе и в анализируемых работах, в виде терминологии и двухмерной интерпретации документов. К примеру, Ф. Головенченко в одном месте объявляет учителей и врачей "пособниками

⁵⁶ 1917 г. в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. – Ставрополь, 1927. – С. 51.

буржуазии", пишет об "угаре радости" от падения самодержавия⁵⁷. Одновременно в своей книге он приводит свидетельства о том, что свержение царя вызвало у местного населения растерянность.

Одним из основных источников работы являются воспоминания, собранные местным истпартом. Во введении к работе указывалось, что они дали возможность лучше использовать архивные материалы. Однако применялись они без должного критического анализа, без учета, что в них отражено субъективное восприятие революционных событий их авторов. Изучение текста приводит к выводу, что воспоминания употреблялись односторонне, в соответствии с идеологическими установками партии. Преимущественно они служили основой для воспроизведения хроники событий или иллюстрацией для подтверждения уже сформулированных идеологических тезисов и постулатов.

Трудности создания исторического нарратива об Октябрьской революции в регионах при осуществлении планов, подготовленных в связи празднованием первого юбилея Октября, отражает отчет Северо-Кавказского краевого истпарта о работе за 1927 г. Основные проблемы истпартов заключались в отсутствии "сколько-нибудь серьезных марксистских работ по истории и экономике края, а также по отдельным наиболее важным вопросам – национальному, аграрному, казачьему"⁵⁸. В связи с этим каждый, кто занимался изучением Октябрьской революции и Гражданской войны, был вынужден самостоятельно разрабатывать вопрос о социально-экономических предпосылках, либо брал за основу схему "Центральной России". Разработка социально-экономических проблем виделась краевому истпарту как вынужденная мера, приводившая к необходимости выходить за пределы чисто истпартовской работы⁵⁹.

Началом такой работы, в которой затронуты вопросы экономической и политической борьбы, т.е. истоки классовых противоречий, позволившие "подойти к истории Октябрьской революции в нашем крае"⁶⁰ был труд Н. Янчевского по истории революции и Гражданской войны на Северном Кавказе⁶¹. Автор среди социально-экономических предпосылок революции особо выделил национальный вопрос, который в

⁵⁷ Там же. С. 15.

⁵⁸ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.3.

⁵⁹ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.3, 4.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1927. – Т.1, 2.

регионе стоял очень "остро". Кроме того, он обратил внимание на земельные и социальные проблемы. Любопытна трактовка автором расслоения казачества, которая впоследствии не получила развития в советской литературе. Не говоря о наличии классового расслоения среди казачества, Н. Янчевский делит казаков на стариков, которых причисляет к лагерю контрреволюции, и молодых, которых относит к революционному лагерю. Он справедливо выделяет фронтовое казачество как одну из сил революции, а остальное казачество, по его мнению, чаще приходило в лагерь контрреволюции⁶². Н. Янчевский убедительно показывает, что главным противоречием был земельный вопрос. В регионе накануне и во время революции развернулась борьба за землю между казачеством и иногородними на Дону и Кубани и казачеством и горцами на Тереке⁶³. В то же время он указывал в рамках идеологических установок, что на смену национальной вражде осенью 1918 г. в регион пришла классовая борьба⁶⁴.

В целом, следует отметить, что Н. Янчевский, безусловно, являлся "певцом" новой власти, стремился следовать методологической концепции и установкам, обозначенным выше. Но наряду с этим в его текстах присутствуют представления, не ограниченные идеологической парадигмой. Например, пытаюсь понять специфику революционного процесса на Северном Кавказе, Н. Янчевский утверждал в своей работе, что в изучаемом регионе сословная борьба между иногородними и казаками заслонила классовую борьбу.

Труд Н. Янчевского был охарактеризован Истпартом ЦК ВКП(б) как "полуисследовательская" работа в достаточной степени документированная⁶⁵. В 1931 г. был издан краткий очерк, являвшийся сокращенным изложением книги, изданной в 1927 г.⁶⁶ Необходимость его публикации объяснялась недоступностью для широких масс читателей первого издания из-за его большого объема и научной формы изложения. В то же время в новое издание были внесены изменения и дополнения в соответствии с идеологической конъюнктурой по проблемам аграрного вопроса, казачества и колониальной политики. В частно-

⁶² Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1927. – Т.1. С. 173, 184.

⁶³ Там же. – С. 188.

⁶⁴ Там же. – С. 71.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.18. Л.11.

⁶⁶ Янчевский Н.Л. От победы к победе. Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1931.

сти, в публикации 1931 г. уже указывалось на наличие в регионе накануне революции 1917 г. протекавшей усиленным темпом классовой дифференциации среди казачества, крестьянства и так называемых "иностранцев" с делением всех слоев сельского населения Северного Кавказа на бедняков, середняков и кулачество⁶⁷. При этом как профессиональный исследователь, Н. Янчевский пытался обосновать данный явно идеологический тезис фактическими данными. В частности, как доказательство он приводил статистические данные, существовавшие о классовом расслоении казачества на Дону, а выводы сделал относительно всей территории Северного Кавказа.

Серия популярных брошюр к юбилею Октября была опубликована во второй половине 1920-х годов Таганрогским истпартком⁶⁸. В момент их публикации эти книжки получили позитивную оценку центра⁶⁹. Таганрогский истпарт за их выпуск был причислен к числу "активных" и "инициативных", и даже после присоединения Таганрогского истпарткома к Северо-Кавказскому краевому истпарту, выпуск брошюр осуществлялся в г. Таганроге. Обращая внимание на общедоступность брошюр и их большой тираж, который вдвое превышал тираж изданий центральных истпарткомов, центр подчеркнул как позитивный факт переиздания некоторых из них⁷⁰. К 1930 г. было выпущено 17 таких брошюр общим тиражом свыше 50 тыс. экземпляров⁷¹, что позволяет увидеть масштабы политики памяти советской власти. Не случайно в характеристике центра 1928 г. работа укрупненного Северо-Кавказского истпарткома получила положительную оценку. В частности, отмечалось, что истпартком выпускал "интересную и хорошо проработанную брошюрочную литературу". Учитывая тяжелые обстоятельства "как в отношении источников, так и в смысле издательских возможностей, истпартком дает продукцию достаточную"⁷².

⁶⁷ Там же. С. 10-11.

⁶⁸ См., например: Казнь крестьянки Ефросиньи Голда (Эпизод борьбы с белыми – революционного крестьянства Таганрогского округа в 1919 г.) /под ред. К.В. Губарева. Таганрог, 1928; Борьба с калединщиной (декабрь 1917 – январь 1918 г.): По документам белых / Истпарт Донкома ВКП(б). Донокарархбюро ДИКа. Таганрог, 1929; В дни власти Деникина (1919 год). Таганрог, 1929; Борьба с Врангелем. Сентябрьское наступление. Таганрог, 1928.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.16. Л.12.

⁷⁰ Пролетарская революция. 1928. №2. С. 198.

⁷¹ Там же. 1930. №2-3. С. 200.

⁷² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.18. Л.11.

Однако впоследствии Истпарт резко изменил свое отношение к подобным публикациям, что было связано в целом со сменой политического курса. Несмотря на то, что издание популярных брошюр отвечало поставленным в 1927 г. задачам выпуска популярной литературы, в 1930 г. уже отмечалось, что, делая ударение на издании популярных брошюр, Северо-Кавказский истпарт отступал от плана работ в ущерб основной научно-исследовательской деятельности. Признавая за подобного вида литературой большое "культурно-воспитательное значение", центр отмечал, что ее издание не является задачей истпарткомов. Выпуск ее государственным издательством, отделом народного образования или отделами культуры партийных или профессиональных организаций был более целесообразным⁷³. Замечание частного характера отражает попытку перевести работу истпарткомов на научные рельсы и определить непосредственные компетенции истпарткомов. Уже в 1928 г. в директивных письмах, предписаниях, в отзывах и рецензиях центра содержалась рекомендация местным истпарткомам перейти от издания документально непроверенных сборников воспоминаний к исследовательской работе⁷⁴.

Следуя этим руководящим указаниям, Северо-Кавказский истпарт с конца 1920-х годов приступил к перестройке содержания работы всей местной сети. Анализ плана научно-исследовательской работы краевого истпарткома этого времени позволяет выявить ключевую тематику для формирования новой модели исторической памяти. Так, в плане были выделены такие вопросы, как подготовка хроники революционных событий, история советских республик на Северном Кавказе, национальный вопрос и революционное движение горских народов. В план входили и история рабочего движения 1870 – 1880-х годов и большевистских организаций в регионе, и развитие капитализма на Северном Кавказе, и классовое расслоение казачье-крестьянского населения в XIX – начале XX вв., и судебные-политические процессы на Северном Кавказе. В центре внимания местных истпарткомов оказались колониальная политика "царизма", профсоюзы в борьбе за диктатуру пролетариата в 1917 – 1919 гг., история юношеского движения в 1920 – 1927 гг., казачья молодежь в борьбе за Советы⁷⁵. Краевой отдел предложил 17 марта 1928 г. уполномоченным областных и окружных комитетов

⁷³ Пролетарская революция. – 1930. – №2-3. – С. 200-202.

⁷⁴ Там же. – 1928. – №11-12. – С. 354.

⁷⁵ Там же. – 1929. – №11. – С. 305-306.

ВКП(б) сконцентрировать усилия на сборе, систематизации, проверке и обработке материалов по истории партии со дня ее возникновения⁷⁶. Таким образом, низовые отделы и их представители ограничивались задачей сбора материалов по истории партии. Подобные представления об истпартовской работе прозвучали и на XV съезде ВКП(б) в конце 1927 года.

Переход к ускоренной индустриализации страны потребовал жесточайшей экономии во всех отраслях. Поэтому издательская работа местных истпартов столкнулась с серьезными финансовыми сложностями. Так, единственное краевое издательство в Ростове-на-Дону "Севкавказкнига", переживая по данным на 1927 – 1928 годы финансовые затруднения, отказывалось издавать истпартовские работы без дотации⁷⁷. Трудности, возникавшие с издательской работой, были обусловлены тем, что истпарт не имел специального фонда на издательскую деятельность. Несмотря на это, краевой истпарт поставил вопрос об издании собственного специального журнала⁷⁸. Однако дальнейшая централизация управления, изменение и унификация подходов к исторической науке не позволили реализовать это намерение.

Дело в том, что начиная со второй половины 1920-х годов, Истпарт, а затем Институт В.И. Ленина и ИМЭЛ становятся орудием И.В. Сталина в утверждении нового политического курса и установлении единоличной власти вождя. Изданная региональными истпартами литература не удовлетворяла новые идеологические потребности власти и не соответствовала новым взглядам на содержание модели исторической памяти. Начавшаяся "борьба с уклонами" вызвала более пристальное внимание центра к содержанию изданий местных истпартов. Необходимо было объяснить, почему в данных публикациях отсутствуют сведения об "ошибках и уклонах" в прошлом. Истпарты превращаются из органов, которые были призваны придать власти большевиков легитимность, в один из инструментов борьбы с оппозицией за власть сталинской группировки. В отчете Центральной ревизионной комиссии на XV съезде ВКП(б) подчеркивалось отсутствие, несмотря на десятилетие Октябрьской революции, "сколько-нибудь научной, до конца доведенной истории... партии"⁷⁹. Основные претензии к изданной

⁷⁶ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.35.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.18. Л.11.

⁷⁸ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 305.

⁷⁹ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., Л., 1928. – С. 120.

истпартовской литературе по результатам юбилейных мероприятий состояли в том, что в этой печатной продукции не было изучения "уклонов", имевших место в конкретной партийной организации. Было отмечено, что до 1928 г. "получалась какая-то выхолощенная история", в которой исчезли все разногласия, ошибки, искривления линий"⁸⁰.

В отчете Отдел местных истпартов Института В.И. Ленина за 1927 – 1928 годы конкретизировал эти ошибки. Основным недостатком "литературно-исторических" работ местных истпартов было названо стремление некоторых истпартов "затушевать неправильную линию партийной организации в прошлом, принципиальные и тактические разногласия". Ввиду этого было предложено выявлять и изучать все уклоны и разногласия, подробно освещать внутрипартийную борьбу на местах. Начинаясь эпоха "борьбы с ошибками и искривлениями". Кроме того, указывалось на стремление некоторых истпартов "выпячивать роль отдельных личностей", когда социальные события служили фоном для деятельности отдельных героев⁸¹.

Дело в том, что на Северном Кавказе действительно до революции большевики не играли сколько-нибудь значительной роли в местном революционном движении. Поэтому-то авторы воспоминаний редко упоминали большевистские организации в своих работах. Именно это обстоятельство и вызывало особое негодование центра. Новые идеологи не могли смириться с тем, что в ряде вышедших истпартовских работ утверждалось, что "партии перед Февральской революцией не было, – и большевизм, как феникс из пепла, рождается внезапно после февраля"⁸².

В течение 1930 г. под эгидой Северо-Кавказского краевого истпарта вышел ряд работ⁸³. Предварительно все работы, готовившиеся к публикации, независимо от того, были они написаны сотрудниками местного истпарта или авторами, привлеченными извне, были "подвергнуты групповому чтению". Возникавшие в ходе чтения спорные вопросы обсуждались на заседании Научного общества марксистов

⁸⁰ Пролетарская революция. – 1928. – №1. – С. 193.

⁸¹ Там же. – №11-12. – С. 354.

⁸² Там же.

⁸³ Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Ростов-на-Дону, 1930; Его же. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т.1. – Ростов-на-Дону, 1930; Его же. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т.2. – Ростов-на-Дону, 1930; Янчевский Н.Л. Пятый год на Северном Кавказе. Краткий очерк. – Ростов-на-Дону, 1930.

стов⁸⁴. Главным для них были установки М.Н. Покровского, который уже стал подвергаться критике сталинского окружения и вытесняться с передовых позиций идеологического фронта.

В частности, в предисловии Северо-Кавказского краевого истпарта к книге И. Борисенко отмечалась со ссылкой на сформулированные М.Н. Покровским основные задачи и смысл исторических изысканий, необходимость "преломления" "ленинской" схемы на местах⁸⁵. Провинциальные исследователи были вынуждены балансировать между двумя крайностями. С одной стороны, они пытались преодолеть опасность простого нанизывания конкретных исторических фактов на центральную схему. С другой стороны, боялись не выполнить требования центра о связи местных фактов с общероссийской картиной⁸⁶. Поэтому, как показывают тексты истпартовских изданий, не всегда удавалось совместить особенности революционного движения в регионе с предлагаемой схемой – слишком своеобразным был революционный процесс на местах, да и картина мира жителей Северного Кавказа отличалась от представлений жителей центральной России.

И. Борисенко, сотрудник Северо-Кавказского краевого истпарта, назвал главной целью работы изображение движущих сил революции, приведших к образованию Советских республик на Северном Кавказе в 1918 г.⁸⁷ Он особо подчеркнул необходимость правильной марксистской оценки этих движущих сил. В духе советских подходов автор пытался доказать легитимность власти большевиков картиной безрадостного существования региона до революционных преобразований. Именно негативное социально-экономическое развитие Северного Кавказа предреволюционного периода должно было доказать объективность и неизбежность революционного переворота.

Однако как честный исследователь И. Борисенко в ходе повествования вынужден был говорить о малочисленности пролетариата на Северном Кавказе и, в частности, на Кубани, Терекке, Ставрополье из-за незначительности промышленной базы региона, указывал на слабость пролетарского руководства аграрно-крестьянским движением в

⁸⁴ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 304-305.

⁸⁵ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.1. – Ростов-на-Дону, 1930. – С. 5.

⁸⁶ Там же. – С. 7.

⁸⁷ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.1. Ростов-на-Дону, 1930; Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.2. – Ростов-на-Дону, 1930.

регионе. Таким образом, автор отступал от идеологической концепции, заложенной в схеме центра, которая строилась на утверждении о гегемонии пролетариата в современной революции. Имевшаяся в его распоряжении источниковая база свидетельствовала о ситуации, обратной официальной интерпретации событий. Как следствие слабого пролетарского движения в регионах автор вынужден был отмечать слабость местной большевистской партийной организации⁸⁸. Согласно его утверждениям, большевики не смогли овладеть стихийным массовым движением⁸⁹. Отмечая огромный авторитет большевистских идей и лозунгов среди масс, исследователь в то же время писал о слабом организационном охвате, отсутствии систематического партийного влияния и воздействия⁹⁰.

Не соответствующая идеологической конъюнктуре, достаточно откровенная характеристика дана И. Борисенко и состоянию Красной армии на Северном Кавказе в 1918 году. Он заявлял, что эта структура была "чрезвычайно разбухшая, не имела хорошего состава и разедалась изнутри партизанщиной", а большевистские организации Кубани и Ставрополья "не смогли обеспечить твердое пролетарское руководство и создать в армии крепкий костяк"⁹¹.

В региональных архивах сохранились отдельные выписки из работы И. Борисенко, сделанные истпартовскими сотрудниками. Речь в этих записках шла об анархии в Красной армии, о борьбе красных и белых за так называемые "пьяные экономии" – бывшие помещичьи имения, в которых было много вина, водки, спирта. Находясь в этих имениях, красные пьянствовали, кутили и день и ночь. После короткого боя экономия оказывалась в руках белых, последние также безудержно пили, после чего их выбивали оттуда красные. Такая "гармошка", по словам Борисенко, длилась неделями и месяцами⁹². Такие данные были явно не в пользу создаваемого властью позитивного образа большевистской партии в исторической памяти и не вмещались в рамки официальной интерпретации недавнего прошлого. Тем самым проблема борьбы во время Гражданской войны между двумя лагерями противников

⁸⁸ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.2. – Ростов-на-Дону, 1930. – С. 129.

⁸⁹ Там же. – С. 133.

⁹⁰ Там же. – С. 134.

⁹¹ Там же. – С. 149.

⁹² ГАНИСК. Ф.50. Оп.3. Д.2. Л.115.

представала не столь героической и не соответствовала внедряемой в историческое сознание модели революционной истории.

Фактически И. Борисенко повторял выводы, сделанные в изданной в 1923 г. в Краснодаре книге Г. Ладохи⁹³. Последняя была написана на основе материалов Кубано-Черноморского истпарта, но опубликована не под маркой истпарта⁹⁴. Г. Ладоха отмечал незначительное классовое расслоение внутри местного казачества, его сравнительную однородность и зажиточность ввиду своеобразных хозяйственных условий на Кубани. По его мнению, процесс образования казачьей бедноты, то есть "пролетаризация казачества", был незначительным⁹⁵. При этом автор отмечал наличие антагонизма между казачьим и иногородним населением⁹⁶.

Пытаясь понять причину поражения Красной армии в 1918-1919 годы на Северном Кавказе, Г. Ладоха также отмечал слабость пролетариата Кубани, не сумевшего использовать "прекрасный революционный материал, каким являлось иногороднее население" и организовать его для борьбы за Советскую власть. Автор не стеснялся и не боялся показать ошибки Советской власти на Кубани. Среди них он называл партизанщину и сепаратизм, а также то обстоятельство, что "с самого начала не было обращено достаточного внимания на создание правильной армии, на дисциплинирование ее рядов, начиная с командного состава и кончая рядовыми красноармейцами"⁹⁷. Следовательно, вплоть до начала 1930-х годов, несмотря на идеологическую конъюнктуру, в истпартовских изданиях можно встретить отражение некоторых реалий северокавказской истории накануне и после Октября. Позже эта объективность окончательно уходит из революционно-исторической тематики в угоду официальной идеологии. Это происходило постепенно, но сдвиги в сторону идеологических текстов можно наблюдать уже в конце 1920-х годов. Например, тот же И. Борисенко попытался отмежеваться от выводов Г. Ладохи. Так, причиной гибели советской власти в начале Гражданской войны И. Борисенко называл не слабость пролетарского движения или отсутствие авторитета большевиков и Красной армии среди местного населения. Главным он счи-

⁹³ Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. – Краснодар, 1923.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.192. Л.9.

⁹⁵ Ладоха Г. Указ соч. – С. 15-16.

⁹⁶ Там же. – С. 25.

⁹⁷ Там же. – С. 121-122.

тал, что революции здесь "пришлось иметь дело не только и не столько с местной, сколько с силами внешней контрреволюции"⁹⁸.

Руководители Северо-Кавказского истпарта осознавали, что многие высказанные в работе И. Борисенко соображения не соответствовали транслируемой в историческое сознание модели исторической памяти. Поэтому в предисловии были перечислены недостатки работы. Среди них отмечались неполнота освещения и разбора внутривнутрипартийной деятельности большевистских организации, что объяснялось недостатком источниковой базы из-за гибели архивных материалов по партийной истории и необходимостью дополнительных изысканий по розыску и сбору партийных документов. Вторым недостатком работы была названа слабость разработки проблемы истории развития и детального освещения роли Северо-Кавказского пролетариата в революции⁹⁹. Этот недостаток объяснялся тем, как говорилось на I Всероссийской конференции историков-марксистов, что "наши молодые, только начинающие марксисты-исследователи еще недостаточно овладели техникой исторического исследования"¹⁰⁰. Тем не менее, отсутствие столь обобщающих научных работ заставило краевой истпарт допустить труд И. Борисенко к печати. Более того, он получил гриф учебного пособия "для учащих и учащихся вузов, техникумов и школ повышенного типа Края"¹⁰¹.

Взаимодействие центра с местными истпартами по вопросам публикации отдельных работ показывает специфику создания и публикации текстов в условиях относительного плюрализма 1920-х годов. Не типичной является и ситуация, возникшая с проблемой издания другой работы И. Борисенко "Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году"¹⁰². Предварительно рукопись рецензировалась не только Истпартом, но и ОГПУ. Отзывы были получены из агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), Издательской комиссии, краевого комитета партии, от профессора Вишневецкого. Дискуссионность избранной тематики вызвала необходимость обоснования причин написания данной работы. И. Борисенко в письме Истпарту считал, что эта проблема важна в силу того, что среди "красных парти-

⁹⁸ Борисенко И.П. Указ соч. Т. II. – С. 225-226.

⁹⁹ Там же. Т. I. – С. 18.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Борисенко И.П. Указ соч. Т. I, II. С.1.

¹⁰² Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1991. – 112 с.

зан" распространялись неверные представления о ходе Гражданской войны на Северном Кавказе. Среди таких представлений он называл "повышенные настроения партизан 1918 г. порожденные тяжелой зимой в крае", "имели место и провокационные разговорчики, что революцию на снижение "начали вести" еще с 18 г. уничтожая лучших местных командиров – Сорокина, Кочубея, Никитенко" ¹⁰³.

Вот почему Северо-Кавказский краевой истпарт, поддержанный крайкомом ВКП(б), дал согласие на публикацию, в которой необходимо было изложить сущность работ командиров-авантюристов. И. Борисенко мотивировал актуальность избранной тематики тем, что и в рядах Красной, и в рядах Белой армий присутствовал авантюризм, но стремления авантюристов не совпадали "с линиями массовых движений". В то же время в отзыве Истпарта отмечалось, что работа была написана "в фельетонском" стиле и по существу пересказывала события иногда в анекдотической форме, "не давая марксистского анализа причин, вызвавших события". Говорилось и о фактических неточностях, и о плохой литературной форме рукописи. В итоге отмечалось, что работа "производит впечатление несерьезной, исторической ценности не имеет". Северо-Кавказскому истпарту рекомендовалось "воздержаться от напечатания рукописи ... в ее настоящем виде" ¹⁰⁴.

Несмотря на негативный отзыв Истпарта, книга И. Борисенко, была издана. Правда, между перепиской летом 1928 г. Истпарта с краевым отделом истпарта по вопросам публикации данной работы и принятием постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в феврале 1930 г., разрешавшим ее издание прошло фактически полтора года ¹⁰⁵, и работа И. Борисенко была опубликована не под маркой истпарта, так как, согласно отчету Северо-Кавказского истпарта, он "это произведение считал не совсем доработанным" ¹⁰⁶. Спор между центром и краем продолжался и после выхода книжки в свет. В опубликованной рецензии Института В.И. Ленина на работу И. Борисенко, было сказано, что книжку "в таком виде лучше было бы не издавать" ¹⁰⁷. Столичных сотрудников не устроило зачисление в число авантюристов наряду с Голубовым, Сорокиным, Никитенко, Голубом, Золотаревым, Нижевясовым,

¹⁰³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.301. Л.32.

¹⁰⁴ Там же. Л.25.

¹⁰⁵ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.1037. Л.4об.

¹⁰⁶ Пролетарская революция. – 1931. – №1. – С. 196.

¹⁰⁷ Там же. – 1930. – №6. – С. 168.

Дышнинским и Узум Хаджи Коппе, Автономова и Кочубея. Сомнению было подвергнуто и утверждение И. Борисенко о том, что в начале осени 1918 г. "значительная часть средняцких слоев... отошла от советской власти и стала на сторону контрреволюции" ¹⁰⁸. По соображениям Истпарта, не стоило "тратить бумагу" на показ белого шпиона Коппе или расписывания пьяных походов бандита Золотарева. В крайнем случае, допускалось возможным ограничиться показом авантюризма Голубова и Сорокина. Указывалось на необходимость больше уделить место работе партийной организации и советов в Пятигорске, борьбе большевиков с сорокинщиной ¹⁰⁹.

В 1920-е годы перед истпартами стояла амбициозная задача создание "другой" научной истории новейшего времени, что прослеживается в рекомендательных письмах и инструктивной документации центрального Истпарта, подготовленных для регионов. Истпартами Северного Кавказа был создан историко-революционных нарратив как основа конструирования новой модели исторической памяти. Этот нарратив не отличался наличием целостной непротиворечивой концепции. Отсутствие материальных и кадровых возможностей не позволили местным истпартам, в частности отделам истпарта Северного Кавказа, подготовить основательные очерки революционной и партийной истории регионов. Здесь были изданы в основном разрозненные сборники воспоминаний и документов в связи с юбилеями двух русских революций в 1905 и 1917 годов, которые в основном не были одобрены центром. Те же немногие обобщающие научные публикации по отдельным вопросам революционно-исторической тематики, как показал анализ их текстов, создавались по предложенной М.Н. Покровским схеме якобы ленинской концепции.

Однако фактический материал по местной истории не всегда укладывался в русло создаваемой официальной модели исторической памяти. Поэтому порой в этих работах содержались положения, не отвечавшие формирующейся идеологической концепции истории Октябрьской революции и Гражданской войны, т.к. формирование официальных представлений об историческом процессе еще не было завершено, эра методологического плюрализма до конца не закончилась. Вместе с тем, в конце изучаемого периода проявилось стремле-

¹⁰⁸ Там же. – С. 167-168.

¹⁰⁹ Там же.

ние власти связать историю с политической конъюнктурой, что еще слабо отражалось в местных изданиях.

3.2. ИСПАРТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОЗДАНИЕ СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В 1930-е ГОДЫ

Изучение идеологических решений партийного руководства и документов Института В.И. Ленина конца 1920-х годов позволяет говорить о том, что в это время формируется новый политический курс, который предопределил существенные изменения в научно-исследовательской и издательской работе истпартов в 1930-е годы. Одним из факторов этих перемен являлось, по мнению современных историков, отражение культа И.В. Сталина в историко-революционной и историко-партийной литературе. Рубежным моментом этого процесса стало празднование пятидесятилетия вождя и выход целой серии юбилейных материалов, опубликованных в декабре 1929 года¹¹⁰.

Центральной публикацией в формировании новой модели исторической памяти стала статья К.Е. Ворошилова "Сталин и Красная армия", впервые опубликованная в газете "Правда" в 1929 г. и переизданная в 1939 г. отдельной брошюрой¹¹¹. В ней был впервые нарисован образ И.В. Сталина как руководителя Гражданской войны. При этом отсутствие в военно-исторических работах о периоде 1918-1921 годов информации о деятельности И.В. Сталина автор объяснял тем, что в течение 1920-х годов И.В. Сталин находился в "фокусе развертывающейся и клокочущей борьбы", которая заслонила его значение как "одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны"¹¹². По версии К.Е. Ворошилова, И.В. Сталин находился в период 1918-1920-х годов на наиболее "опасных" участках Гражданской войны и из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию на юге России он превратился в фактического руководителя всех красных сил царицынского фронта, что получило, якобы, оформление в Москве.

¹¹⁰ См.: Денисов В.В. И.В. Сталин: объект и субъект историографии 30-х годов (взгляд на проблему из перестроечных времен). Новороссийск, 2002. С. 5.; Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. – 1988. – №5. – С. 60.

¹¹¹ Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия. – М., 1939.

¹¹² Там же. – С. 5.

Положение Царицына, заявлял автор статьи, имело громадное значение в 1918 г.¹¹³

Также К.Е. Ворошилов сформулировал тезис о величайшей роли И.В. Сталина в проведении мероприятий по поднятию боеспособности III армии в январе 1919 г. при выполнении поставленной перед ним и Ф.Э. Дзержинским задачи расследования причины сдачи Перми и поражений на Уральском фронте¹¹⁴. К заслугам И.В. Сталина была причислена также инициатива создания Конной армии как беспрецедентного опыта сведения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение как армия, созданная даже вопреки желанию центра, и занявшая ведущее место в военных событиях¹¹⁵. Тем самым, И.В. Сталин был наделен качествами стратега и тактика, которые якобы проявились в ходе Гражданской войны. Очевидно, что эта статья К.Е. Ворошилова стала, как заметил В.Н. Данилов, образцом для создания трудов по истории Гражданской войны. Теперь в них акцент делался на тех событиях войны, которые были связаны со Сталиным, и преувеличением роли отдельных соединений красных, в частности – X Армии, I Конной Армии¹¹⁶.

Подобные подходы нашли отражения и в изданиях истпартов Северного Кавказа с середины 1930-х годов. Однако ключевым обстоятельством, качественно повлиявшим на советскую историческую науку, стало появление в конце октября 1931 г. в печати письма И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма"¹¹⁷. Именно эта работа И.В. Сталина стала базой для формирования новой модели исторической памяти и внедрения ее в массовое сознание. В письме давалась жесткая критика статьи историка А. Слуцкого "Большевики в германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса", опубликованной немного раньше в этом же журнале. А. Слуцкий здесь выдвинул тезис о недооценке В.И. Лениным до Первой мировой войны центристской опасности в германской социал-демократической партии.

¹¹³ Там же. – С. 6-9.

¹¹⁴ Там же. – С. 15-17.

¹¹⁵ Там же. – С. 25.

¹¹⁶ Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества: курс лекций. – Саратов, 2005. – С. 87.

¹¹⁷ Пролетарская революция. 1931. №6. С. 3-12; Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Сталин И.В. Сочинения. – Т.13. – М., 1951. – С. 84-102.

И.В. Сталин использовал критику статьи А. Слущкого для того, чтобы окончательно утвердить незыблемость идеологических догм в истории. И.В. Сталин категорично заявил о недопустимости научных дискуссий по вопросам, названным им "аксиомами большевизма". Существенным фактором, влиявшим на методы рождавшейся советской исторической науки, стало неуважительное отношение вождя к "бумажным документам" как историческим источникам. Он грубо назвал "архивными крысами" профессиональных историков, добросовестно изучавших исторические источники, и хранителей этих источников. Таким образом, И.В. Сталин отдавал приоритет идеологической чистоте текстов перед научностью в поисках исторической истины, которая без глубоко и тщательного изучения комплекса различных источников, недоступна исследователю. Вождь призывал дать решительный отпор попыткам "некоторых "литераторов" и "историков" протаскать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам". В тексте статьи содержались прямые указания на необходимость осуществления действий по выявлению "троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, срывая с них маски" ¹¹⁸.

Последующая интеллектуальная история советского общества свидетельствует, что содержание и значение письма И.В. Сталина было шире критики конкретной статьи. Он через этот текст ввел в практику организации исторической науки административные методы руководства делами "историко-партийной науки". Было завершено создание единого взаимодействия исторической науки, политики и идеологии на основе ультимативных директивных указаний и требований. Письмо И.В. Сталина было воспринято советскими идеологами как безоговорочная директива. Было развернуто широкое обсуждение положений И.В. Сталина об исторической науке, в ходе которого выявлялись "троцкистские контрабандисты" и разоблачались "фальсификаторы" истории партии. Как отмечают исследователи, это письмо "жестким катком прошлось по многим провинциальным историкам, везде стали выискивать "троцкистских контрабандистов" и громить их" ¹¹⁹.

Безусловно, обозначенные тенденции непосредственным образом отразились на работе местных истпартаов, как одного из инструментов

¹¹⁸ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Сталин И.В. Сочинения. Т.13. – М., 1951. – С. 84-102.

¹¹⁹ См.: Данилов В.Н. Указ соч. С. 92; Денисов В.В. Указ соч. С. 5; Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Указ соч. С. 61; Мосолов В.Г. Указ соч. С. 208; Литвин А. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань, 1994. С. 10, 19.

реализации политики памяти. После письма И.В. Сталина областные и краевые комитеты ВКП(б) в срочном порядке пересмотрели издания региональных истпартаов. Как отмечалось позднее в проекте ИМЭЛ о ликвидации местных истпартаов, в ходе этой идеологической "ревизии" были обнаружены ряд "грубейших политических извращений" не только в опубликованных работах, но и в собранных истпартаом воспоминаниях и еще не изданных рукописях ¹²⁰. Происходило также изъятие как "политически вредной" ранее изданной литературы истпартаов ¹²¹. Многочисленные собрания и совещания, проходившие по всей стране, на которых обсуждались результаты "проработки" письма И.В. Сталина, создавали в совокупности с другими факторами атмосферу страха, которая была основой для тотального контроля над сознанием членов советского общества. В ходе этих обсуждений осуществлялась также функция трансляции определенных идеологием и принципов взаимоотношения власти и исторической науки не только в массовое сознание, но и в сферу профессиональной историографии.

Примером такого обсуждения стало объединенное партийное собрание Института марксизма-ленинизма и Института по подготовке кадров, Горского научно-исследовательского института и фракции общества историков-марксистов 28 ноября 1931 г. в г. Ростове-на-Дону. На собрании был заслушан доклад Лесника о положении и задачах на историческом фронте в связи с письмом И.В. Сталина ¹²². Основной поток критики пришелся на рассматриваемые выше книги Н. Янчевского и И. Борисенко, выпущенные Северо-Кавказским краевым истпартаом. Наличие ошибок было обнаружено и в работах Н. Лихницкого. Во-первых, Н. Янчевский обвинялся в меньшевистской, троцкистской трактовке характера и движущих сил революции 1905 года. Во-вторых, и Н. Янчевскому, и И. Борисенко было предъявлено обвинение в антиленинской трактовке национального вопроса, т.к. авторы ставили этот вопрос на Северном Кавказе выше классовой борьбы. Все трое авторов подверглись критике за правооппортунистическую теорию революционности кулачества, за игнорирование классовой дифференциации в северокавказской деревне в период Гражданской войны, за характеристику "двуликости" Октября. И. Борисенко инкриминирова-

¹²⁰ РГАСПИ. Ф.71. Оп.1. Д.232. Л.22.

¹²¹ Там же. Д.196. Л.50.

¹²² За большевистскую партийность в исторической науке // Молот. – 3 декабря 1931 г. – №3132. – С. 2.

лось также смазывание роли партии и пролетариата в Октябрьской революции¹²³.

Наступала пора публичного самобичевания местных руководителей и активистов. Так, заведующий краевым истпартом А. Лиманский признал на этом собрании, что он не проявил достаточной бдительности при выпуске литературы истпарта. Н. Лихницкий, под редакцией которого вышла работа И. Борисенко "Советские республики на Северном Кавказе", написал "покаянное" заявление. Он признавал, что в книге много сделанных "грубейших троцкистских и право-оппортунистических" ошибок, "идущих по линии смазывания и принижения руководящей роли пролетариата и его большевистской партии, игнорирования классового расслоения казачества, преувеличение национальных противоречий и отрыв их от классовых"¹²⁴.

Такие "заявления" стали в 1930-е годы обыденным явлением. Однако, как свидетельствуют факты, они не спасли их авторов от расправы. В декабре 1931 г. Северо-Кавказским краевым комитетом ВКП(б) было принято постановление о ходе проработки письма И.В. Сталина, в котором говорилось о наличии троцкистских установок в работах Н. Янчевского. Труды же И. Борисенко были охарактеризованы как пример "научной халтуры"¹²⁵. Эти историки были вскоре репрессированы. Н. Янчевский на короткий срок в 1932-1933 гг. был исключен из партии и соответственно отстранен от работы в истпарте. После восстановления в партии ему не удалось получить разрешение работать в истпарте, и он стал корреспондентом в газетах "Молот" и "Колхозная правда". Однако в разгар большого террора историк был арестован и расстрелян по обвинению "в подготовке террористической организации убийства деятелей Советского государства" 7 августа 1937 г.¹²⁶ Согласно информации А.А. Зайцева, И. Борисенко в 1934 г. был осужден за "антисоветскую деятельность"¹²⁷.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ГАНИСК. Ф.50. Оп.3. Д.2. Л.110-113.

¹²⁵ Буркин Н. Антленинские извращения в литературе по истории Октябрьской революции и гражданской войны у горских народов // Историк-марксист. – 1934. – №2. – С. 89-90.

¹²⁶ Мининков Н. А. Н. Л. Янчевский – историк казачества и гражданской войны на юге России // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. Сер.: общественные науки. – 2007. – № 1. – С. 48.

¹²⁷ Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях гражданской войны 1917-1922 гг. (на материалах Дона и Кубано-Черноморья): дис. ... доктора ист. наук. – М., 2009. – С. 12.

В январе 1932 г. состоялась I краевая конференция Северо-Кавказского филиала Всероссийского общества старых большевиков. Следуя установкам И.В. Сталина, в качестве одной из основных задач Общества была названа необходимость "введения" чистоты в партийную историю, при изучении которой надо было "вскрывать и отсекаать все неправильности, всякое проникновение чуждых партийной истории взглядов"¹²⁸. В связи с этим участники конференции обратили пристальное внимание к работе краевого истпарта. Это внимание сводилось к тотальной критике всей его предыдущей научно-исследовательской и издательской работы в регионе.

В частности, отмечалось, что Северо-Кавказский истпарт искажал историю революционного движения, в которой вместо показа влияния фракции большевиков РСДРП на революционный процесс выпячивалась роль эсеров и меньшевиков¹²⁹. По мнению участников конференции, истпарт не занимался историей партии, а вместо этого разрабатывал вопросы завоевания Московским государством Северного Кавказа, оккупации немцами региона, проведения на Северном Кавказе столыпинской реформы¹³⁰. Эти обвинения относились, в первую очередь, к научной деятельности Н. Янчевского. Однако, как замечает современный историк Гражданской войны Н. Мининков, именно изучение истории Гражданской войны заставило Н. Янчевского заняться историей казачества, его генезисом и ранними периодами его истории, что, по мнению самого автора, способствовало пониманию места и роли казачества в Гражданской войне начала XX века¹³¹.

На примере разгрома северокавказских историков очевидно, что критический огонь велся не только по истпартам, но, прежде всего, по конкретным личностям. Например, раскритикованная на конференции работа Н. Янчевского по проблемам колониальной политики Московского государства на Дону была издана не под маркой истпарта¹³². Об изменении содержания научно-исследовательской деятельности местных истпартов свидетельствует и позиция Азово-Черноморского краевого отделения старых большевиков. На заседании бюро этого

¹²⁸ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.8. Л.3.

¹²⁹ Там же. Л.36об.

¹³⁰ Там же. Л.60.

¹³¹ Мининков Н. А. Н. Л. Янчевский – историк казачества и гражданской войны на юге России // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. Сер.: общественные науки. – 2007. – № 1. – С. 48.

¹³² Пролетарская революция. – 1931. – №1. – С. 196.

отделения общества в июне 1934 г. был поддержан план работы нового заведующего краевого истпарта М. Корчина по написанию истории Азово-Черноморской партийной организации и революционного движения. Главным достоинством этого проекта был факт того, что историю собирались писать "с точки зрения марксистско-ленинского и сталинского анализа истории большевистского подполья"¹³³.

В 1930-е годы истпартами на Северном Кавказе было издано ряд работ, большинство из которых должны были "исправлять ошибки" сделанные ранее в истпартовских публикациях. Именно эти новые книги претендовали на конструирование "правильной" истории революционных событий и истории партии для реализации политики памяти. Анализ этих публикаций позволяет увидеть механизм создания текстов в соответствии с новыми идеологическими запросами власти.

Первой попыткой осветить историю Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе с позиций, отвечавших идеологической конъюнктуре 1930-х годов, был краткий очерк Н.Г. Буркина, выпущенный отделом истпарта Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)¹³⁴. Поскольку речь в книге шла о горских районах, автор вынужден был обратиться к дореволюционной истории народов Северного Кавказа. Это позволяло истпартам показать наличие местных предпосылок Октябрьской революции, а также закономерности прихода большевистской власти. Так же, как и в работах 1920-х годов, Н.Г. Буркин указывал на наличие национально-колониального гнета. Одновременно, в отличие от исследователей 1920-х гг., он выделял наличие классового расслоения и классовой борьбы в среде самого горского общества, когда "трудящиеся горцы" эксплуатировались "туземной" знатью¹³⁵.

Н.Г. Буркин, кроме того, издал историографическую статью о работах по истории Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе¹³⁶. Следуя складывающейся традиции 1930-х годов, автор заострил внимание читателя на политических ошибках в этих работах. Главными он назвал проблемы взаимоотношения классов и

¹³³ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.28. Л.46.

¹³⁴ Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1933.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Буркин Н. Антиленинские извращения в литературе по истории Октябрьской революции и гражданской войны у горских народов // Историк-марксист. – 1934. – №2. – С. 89-98.

характеристику движущих сил революции. Нетрудно догадаться, что главными объектами его критики были сотрудники истпарта Н. Янчевский и И. Борисенко. Он также остановился на разоблачении "троцкистских, правооппортунистических и великодержавно-шовинистических положений" в книге Я.Н. Раенко-Туранского. Правда, жизнь полна непредвиденных поворотов, и сотрудник истпарта Я.Н. Раенко, несмотря на обвинения, продолжал работать в местном истпарте, а позднее – в партийном архиве. Наряду с работами региональных истпартовцев, Н.Г. Буркин подверг разгрому и другие, не истпартовские публикации по историко-революционной проблематике А. Авторханова, Н. Самурского, Х. Ошаева, А. Тахо-Годи¹³⁷.

В эти годы в планах местных истпартовских изданий появился новый вид публикаций. Это сборники высказываний признанных "классиков марксизма-ленинизма". Такие книги должны были утверждать новый тип исторического мышления. Так, в качестве "крупнейшего вклада" в изучение и разработку истории Азово-Черноморского края была названа публикация местным истпартом сборника высказываний В.И. Ленина о Северном Кавказе и партийных организациях Дона, Кубани и Терека¹³⁸. Для его составления были просмотрены все изданные на тот момент тома сочинений В.И. Ленина и ленинские сборники¹³⁹. По сути, сборник представляет собой отрывки из разных "текстов" В.И. Ленина без учета их исторического контекста. Именно такой подход стал определяющим в целом для использования работ классиков марксизма-ленинизма в местной историографии.

Методологию использования истпартами трудов классиков марксизма-ленинизма можно проследить по рецензии ИМЭЛ на рукопись этого сборника. В ней указывалось на необходимость редакционного изменения первой фразы истпартовского предисловия к сборнику. На взгляд рецензентов фраза предисловия: "Большевистского освещения исторических событий не может быть без использования классиков марксизма-ленинизма Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина"

¹³⁷ См.: Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни: (к десятилетию Советской Чечни). – Грозный, 1930; Ошаев Х. Краткий очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1927; Самурский Н. Гражданская война в Дагестане. – Махачкала, 1925; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927.

¹³⁸ В.И. Ленин о Северном Кавказе и партийных организациях Дона, Кубани и Терека: Сборник / Сост. Н. Буркин. – Ростов-на-Дону, 1934.

¹³⁹ Там же. С.13.

недостаточно правильна с точки зрения методологии. Надо было говорить о том, что работы классиков марксизма-ленинизма должны не просто использоваться, но быть основой исторических сочинений: "не основываясь на сочинениях (или высказываниях) классиков марксизма-ленинизма – Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, невозможно дать большевистского освещения исторических событий"¹⁴⁰. В конечном опубликованном варианте истпартовского предисловия к сборнику было обозначено, что "без учета высказываний, имеющих в работах Ленина и Сталина по отношению к отдельным местным партийным организациям", невозможно проведение действительно научной разработки их истории¹⁴¹.

Важным методологическим замечанием было пожелание не издавать сборников, посвященных отдельно высказываниям В.И. Ленина и работам И.В. Сталина, т.к. местным истпартом готовилось еще одно издание высказываний, но теперь И.В. Сталина. Следовало выпустить книгу, объединяющую высказывания В.И. Ленина и И.В. Сталина¹⁴². Тем самым подчеркивалось органическое единство двух вождей и целостность их позиции. Так теоретический тезис о легитимности власти и политики Сталина именем Ленина осуществлялся в партийной практике через издательскую деятельность истпартов. Пожелание было учтено, и после выхода в 1934 г. самостоятельного сборника высказываний В.И. Ленина через пять лет в 1939 г. появился на свет сборник высказываний В.И. Ленина и И.В. Сталина о Северном Кавказе¹⁴³.

Публикации истпартов 1930-х годов структурировались по принципу противопоставления ошибочным работам репрессированных исследователей 1920-х годов. Таким изданием, например, стал сборник статей Азово-Черноморского истпарта, целью которого был показ истории, как ВКП(б) под руководством Ленина и Сталина вела пролетариат и беднейшее крестьянство на борьбу за диктатуру пролетариата"¹⁴⁴. Текст сборника концентрировался вокруг опровержения утверждений И. Борисенко и Н. Янчевского. В частности, авторы нового сборника в противовес картине, когда сословная борьба между иногородними и

казаками заслоняла классовую борьбу, стремились декларативно изложить социально-экономические предпосылки Октябрьской революции в регионе. Говорилось о двух видах классовых противоречий на Северном Кавказе. Это, во-первых, противоречия между низами казачества, представлявшими собой несколько видоизмененный класс крестьянства и в силу этого их совместного выступления с основными массами иногороднего крестьянства, и верхами казачества¹⁴⁵. Во-вторых, речь в сборнике шла о противоречиях "между батраками и беднотой внутри казачества и иногородних, с одной стороны, и обуржуазившимися казаками и кулацкими элементами среди иногородних – с другой"¹⁴⁶. Научный анализ источников и освещение сложности и неоднозначности исторического процесса в регионе, таким образом, подменялись простыми, но "правильными" идеологическими утверждениями. В угоду этим формулам реальная картина жизни прошлого подменялась модернизированными терминами из современного идеологического словаря.

В анализируемом сборнике сомнению подвергались данные опубликованных в 1920-е годы документов периода революций и Гражданской войны. Так, по мнению авторов сборника, не отвечала новым "требованиям" характеристика Гражданской войны, сделанная одним из организаторов Советской власти на Дону С. Васильченко в докладе председателю ВЦИК Свердлову от 28 сентября 1918 г. о деятельности Донского Советского Правительства. Этот источник был напечатан в начале 1920-х годов в сборнике Донского истпарта. С. Васильченко в 1918 г. писал, что Гражданская война в Донской области "носит не столько характер непосредственной классовой борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами"¹⁴⁷.

В ряде случаев составители сборника по моде того времени обвиняли своих предшественников в прямой клевете. Именно так было охарактеризовано справедливое утверждение И. Борисенко о том, что большевики с мая и, особенно, в июне 1917 г. "начали как бы выходить на свет божий и оформляться в единственную политическую организацию, отстаивающую самостоятельные классовые интересы пролетариата"¹⁴⁸. В противовес И. Борисенко авторы заявляли, что "в

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.1028. Л.4.

¹⁴¹ В.И. Ленин о Северном Кавказе и партийных организациях Дона, Кубани и Терека: сборник / сост. Н. Буркин. – Ростов-на-Дону, 1934. – С. 5.

¹⁴² РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.1028. Л.2.

¹⁴³ Ленин В. И. и Сталин И. В. О классовой борьбе на Дону и Кубани в период 1917 – 1920 годов (Сборник) / сост. Раенко Я.Н. – Ростов-на-Дону, 1939.

¹⁴⁴ Октябрь на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону 1934.

¹⁴⁵ Бойков С. Социально-экономические предпосылки революции // Октябрь на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1934. – С. 14.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Пролетарская революция на Дону. Сб.1. – Ростов-на-Дону, 1922. – С. 70.

¹⁴⁸ Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918г. Т.1. – Ростов-на-Дону, 1930. – С. 36.

первом составе Ростовского совета рабочих депутатов была больше двух десятков большевиков и в первом исполкоме совета три большевика", еще до 1 мая большевики создали свой орган печати – "Наше знамя" ¹⁴⁹.

Не могли оставить равнодушными новых исследователей и слова Н. Янчевского о том, что в феврале 1917 г. на Северном Кавказе "революции" в собственном смысле слова не было, так как "высшие чины администрации сами устранились с политической арены", т.к. власть, которой они служили, рухнула. Надо заметить, что выводы Н. Янчевского опровергались не конструированием событий на основе фактического материала, а голыми обвинениями его в абсолютном непонимании ленинизма. Единственным аргументом авторов сборника были слова В.И. Ленина об основном принципе революции, состоявшем в переходе государственной власти из рук одного в руки другого класса. Особенно подчеркивалось, что ход событий от Февраля к Октябрю на Дону и Кубани совпадал с ходом революции в этот период по всей остальной России ¹⁵⁰.

Работа П. Семернина под эгидой Азово-Черноморского истпарта также была призвана исправлять допущенные в контексте письма И.В. Сталина ошибки ¹⁵¹. Ее издание было запланировано на 1934 г., но книга вышла только в 1935 году из-за того, что она два раза возвращалась автору для доработки. Кроме того, П. Семернин не был постоянным сотрудником истпарта и работал в истпарте по совместительству ¹⁵². П. Семернин обозначил основные вопросы революции, вокруг которых концентрировалось авторское изложение и которые должны были способствовать разоблачению "меньшевистско-троцкистских взглядов". Речь в работе шла о характере и движущих силах революции 1905 г., о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о роли большевиков на Северном Кавказе и в Азово-Черноморье ¹⁵³.

¹⁴⁹ Бойков С. От Февраля к Октябрю // Октябрь на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1934. – С. 58.

¹⁵⁰ Там же. – С. 68.

¹⁵¹ Семернин П. Рабочий класс в революции 1905-1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. – Ростов-на-Дону, 1935.

¹⁵² РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.102.

¹⁵³ Семернин П. Указ соч. – С. 6.

Главными объектами критики П. Семернина стали публикации Г. Мартиросиана, С. Гурвича, Н. Янчевского, В. Толмачева ¹⁵⁴. Например, упрекая Г. Мартиросиана в игнорировании руководящей роли пролетариата в революции 1905 г. на Тереке, П. Семернин доказывал, что "вся история революции 1905 г. показывает, что и на Тереке главной силой и вождем революции являлся рабочий класс" ¹⁵⁵. Критик даже Н. Янчевского обвинил в недооценки роли местного пролетариата, в том, что приводимые им данные "по существу отрицают за рабочим классом роль вождя революции" ¹⁵⁶, хотя последний утверждал в своей книге, что гегемоном в революции 1905 г. являлся рабочий класс.

Г. Мартиросиан был обвинен в неверной характеристике роли политических партий в регионе, т.к. он слишком общо говорил о наличии на Тереке социал-демократических и эсеровских организаций, не раскрывая различные политические оттенки и группировки. Сведения участников событий 1905 г. в регионе были объявлены "клеветническими измышлениями", т.к. в них было показано отсутствие в терской социал-демократической организации в 1905 г. споров между фракциями. В противоположность этому П. Семернин голословно говорил о наличии в организации ожесточенной борьбы между большевиками и меньшевиками ¹⁵⁷ и безапелляционно утверждал, что борьбу пролетариата в революции 1905 г. возглавляла партия большевиков ¹⁵⁸.

Высказанное В. Толмачевым в 1925 г. мнение, что большевизм сложился только в первую революцию, было охарактеризовано как антиленинское, а аргументом опять стали не факты, а слова В.И. Ленина о том, что "большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года" ¹⁵⁹. П. Семернин призвал "покончить раз и навсегда" с господствовавшей в изданном ранее истпартовском сборнике точкой зрения, что в Азово-Черноморском и Северо-Кав-

¹⁵⁴ Мартиросиан Г. К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке. Б.м., 1926; Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 г. – Владикавказ, 1929; Гурвич С. 1905 г. в Ростове-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 1925; Янчевский Н.Л. Новороссийская и Сочинская республики. – Ростов-на-Дону, 1926; Янчевский Н.Л. Пятый год на Северном Кавказе. Краткий очерк. – Ростов-на-Дону, 1930.; Толмачев В. Ростовский рабочий в революции 1905 г. – Ростов-на-Дону, 1925.

¹⁵⁵ Семернин П. Указ. соч. – С. 7-9.

¹⁵⁶ Там же. – С. 13-14.

¹⁵⁷ Там же. – С. 10.

¹⁵⁸ Там же. – С. 14.

¹⁵⁹ Там же. – С. 12.

казском краях в революции 1905 г. не было "крепкого большевистского ядра и руководство движением было в руках меньшевиков" ¹⁶⁰.

Автор пытался изобразить предательство революционных задач меньшевиками и эсерами на всех этапах революции. Существенной критике была подвергнута публикация С. Гурвича, занимавшего меньшевистские позиции и подвергнутая разгрому еще в 1926 г. в рецензии Истпарта ¹⁶¹. Следует подчеркнуть, что даже эта верноподданническая работа, несмотря на то, что в рецензии ИМЭЛ, написанной К. Сидоровым в июне 1936 г., получила положительную оценку ¹⁶², в условиях ужесточения сталинского политического режима не была разрешена к переизданию, "как работа невыдержанная, прикрашивающая работу примиренческих, болотных групп и лиц" ¹⁶³.

Данные доказывают, что в условиях 1930-х годов, когда складывается сталинская модель исторической памяти, наибольшую актуальность приобретала задача формирования массового сознания по меркам этой модели. Как уже было показано выше, в центре этой модели к середине 1930-х годов окончательно стали события Октября 1917 г. в сталинской интерпретации. История партии из центрального образа стала частью революции и социалистического (государственного) строительства. Советское государство во главе с партией под руководством мудрого вождя Сталина семимильными шагами идет к социализму – вот формула официальной советской идеологии. Исторической основой этого магистрального направления была победа Октябрьской революции во главе с Лениным и Сталиным под руководством большевиков во главе с Лениным и Сталиным. Таким образом, Ленин и Октябрь с большевиками – это прошлое нашей истории, а настоящее – это движение страны к социализму и коммунизму. Сталин же воплощал в себе связь прошлого (вождь большевиков, руководитель Октября, соратник Ленина), настоящего (вождь советского государства и коммунистической партии) и будущего (он ведет советское общество к коммунизму). Ленин, большевизм и Октябрь, подправленные официальными конструкторами новейшей истории так, чтобы совпадать со сталинской моделью, стали гарантом легитимности настоящего советской страны и Сталина – политики, экономической практики, духовной жизни.

¹⁶⁰ Там же. С. 57.

¹⁶¹ Пролетарская революция. 1926. №3. С. 243-248.

¹⁶² РГАСПИ. Ф.71. Оп.3. Д.1012. Л.6.

¹⁶³ Там же. Оп.1. Д.196. Л.49.

В 1930-е годы местным истпартам центром было выдвинуто требование вплотную заняться не разработкой слабо изученных вопросов истории партии и Октябрьской революции, а популяризацией исторических мифов о партии и Октябре с использованием местных материалов, а также с обязательным наличием в создаваемых нарративах ключевой идеологемы "Сталин – это Ленин сегодня". Вот почему, например, в рецензии ИМЭЛ на брошюры Г. Панасия ¹⁶⁴ эти работы об истории рабочего движения на Дону и в Азово-Черноморском крае были забракованы. Автора обвинили в том, что его книга была рассчитана на узких специалистов, а ее восприятие осложнялось "такими мелкими деталями, что даже преподаватель, к кому адресуется истпарт в предисловии, не найдет возможным использовать книжку" ¹⁶⁵. В этой рецензии четко сформулирована точка зрения ЦК партии на "идеальную" истпартовскую публикацию: "не всякому умеющему писать дана возможность написать кратко, популярно и одновременно правильно с партийно-политической и научной стороны" ¹⁶⁶. Кроме того, начало массовых репрессий в верхах партии и государства потребовала безапелляционного "вычеркивания" многих имен большевиков и участников революции из истории. В результате многие публикации региональных истпартов 1920-х – начала 1930-х годов оказались идеологически вредными не столько из-за суждений и выводов, сколько из-за того, что в них упоминались "неугодные" современной политической конъюнктуре исторические лица.

Атмосферу, в которой происходила работа истпартов в 1930-е годы, красноречиво характеризует рецензия К. Сидорова в июне 1936 г. на упомянутую книжку Г. Панасия. Публикация подверглась критике потому, что автор позволил себе "обильное услаждение содержания книг... бесчисленным перечнем деятелей". Рецензент заявлял, что "авторы не отдают себе отчета в том, что каждое такое упоминание к многому обязывает, что заслуживает упоминания только руководящее ядро или представители рядовой рабочей массы, в самом деле совершившие поступок, достойный всяческого популяризации". Местные истпарты должны были научиться делать строгий отбор деятелей местной парторганизации и рабочего движения. Однако основным недостатком

¹⁶⁴ Панасий Г. Рабочее движение в Азово-Черноморском крае (1860-1900). – Ростов-на-Дону, 1935; Его же. Г. Шахтинские горняки на путях к Октябрю. (Февраль-октябрь 1917 г.). – Ростов-на-Дону, 1935.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.1012. Л.3.

¹⁶⁶ Там же. Л.5.

ком данной публикации являлось освещение рабочего движения в Азово-Черноморском крае с экономистских позиций¹⁶⁷.

Надо заметить, что литературный труд в то время стал также рассматриваться с позиций благонадежности или вредности, и автор мог также подвергнуться репрессиям. Например, в тексте рассматриваемой нами рецензии какой-то работник ИМЭЛа от руки сделал пометку: "А может он сознательно это делает?"¹⁶⁸. Здесь уже давалась оценка не столько книге, сколько определялось политическое лицо самого автора. Кроме того, к рецензии была приложена написанная от руки записка на имя сотрудника ИМЭЛ К. Попова, в которой выказывалась озабоченность тем, что появляется много рецензий на авторов, особенно провинциальных, неизвестных "в партийном отношении". Автор записки считал, что "есть большая опасность особенно теперь, что похвалили книгу автора, который искусно маскируется и затем оказывается двурушником" при "теоретическом" благополучии, которое на самом деле может оказаться "маской". В записке предлагалось организовать получение "сведений о рецензируемых авторах, их партийной благонадежности"¹⁶⁹.

Тем самым сотрудники ИМЭЛ, рецензировавшие издания региональных истпарта, сами были вынуждены балансировать в обстановке, когда репрессивная машина набирала обороты. Доказательством этому была судьба автора рецензии К. Сидорова и адресата К. Попова, которые в период начавшихся массовых увольнений и репрессирования сотрудников ИМЭЛ были освобождены от работы в ИМЭЛ, а К. Сидоров был выслан¹⁷⁰.

В этот период положение Северо-Кавказского истпарта было еще больше осложнено тем, что объективно не имелось серьезной источниковой базы о наличии в регионе большевиков, и поставленные центром задачи по освещению истории большевистской партии в своем регионе не всегда было возможно реализовать. Например, так случилось со сборником документов и материалов по истории рабочего движения и социал-демократии в Азово-Черноморском крае¹⁷¹. Его авто-

¹⁶⁷ Там же. Л.4.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. Л.1.

¹⁷⁰ Мосолов В.Г. Указ соч. – С. 328, 336.

¹⁷¹ Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае девяностых и начала девяностых годов. Сборник документов и материалов / сост. Я. Раенко, под ред. М. Корчина. – Ростов-на-Дону, 1935.

ры получили отрицательный отзыв центра за то, что история большевизма в нем была отражена слабо. В рецензии того же К. Сидорова указывалось на провал поставленной в предисловии сборника задачи "осветить зарождение социал-демократии, вскрыть истоки большевизма, его оформление и внедрение в рабочие массы, а также выяснить, в борьбе с какими врагами вырос большевизм в Азово-Черноморском крае". Как справедливо заметил рецензент, в разделе сборника, посвященного зарождению социал-демократической организации, помимо устаревших воспоминаний и описания стачки железнодорожных рабочих 1894 г. не было иной достойной внимания информации¹⁷². Увидел автор рецензии и расхождение между намерениями истпарта и реальным содержанием книги. Несмотря на утверждение в предисловии о материалах, помещенных в издании, что они "с непрекаемой ясностью доказывают", что только под руководством ленинского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" развивалось классовое революционное движение", доказывавших это документов в сборнике не было обнаружено. Это утверждение оказалось голословным, и составитель "не проделал исследовательской работы над тем, чего не достает в перепечатаемых материалах". Отмечалось, что этим недостатком страдает большинство издаваемых истпартами сборников¹⁷³.

В духе эпохи "большого террора" в работе местных истпарта место более или менее глубокого научного анализа заняло самобичевание. К примеру, Азово-Черноморский истпарт, докладывая в январе 1936 г. ИМЭЛу о содержании своей деятельности, заявил, что все изданные работы по истории революционного движения и большевистской парторганизации в крае, вышедшие на Северном Кавказе до 1933 г., содержат идеологические ошибки. В этих изданиях обязательно присутствуют "те или иные извращения идеологического и фактического порядка и прямая контрабанда контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма"¹⁷⁴. Важность таких заявлений видна из того, что работники центрального Истпарта красным карандашом подчеркнули это признание и использовали его при разоблачении этих публикаций. Изменилось и само понятие "научность". Так, главной задачей своей деятельности Азово-Черноморский истпарт называл проведе-

¹⁷² РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.1012. Л.6.

¹⁷³ Там же. Л.7.

¹⁷⁴ Там же. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.129.

ние исследовательской работы по истории местной большевистской парторганизации и написание этой истории "научно, по-большевистски, разоблачая те многочисленные извращения, какие были допущены в этой области за предыдущее время Янчевским, Борисенко и другими троцкистско-зиновьевскими контрабандистами"¹⁷⁵.

Возникшая потребность в обосновании легитимности власти коммунистической партии как наследницы большевизма во главе с единственным преемником Ленина Сталиным с еще большей остротой, нежели раньше, поставила вопрос о руководящей роли большевиков в революционном движении того или иного региона. В связи с этим к ложным и извращенным положениям "врагов народа" были отнесены утверждения, что, например, в революции 1905 г. и вплоть до 1917 г. на территории Азово-Черноморского края не было большевиков. Опровергая эту политическую "ошибку", заведующий Азово-Черноморского истпартком в 1936 г. говорил, что основательная разработка архивов, проведенная истпартком за последние два с половиной года, позволила установить, что всем революционным движением в Азово-Черноморье с 1902 г. руководили большевики. Более того, Донская организация в период с 1902 по 1907 годы была связана с Бакинскими и Батумскими большевиками, которыми руководил И.В. Сталин. На основе этого была якобы восстановлена историческая истина, демонстрировавшая, что в указанное время большевиками данного края руководил И.В. Сталин¹⁷⁶.

Естественно, что такие новые условия политической жизни в стране сопровождалась с середины 1930-х годов ужесточением контроля над исследовательской деятельностью истпартком со стороны ИМЭЛ. Об этом, в частности, свидетельствует переписка центра с местными отделами истпартком. Так, план Азово-Черноморского истпартком на 1935 г. был утвержден только после получения ИМЭЛом подробных объяснений по каждой запланированной книге¹⁷⁷. В 1936 г. центр указывал на отсутствие концентрации внимания и сил истпартком и его исторического актива в плане Азово-Черноморского истпартком на подготовке истории партийной организации Азово-Черноморского края. Вместо этого, истпартком включил в издательский план две работы по общей истории рабочего движения и три – по истории комсомола. Азово-Черноморс-

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. Л.129-130.

¹⁷⁷ Там же. Л.88.

кому истпартком категорически предписывалось работать над юбилейной тематикой, приуроченной к двадцатилетию Октябрьской революции. При этом надо было особо учесть необходимость освещения истории местной партийной организации послеоктябрьского периода. Необходимо было также отразить деятельность в крае И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилова, С.М. Кирова, А.А. Андреева, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича. В целом тематика издательского была признана ошибочной и потребовала пересмотра¹⁷⁸.

Анализ переработанного и детализированного плана Азово-Черноморского истпартком на 1936 г. позволяет увидеть, как менялся ракурс работы истпартком при конструировании новой модели исторической памяти на местах в соответствии с идеологической конъюнктурой. Пометки в виде подчеркиваний, знаков вопросов и слов о необходимости "декретировать сверху" возле отдельных положений, сделанные в плане сотрудниками ИМЭЛ, показывают, что последние и сами не могли самостоятельно решать вопрос об утверждении местных планов. Содержание плана свидетельствует, что основное внимание в работе Азово-Черноморского истпартком уделялось истории местной партийной организации и деятельности С. Орджоникидзе в связи с предстоящим в 1936 г. его пятидесятилетним юбилеем. Таким образом, вождизм в идеологии 1930-х годов находил конкретное воплощение при формировании содержания региональных исторических нарративов.

Например, планировалось издание очерка "С. Орджоникидзе на Дону и Кубани в 1918-1921 гг.". Ключевыми положениями этой книги должно было стать освещение внутренней жизни парторганизаций Дона и Кубани и состояние их работы в массах в этот период. При этом предполагалось показать все слабости местного руководства в борьбе за диктатуру пролетариата. Тем самым истпартком предполагал исторически мотивировать посылку от имени ЦК партии на Юг Дона и Кубани своего особо-уполномоченного С. Орджоникидзе. Задача очерка состояла в том, чтобы обрисовать решающую роль С. Орджоникидзе в большевизации местных организаций в тот период и сплочении местных социал-демократов вокруг ленинской линии. В книге должно было быть освещено значение работы С.Орджоникидзе в истории борьбы казачества Дона и Кубани за свое освобождение¹⁷⁹. Таким образом, выполня-

¹⁷⁸ Там же. Л.140-142.

¹⁷⁹ Там же. Д.219. Л.62.

лась двойная задача: не только возвеличивание соратника И.В. Сталина, но и "разоблачение" действительных руководителей и участников революционных событий в регионе, которые теперь были объявлены право-оппортунистическими элементами, троцкистами, левыми коммунистами и др. Для собственной реабилитации эти лица пытались напомнить о своей действительной роли в истории местных партийных организаций и в истории революционного движения в своих воспоминаниях и исторических трудах вместо того, чтобы публично каяться.

Азово-Черноморский истпарт разработал детальный конспект истории партийной организации за 1917 – 1923 годы. Были обозначены обязательные тезисы этого издания. Первый должен был содержать доказательства преобладающего влияния меньшевиков в мае 1917 г. в Ростовских железнодорожных мастерских. Второй тезис показывал руководящую роль большевиков в борьбе за частичные требования ростовских железнодорожников. Кроме того, местный истпарт намеревался представить статистику стачек по предприятиям г. Ростова-на-Дону с большевистскими требованиями, показать организационную структуру партийной организации. Кроме того, предполагалось осветить недостатки местной партийной организации, в частности недостаточную ее связь с массами, а также уклон части большевиков в июне в оборончество с указанием лидеров. Надо было доказательно нарисовать картину выхода массы железнодорожников из меньшевистской организации в августе-сентябре, осветить отставание организационной работы большевиков от роста политического влияния. Следовало также показать недостаточную разработанность большевистской тактики среди ряда казачьих станиц¹⁸⁰.

Однако большинство из этих тезисов вызывали в центре несогласие, отображенное соответствующими пометками в тексте плана. Несмотря на это, в свет вышла книга, в которой главным организатором советской республики на Дону, Кубани и Черноморье стал С. Орджоникидзе¹⁸¹. Это типичный нарратив второй половины 1930-х годов, в котором освещение деятельности отдельной личности фактически приравнивалось к изучению всего комплекса проблем, связанных с историей революционных событий и Гражданской войны в регионе.

¹⁸⁰ Там же. Л.63-64.

¹⁸¹ Корчин М. Раенко Я., Семернин П. Серго Орджоникидзе в Азово-Черноморье. – Ростов-на-Дону, 1937.

Эпитеты, употребленные применительно к С. Орджоникидзе, создавали его идеологизированный и мифологизированный образ: "великий пролетарский революционер", "старейший и пламенный большевик", "славная жизнь", "самоотверженная героическая деятельность", "лучший ученик, соратник и друг гениальнейших людей в истории... Ленина и Сталина"¹⁸².

Для Северо-Кавказского истпарт важной задачей исследовательской и публикаторской работы было создание книг, направленных против национализма местных северокавказских элит. При этом все историко-партийные издания истпартов во второй половине 1930-х годы должны были "узаконены" местным партийным комитетом. В частности, от истпарт требовалось создание конспекта или очерка по истории партийной организации в Осетии и Чечено-Ингушетии, направленного "против поднимающих голову элементов керменистской и националистической ревизии истории партии на Северном Кавказе"¹⁸³. Дело в том, что в начале 1930-х годов готовилась историческая база для разгрома реальных и потенциальных оппонентов сталинской политики. Для этого были использованы события недавнего прошлого, в частности факты из истории меньшевистских организаций, из которых конструировались модели, обеспечивавшие легитимность репрессий. Например, сталинское руководство использовало для этого данные об участии тех или иных лидеров национальных советских элит в прошлом в национальных организациях. Так, в Осетии до революции и во время революции действовала политическая организация "Кермен", которая оценивалась местными кадрами очень высоко и отождествлялась с ролью большевиков в революции. Если в 1920-е годы эти оценки воспринимались спокойно, то к середине 1930-х годов это увлечение историей национального движения было объявлено пережитком народнической идеологии и получило название керменизма¹⁸⁴.

В августе 1935 г. в газете "Северо-Кавказский Большевик" была опубликована статья "Октябрь в Осетии" к пятнадцатилетней годовщине освобождения Осетии от белых. Автором был первый секретарь Северо-Осетинского обкома К. Бутаев, который посвятил свою публикацию истории большевистской партии на Кавказе. Уже в декабре

¹⁸² Там же.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.22.

¹⁸⁴ Там же. Л.117.

1935 г. эта статья стала одним из главных предметов обсуждения на пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)¹⁸⁵. Партийное руководство увидело в статье принижение роли "русских большевиков" и "руководящих товарищей" в организации революционной борьбы и преувеличение роли керменистов в революционных событиях в регионе. Непростительной политической ошибкой К. Бутаева было признание упоминание им имени одного из национальных вождей осетина С.Г. Мамсурова, который якобы "вел борьбу против" Кирова, Орджоникидзе и "скатился в контрреволюционное болото". В решении пленума местного партийного комитета проявились новые политические тенденции, когда "ошибки" отдельного человека были символом враждебной линии всего партийного комитета, в данном случае "ту линию, которую мы имеем в Северо-Осетинском Обкоме". В результате теоретические разногласия стали основанием для того, чтобы участники пленума поставили вопрос о необходимости постановки перед ЦК ВКП(б) вопроса о снятии К. Бутаева с должности секретаря обкома¹⁸⁶.

Результатом стало покаяние автора статьи в "грубейших политических ошибках" и "грубых фальсификациях истории", изложенное им в записке в Северо-Кавказский крайком ВКП(б)¹⁸⁷. Он признавал, что после слияния "Кермен" с большевиками и тактическом сохранении своего наименования осенью 1918 г., не все керменисты вошли в осетинскую организацию РКП(б), значительная их часть "осталась за бортом", но это обстоятельство не нашло отражение в опубликованной статье. Он раскаивался в том, что не раскрыл мелкобуржуазный характер "Кермен", неправильно понял положение Кирова о том, что программы большевиков и керменистов ни в чем не расходились, не указав, что это относилось к концу июня 1918 года. Он каялся, что не отразил "великой роли ВКП(б) как вождя, организатора и руководителя трудящихся масс Осетии в борьбе с контрреволюцией" и поэтому политически неверно утверждал. Что "Кермен" вынесла на своих плечах всю тяжесть революции. Он отрекся от самостоятельных заслуг организации и рассматривал теперь ее как осетинскую организацию ВКП(б), которой руководили С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, которые проводили в Осетии "генеральную линию Ленина-Сталина, под непосредственным руководством великого Сталина". В реальности ста-

¹⁸⁵ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.70. Л.19-31об.

¹⁸⁶ Там же. Л.22, 28.

¹⁸⁷ Там же. Л.1-8.

тью на пленуме подвергли разгрому исключительно из-за того, что в ней не было Сталина в качестве главного действующего лица в революционном движении.

В 1936 г. К. Бутаев был отстранен от руководства партийной организацией Осетии и в 1937 г. назначен заместителем директора Всесоюзной плановой академии. В этом же году он был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян. С. Мамсуров также стал жертвой эпохи "большого террора" и был расстрелян в 1937 г.

Впервые новые формы работы над историей местных партийных организаций с целью реализации политики памяти апробировали именно на Осетии. Обязательным условием публикации стало обсуждение рукописи на собрании партийного актива. Затем подробный конспект истории парторганизации утверждался на бюро местного комитета партии. Срок утверждения истории парторганизации Осетии, например, должен был быть готов не позднее февраля 1937 года. Краевой комитет ВКП(б) согласовывал и утверждал редакционную коллегию, а также кандидатуры авторов отдельных глав и очерков по разработанному конспекту. Проекты глав и очерков должны были предварительно обсуждаться на заседаниях партактива организации, а рукопись окончательно утверждалась на заседании бюро обкома. Таким образом, научная работа становилась партийным документом, обязательным для изучения всеми слоями осетинского населения¹⁸⁸.

Специфика формирования новой модели исторической памяти во второй половине 1930-х годов состояла в том, что при подготовке очерков партийных организаций национальных районов история революционных событий и Гражданской войны должна была отражать деятельность исключительно признанных к тому времени партийных вождей. Речь шла о жизни и политической деятельности на Северном Кавказе И.В. Сталина, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микояна, К.Е. Ворошилова и других, "под непосредственным руководством которых воспитывались первые кадры партийных и непартийных большевиков Осетии, складывалась, оформлялась, обучалась и закалялась в гражданской войне большевистская организация осетинского народа"¹⁸⁹. При этом основой таких очерков часто были работы истпартовцев предыдущего периода.

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.219. Л.114.

¹⁸⁹ Там же. Л.114-115.

Например, для очерка по истории Северо-Осетинской парторганизации новые авторы хотели использовать выполненную в 1936 г. работу Н.Г. Буркина по истории Северо-Кавказской большевистской организации в годы Гражданской войны, которая так и не была издана¹⁹⁰. Значительное место в ней отведено изображению роли "вождей" в революционных событиях. С.М. Киров определялся как "борец за власть советов на Северном Кавказе". И.В. Сталин представал главным руководителем всей борьбы против контрреволюции на Юге России, что отвечало внедряемым с конца 1920-х годов в сознание представлениям о его роли в Гражданской войне. Немалое внимание уделялось также Г.К. Орджоникидзе. Сноски в рукописи показывают, что исследование было написано на основе собранных истпартом летом 1936 г. воспоминаний о деятельности лидеров партии и их сочинений. Именно высказывания вождей, особенно И.В. Сталина, о революционном движении и положении различных народностей на Кавказе стало идеологической канвой очерков.

Сравнение этой рукописи с истпартовскими публикациями 1920-х годов показывает характер эволюции подходов истпартов к созданию исторических нарративов. Так, в книге "1917 год в Ставропольской губернии" Ф. Головенченко еще вполне спокойно писал, что о Сталине и Шаумяне осенью 1917 г. "мало слышали", а знали лишь местных "героев" революционных событий Пономарева и Богачева¹⁹¹. То-то впоследствии автору уже в Москве пришлось выполнять неблагодарную роль "чистильщика" "космополитов". Очерки же Н.Г. Буркина пересыпаны обильными цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина как главных историографов революции.

Работа разделена на детальные деление подпункты, название каждого из которых звучит как идеологическая установка. Присущая публикациям 1930-х годов необходимость изобразить существование классового расслоения в отдельных регионах и критика публикаций, в которых получили отображение иные представления, характерна и для данной работы. Например, для подтверждения наличия классовой борьбы в Дагестане, Н.Г. Буркин приводит немногочисленные факты из истории региона в конце XVIII века, которые интерпретируются им

¹⁹⁰ Буркин Н.Г. Очерки истории Северо-Кавказской большевистской организации в годы Гражданской войны // ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.43.

¹⁹¹ 1917г. в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. – Ставрополь, 1927. – С. 61.

как проявления классовой борьбы. Однако таких примеров из истории начала XX века автор не приводит, что дискредитирует его доказательную базу. Фактически кроме слов И.В. Сталина о сочувствии и поддержке русского пролетариата со стороны "угнетенных народов", которые цитируются в рукописи, других подтверждений широкой классовой борьбы в Осетии не имеется. В 1930-е годы ссылка на В.И. Ленина и особенно И.В. Сталина была достаточным аргументом в теоретическом обосновании того или иного исторического тезиса.

Одной из последних истпартовских публикаций на Северном Кавказе стала хроника историко-революционных событий на Дону, Кубани и в Черноморье, изданная истпартом Ростовского областного комитета ВКП(б)¹⁹². Ее второй выпуск был уже подготовлен Ростовским партийным архивом после ликвидации истпарта¹⁹³. По сути, эта хроника является результатом работы, проделанной окружными истпартами и Северо-Кавказским истпартом еще в 1920-е годы. Однако в ней нашли отражение изменения сущности работы истпартов 1930-х годов. В частности, при чтении событий хроники мы не только оказываемся в плену большевистского видения революционного процесса, но и само введение к книге, представляющее набор идеологических штампов из концепции "Краткого курса истории ВКП(б)", погружает нас в "сталинскую" мифологию. С выходом в 1938 г. "Краткого курса истории ВКП(б)"¹⁹⁴, где последовательно излагалась история партии на фоне развития советского общества, сложилась окончательная схема советской истории. Разработки истпартов не только перестали быть нужны, а, скорее, стали опасными для целостной картины, представленной в "Кратком курсе истории ВКП(б)".

Таким образом, 1929 год и начало 1930-х годов стали переломными в деятельности всех истпартов, включая Северо-Кавказский истпарт. Перемена политического курса и практика сталинского руководства окончательно сузили научно-издательские функции этих учреждений до обслуживания конъюнктурных нужд власти. Как и раньше, работы на историко-революционную тематику утверждали в массовом сознании ценности революционного способа преобразования действитель-

¹⁹² Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 1. Март 1917 г. Март 1918г. / сост. Я.Н. Раенко. – Ростов-на-Дону, 1939.

¹⁹³ Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып.2. Март 1918 г. – апрель 1920 г. / сост. Я.Н. Раенко. – Ростов-на-Дону, 1941.

¹⁹⁴ См.: История ВКП(б). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). 1938 г. – М.: Госполитиздат, 1945.

ности. Однако в эти годы свободные научные и источниковедческие поиски истпартов были сведены к нулю, а многие сотрудники истпарта, в том числе и региональных отделов на Северном Кавказе, были репрессированы, а их работы – запрещены. В эти годы сложился четкий список подлинных с точки зрения власти вождей партии, революции и Гражданской войны, который возглавили И.В. Сталин и В.И. Ленин. Схема изложения истории революции и партии была заложена в статье И.В. Сталина, помещенной в журнале "Пролетарская революция" и окончательно оформлена в "Кратком курсе истории ВКП(б)".

3.3. ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА ИСПАРТОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Если исследовательская деятельность истпартов была направлена, в первую очередь, на конструирование новой модели исторической памяти, востребованной властью, то непосредственное участие истпартов в пропагандистской работе было средством формирования нового типа коллективного исторического сознания в рамках этой модели. Конечно, выделение специфических форм пропагандистской работы истпартов достаточно условно. Вся их деятельность, в конечном счете, была направлена на пропаганду и популяризацию определенных результатов работы, а значит, сконструированных ими исторических знаний и идей.

Основные формы пропагандистской работы истпартов рассматриваемого региона были определены в циркуляре Юго-Восточного краевого бюро истпарта в мае 1922 г., в котором были даны задания подведомственным истпартам. Согласно ему бюро истпарта позиционировало себя не как академический научно-исторический орган, а как историко-пропагандистский аппарат партии, связывая свою деятельность с общей партийной работой. В соответствии с таким подходом работа истпартов должна была быть "популярна", связана с главнейшими событиями партийной жизни и приурочена к ним, а также широко "общественна"¹⁹⁵.

Рассмотренные выше "вечера воспоминаний" были не только формой сбора историко-революционных источников, но и средством

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.191. Л.1.

пропаганды идей партии. Не случайно они, как правило, приурочивались к юбилейным дням важнейших революционных событий как в России в целом, так и в северокавказском регионе в частности. Тем самым их значение на местах понималось изначально шире, чем возможность сбора воспоминаний. С помощью этих вечеров в массовое сознание внедрялись новые ценности и новая модель исторического процесса, что помогало сконструировать представления людей об истории в соответствии с новой моделью исторической памяти.

Еще одной формой пропагандистской работы истпартов была публикация исторических сюжетов в местной периодике. В этом случае поводом также была та или иная юбилейная революционная дата. Истпарты должны были участвовать и в организации выставок во время празднования важнейших историко-революционных дат. Визуальное воздействие на сознание малограмотных местных жителей производило сильный пропагандистский эффект. В упомянутом выше циркуляре имелось прямое указание на то, что фиксация воспоминаний, систематизация и публикация уже собранных материалов должны были в первую очередь использоваться в историко-пропагандистских целях¹⁹⁶.

Подобные рекомендации в середине 1920-х годов были характерны и для региональных истпартов. Например, в 1925 г. в циркуляре Северо-Кавказского истпарта, предназначенном для истпартовских отделов и уполномоченных по истпартовской работе округов и областей края, указывалось на недопустимость сводить деятельность истпарта исключительно к функциям "научно-кабинетного" учреждения, которое годится "для того, только, чтобы рыться в архивах для подготовки материалов будущим историкам"¹⁹⁷.

Основная задача функционирования истпартов состояла в обеспечении связи научно-исследовательской работы с современными нуждами партии. Инструментом реализации этой задачи были собранные истпартом материалы, а также издание брошюр, сборников и других печатных трудов и проведение вечеров воспоминаний. Тем самым истпарты должны были "служить пропагандистом – воспитателем для молодых кадров партии и рабочего класса"¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. Д.299. Л.55.

¹⁹⁸ Там же.

Проанализированные выше истпартовские издания, таким образом, были идеологическим оружием партии из-за их воспитательного значения на всех этапах работы истпартов, хотя вначале многие из этих публикаций были написаны с притязанием на исследовательский характер. Истпарты очень тесно взаимодействовали с местными отделами агитации и пропаганды. Уже в первые годы своей деятельности они "обслуживали" агитпропы, его сотрудники составляли тезисы к докладам об исторических событиях; предоставляли материалы для периодической печати в дни агитационных кампаний¹⁹⁹. В то же время в организационной работе истпартов участвовали и сотрудники агитпропов, что непосредственным образом отражалось и на содержательной стороне функционирования истпартов.

Юбилейные даты были важным способом проведения в жизнь идеологических целей власти по созданию новой модели коллективной памяти и внедрения ее в массовое сознание. Исполнителями же были истпартовцы как представители партийного агитационно-пропагандистского аппарата. Юбилейные даты превращались в вехи исторического процесса и блокировались в сознании "широких рабочих и партийных масс" через всевозможные мероприятия. Например, сотрудники Донского истпарта делали доклады "О стачке", посвященные забастовке рабочих промышленных предприятий г. Ростова-на-Дону в ноябре 1902 г. на районных партийных собраниях в 1922 г., посвященных 20-летию этого события²⁰⁰. В годовщины июльских дней 1917 г., майского провала партийной организации в 1919 г. Донским истпартом в течение 1924 г. была проведена кампания вечеров воспоминаний с соответствующим пропагандистским наполнением²⁰¹.

Круг юбилейных мероприятий на историческую тематику, в которых должны были принимать участие региональные истпарты, не избирался произвольно местными сотрудниками, а был строго ограничен директивными указаниями Истпарта ЦК РКП(б). Вначале провинциальные истпарты проявляли инициативу. Но ее постоянно корректировал центр. В частности, Терский отдел истпарта намеревался в 1925 г. провести совместный юбилей революции 1905 г. и столетний юбилей восстания декабристов. Но в 1924 г. вышестоящий истпарт предостерег от такого совмещения, указав, что нельзя смешивать в одно абсолютно

¹⁹⁹ Пролетарская революция. – 1922. – №8. – С. 234.

²⁰⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.127. Л.4.

²⁰¹ Пролетарская революция. – 1924. – №12. – С. 333.

не сходные между собой явления и события²⁰². Следует заметить, что вопрос о праздновании юбилея декабристов вызвал в центральной прессе острую дискуссию, поэтому еще в октябре 1924 г. этот вопрос в Истпарте находился в стадии обсуждения. После принятия решения предполагалось выслать соответствующие директивы на места²⁰³.

Только в ноябре 1924 г. всем истпартотделам было разослано инструктивное письмо Истпарта. В нем критиковалась излишняя увлеченность некоторых региональных истпартов юбилеями событий, которые не были революционными праздниками, к примеру, 150-летием Пугачевского движения и 100-летием восстания декабристов. Авторы письма признавали, что Пугачевское движение и восстание декабристов занимают свое особое место в истории, но не имеют ничего общего с историей РКП(б) и пролетарской революции. Истпарты должны были работать над материалами по истории партии и Октябрьской революции, изучением "пугачевщины" и декабристов пусть занимаются "наши историки", юбилеями этих событий должны были заниматься советские органы. В компетенции истпартов была подготовка к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г. и к будущему десятилетию Октябрьской революции²⁰⁴.

Одной из форм осуществления пропагандистской работы истпартов являлась организация выставок и музеев революции. Как правило, их открытие было приурочено к годовщинам историко-революционных событий. Первые истпартовские выставки появились в регионе уже в 1922 году. В Терской губернии в 1922 г. в одной из комнат "Рабочего Дворца" была организована выставка истпарта. В ней были представлены не только материалы по истории революции, но и коллекции археологических раскопок, старинных книг и манускриптов²⁰⁵. На этой выставке соседствовали "первобытные древности" эпохи неолита с прокламациями большевистской партии 1917 года. Фактически выставка стала предшественницей и основой для создания Терского окружного музея. Информация о работе выставки была помещена в местной периодической печати, где сообщалось о ее культурно-воспитательном значении²⁰⁶. Кроме того, весной 1924 г. Терский истпарт

²⁰² РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.363. Л.23.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. Оп.1. Д.187. Л.4.

²⁰⁵ Там же. Оп.2. Д.359. Л.119.

²⁰⁶ Там же. Л.117, 119.

организовал при Пятигорском рабоче-крестьянском клубе уголок им. Ленина, где также была устроена выставка музея, куда отдел истпарта передал 211 экспонатов²⁰⁷. Истпартовские выставки были созданы в 1925 г. уполномоченными Терского истпарта при уголках им. Ленина в местных избах-читальнях ряда районов²⁰⁸.

Подобные выставки создавались и в других регионах Северного Кавказа. Так, в мае 1922 г. к пятой годовщине Октябрьской революции Кубано-Черноморским истпартом была открыта историко-революционная выставка, которая затем была реорганизована в Музей революции²⁰⁹. Размещался он в большом зале здания архивного бюро, предоставленном истпарту, и назывался "выставка-музей истории Революции на Кубани". Для обслуживания музея был выделен сотрудник архивного бюро, который проводил экскурсии, составлял каталоги, систематизировал экспонаты²¹⁰. Выставка пользовалась популярностью у местных жителей. Кроме того, проводились организованные экскурсии учащихся, крестьян, советских и партийных работников. Всего только за 1923 г. выставку посетили около 6000 человек²¹¹. Кроме того, Кубано-Черноморский истпарт оборудовал уголок им. Ленина, где помещался историко-революционный материал, дополненный информацией о Ленине с 1917 г., почерпнутой из центральных газет²¹². В июле 1924 г. Музей революции был передан в ведение Кубанского окружного комитета РКП(б)²¹³, а с 1 октября 1925 г. получил самостоятельный штат и финансирование из городского бюджета²¹⁴. Однако он продолжал располагаться в одном здании с архивным бюро, что создало трения между музеем и архивом, т.к. музей претендовал на расширение за счет помещений архива²¹⁵.

К юбилею создания партии большевиков в 1922 г. Донским истпартом была подготовлена временная выставка по истории РКП на

²⁰⁷ Там же. Д.361. Л.33.

²⁰⁸ Пролетарская революция. – 1925. – №1. – С. 270.

²⁰⁹ Там же. – 1923. – №8. – С. 262.

²¹⁰ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания. – Краснодар, 2005. – С. 97.

²¹¹ Пролетарская революция. – 1924. – №4. – С. 290.

²¹² Там же. – №6. – С. 283.

²¹³ ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.1. Л.34.

²¹⁴ Еремеева А.Н. Наука и власть: Кубанский контекст (1917-1941). – Краснодар, 2010. – С. 91-92.

²¹⁵ ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.6. Л.17.

Дону²¹⁶. В 1924 г. выставка Донского истпарта стала постоянной, и на ней был организован уголок памяти В.И. Ленина. На выставке было представлено 70 фотографий в плакатах, 38 отдельных фотоснимков, а также ряд автографов, телеграмм, плакатов, протоколов рабочих и крестьянских собраний. Некоторые фотоснимки для выставки прислали сотрудники Института В.И. Ленина²¹⁷. В том же году выставка Донского истпарта была закрыта в связи с ее реорганизацией и ремонтом помещения²¹⁸.

Говоря о специфике истпартовских выставок, некоторые из которых стали впоследствии музеями революции, следует отметить, что уже с момента их основания экспозиции отражали не только события революционной борьбы, но и показывали достижения советской власти. Для этих целей широко использовались диаграммы производственных достижений, что создавало положительный имидж советского государства и его вождей. Кроме того, именно истпартовские выставки сыграли большую роль в процессе формирования образа В.И. Ленина в общественном сознании²¹⁹.

Для создания выставок истпарты Северного Кавказа использовали региональные дореволюционные музеи. Так, политическая секция Ставропольского окружного архивного бюро, в которой на тот момент сосредотачивалась истпартовская работа в округе, в октябре 1924 г. организовала выставку по истории Октябрьской революции и РКП(б) при Ставропольском народном музее им. Праве²²⁰. На ней были представлены архивные материалы преимущественно бывшего жандармского управления, а также документы, относящиеся ко времени Гражданской войны²²¹. Истпарты на местах не имели ни опыта организации музейно-выставочного дела, ни четких указаний центра по этому вопросу, который ограничивался только общими призывами к организации выставок как средства популяризации истпартовской работы. О бездействии Истпарта ЦК ВКП(б) в этом вопросе говорилось и на III совещании истпартовских отделов в мае 1924 г. Только после создания в Москве Музея Революции ситуация несколько изменилась²²².

²¹⁶ Пролетарская революция. – 1923. – №4. – С. 353.

²¹⁷ Там же. – 1924. – №12. – С. 333-334.

²¹⁸ Там же. – 1925. – №4. – С. 269.

²¹⁹ Там же. – 1924. – №6. – С. 283.

²²⁰ ГАСК. Ф.р-299. Оп.1. Д.141. Л.11.

²²¹ Власть Советов. – 12 ноября 1924 г. – №1371. – С. 3.

²²² Пролетарская революция. – 1924. – №8-9. – С. 415.

Наибольшее оживление выставочной работы, как и всего комплекса истпартовской деятельности, связано с празднованием двадцатилетнего юбилея революции 1905 г. в 1925 г. и десятилетия Октябрьской революции в 1927 году. В 1925 г. в связи с двадцатилетием революции 1905 г. был поставлен вопрос о создании Северо-Кавказского краевого Музея революции. Согласно постановлению Северо-Кавказского крайкома РКП(б) работа по его организации считалась "ударной задачей". Отмечалась двойная функция музея. Он рассматривался как научно-исследовательский орган и одновременно как центр, знакомящий широкие массы с историей партии и революционного движения на Северном Кавказе ²²³. Однако при его создании истпарт столкнулся с проблемами материально-технического характера. Прежде всего, встал вопрос о помещении для музея. Несмотря на ряд постановлений Секретариата Северо-Кавказского крайкома в январе, феврале, марте и июне 1925 г., вопрос о выделении помещения не был решен. Только 23 июня крайвому истпарту для нужд музея было выделено две комнаты в помещении Делового клуба, хотя согласно предыдущему постановлению их должно было быть четыре, а само открытие было отложено до осени ²²⁴. В реальности истпарт занял в Деловом клубе только одну комнату, где и велась подготовительная работа по разбору имеющегося материала. Когда частично материал был готов для распределения по заказанным витринам, места для этих стендов все еще не было ²²⁵.

Все юбилейные мероприятия осуществлялись под руководством местных комиссий. Например, такие комиссии были созданы для организации празднования двадцатой годовщины революции 1905 г. ²²⁶ В эти комиссии входили и представители региональных истпартов. Комиссии составляли планы проведения празднования годовщин. В эти планы любого отдела истпарта входило проведение вечеров воспоминаний; постановка инсценировок или спектаклей; чтение докладов в школах политграмоты, кружках, избах-читальнях, клубах, в красных уголках на заданные темы, организация выставок, публикация соответствующих статей в местной периодической печати, издание популярных листовок о юбилейном событии и лозунгов-плакатов, просмотр революционных кинофильмов.

²²³ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.173. Л.5.

²²⁴ Там же. Д.176. Л.2.

²²⁵ Там же. Л.12.

²²⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.129. Л.19.; ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.288. Л.4, 6.

Например, отдел истпарта в Терском округе запланировал не просто мероприятия по празднованию юбилея Первой русской революции, но и характер материалов, которые должны быть задействованы на вечерах воспоминаний. Это – всеобщая забастовка, восстание на броненосце "Потемкин", восстание на Пресне, демонстрация на похоронах Н. Баумана, манифест 17 октября, организация Совета рабочих депутатов, забастовка в Минеральных Водах ²²⁷. Из перечня исторических событий, отобранных истпартком для пропаганды революции, очевидно, что большая часть материала относилась к событиям в столицах и лишь один материал из восьми – к истории местных революционных событий.

Для трансляции официальной идеологии истпарты использовали различные формы участия в юбилейных торжествах. Так, при проведении двадцатилетнего юбилея революции 1905 г. Донской истпарт участвовал в организации занятий в школах по вопросам экономических и политических предпосылок революции 1905 г., о значении III съезда в подготовке революции 1905 г. Кроме того, для школьных занятий использовались такие темы, как две тактики и позиция Троцкого в революции 1905 г., а также уроки революции 1905 г. и причины ее поражения ²²⁸. Среди вузовского студенчества были проведены митинги, освещавшие события 1905 г. ²²⁹ Участвовали сотрудники истпарта и в организации такой новой формы пропаганды, как инсценировка публичных судов над представителями "старой" власти. В г. Ростове-на-Дону в столовой Ленинских мастерских состоялся суд над бывшим градоначальником В.В. Макеевым, который в 1905 г. в этой же столовой "расправился" с рабочими. В.В. Макееву был вынесен приговор, по которому он был осужден на пять лет заключения. По мнению сотрудников истпарта, такой публичный суд сыграл положительную воспитательную роль ²³⁰.

Одной из форм участия истпартов в юбилейных мероприятиях была подготовка тезисов по поводу каждого выдающегося революционного события, предназначенных для пропаганды этого события среди трудовых масс. Определялся круг источников, на которые надо было опираться при составлении этих тезисов. К ним относились материалы,

²²⁷ ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.717. Л.6.

²²⁸ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.129. Л.27.

²²⁹ Там же. Л.24.

²³⁰ Там же. Л.25.

находившиеся в распоряжении политической секции местного архивного бюро, чаще всего "жандармские" и "охранные" дела, газеты того периода; прокламации; воспоминания участников. Сотрудники истпартов готовили юбилейные доклады и вечера воспоминаний, публиковали в прессе юбилейные исторические материалы в "надлежащие дни"²³¹. Рассматривая публикации в периодической печати как одну из форм пропагандистской работы истпартов, следует отметить, что статьи на историко-революционную тематику выходили в канун всех значимых для новой власти революционных дат. Особенно много их было опубликовано в годы "круглых" юбилейных дат. Особенно важными, по мнению власти, такие публикации были в тех регионах, "где в 1905 г. революционного движения не было или где оно получило слабое отражение"²³².

Масштаб пропагандистской работы можно увидеть на примере истпартовских публикаций в местной донской печати в связи с юбилеем революции 1905 года. Всего за декабрь 1925 г. в газете "Молот" и в "Советском Юге" было издано более 40 юбилейных материалов, около 20 фотографий, рисунки. Примером обобщающих юбилейных статей были статьи под названием "Крестьянство в первой русской революции", "Пролетариат и буржуазия в революции 1905 г.", "Донские казаки в 1905 г.", "Как усмиралась революция 1905г." и др.²³³ Кубанский истпарт, рассмотрев рукописи участников революционного движения, часть их передал для публикации в местной периодической печати²³⁴. На Ставрополье по случаю празднования двадцатилетней годовщины революции 1905 г. в совокупности был издан 31 материал, среди которых были статьи, воспоминания и хроники, написанные на основе архивов. Этому событию был посвящен специальный номер журнала "Ставрополье"²³⁵.

Все эти публикации были подчинены созданию нового историко-революционного мифа. Рассмотрим этот процесс на примере публикаций к двадцатилетнему юбилею революции 1905 г. в периодической печати Ставрополья, которая является типичной для регионов Северного Кавказа. Так, в опубликованных в местной газете "Власть Со-

²³¹ Там же. Д.421. Л.22.

²³² ГАНИСК. Ф.5938. Оп.1. Д.794. Л.50-51.

²³³ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.129. Л.21, 22.

²³⁴ Пролетарская революция. – 1924. – №6. – С. 283.

²³⁵ ГАНИСК. Ф.6325. Оп.1. Д.8. Л.15.

тов" воспоминаниях С. Закоты о революции 1905 г. говорилось, что уже в июле 1906 г. из уст местного учителя звучали призывы "власть – советам крестьян и рабочих: земля – крестьянину, а рабочим – заводы"²³⁶. Сравним публикацию с рукописью С. Закоты, хранящейся в фонде истпарта, и оказывается, что в ней подобное заявление отсутствует²³⁷. Автор пишет, что призыв передать власть советам появился во время Октябрьских событий 1917 г. Причем нигде нет упоминания о некоем учителе. Название воспоминаний "Как мы боролись с царем", было дано их издателями. Вместо картины реальной борьбы с царем в тексте рассматривается единичный бунт против помещиков, имевший место в 1906 г. Следовательно, текст воспоминания был изменен в соответствии со схемой революции, разработанной идеологами из центра, в которой революция 1905 г. трактовалась как важный этап на пути к Октябрьским событиям.

Выделяя другие особенности "юбилейных" публикаций, следует заметить, что любые оппозиционные события, происходившие в революционный период, интерпретировались как политическая борьба. Так, сотрудник Ставропольского истпарта А.М. Козлов в публикации "История одного бунта" в местной газетеповествует о вооруженном выступлении Ставропольского резервного батальона в 1905 г.²³⁸ Бунт, по словам автора, был вызван с одной стороны, плохим положением солдат, а с другой – локальным конфликтом между офицерами и солдатами. Требования взбунтовавшихся солдат "по улучшению жизни и быта и лучшего обращения" были удовлетворены. Заключение статьи, которое отсутствует в аналогичной публикации в журнале "Ставрополье", стилистически отличается от основного текста. В нем имеется бездоказательное утверждение, что солдаты выступили с оружием в руках "для завоевания власти". Вполне понятно, что в указанное время нельзя говорить о желании захвата власти солдатами. Однако поскольку событие произошло именно в 1905 г., его представили как эпизод политической борьбы.

Одной из форм пропагандистской работы была перепечатка материалов из центральных изданий. В них, как правило, было мало конкретных фактов, а превалировали идеологические суждения. Такими

²³⁶ Власть Советов. 3 декабря 1925 г. №1687. С. 3.

²³⁷ ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.363. Л.1-2.

²³⁸ Власть Советов. 27 ноября 1925 г. №1682. С. 3.; Ставрополье. – 1925. №11. С. 57-58.

были, например, статьи в том же журнале "Ставрополье" "Значение революции 1905 года" и "Уроки Московского восстания 1905 г.", положения которых были образцами для издательской работы местных истпартов. В частности, революция 1905 г. рассматривалась как репетиция революции 1917 г.²³⁹ В статьях же истпартовцев было больше фактических данных местного значения, но идеологические установки соответствовали схеме центра. Так, в статье сотрудника местного архива, принимавшего активное участие в работе истпарта, Рутберга "Крестьянство Ставрополья в 1905 г." содержится много фактического материала. Однако общий вывод в итоговом разделе статьи "Окончательная победа в октябре" сводился к тому, что только Октябрьская революция дала крестьянам то, за что была пролита кровь в 1905 и 1906 годах²⁴⁰.

То же можно сказать и о статье этого автора "Ставрополье против самодержавия", где заключительный раздел называется "Октябрь освободил от царского гнета"²⁴¹. Интерес представляет и другая публикация о революционных событиях в регионе Ф. Головенченко, И. Бергер²⁴². Авторы дают характеристику Ставрополья накануне революции 1905 г., пытаются раскрыть ее региональную специфику. Одновременно они сопровождают материал идеологическими положениями, не подтвержденными источниками. Так, они пишут о произволе "царских чиновников, земских начальников" и других представителях прежней власти, не объясняя, в чем состоял этот произвол. Тем самым налицо абстрактность высказанных суждений.

Наряду с аналитическими статьями, как уже отмечалось, в периодике помещались воспоминания участников революционного движения. Были опубликованы, например, воспоминания П. Лопатина, А. Штиллера, К. Пучкова²⁴³. Их объем значительно превосходил объем публицистических статей. Фактически мемуарный материал восполнял нехватку пропагандистских статей. С другой стороны, воспоминания могли создать "живую" картину революционных событий, а это эмоционально воздействовало на читателя. Эмоционально-психологическая сторона была важной составляющей агитационно-пропагандистской работы.

²³⁹ Ставрополье. – 1925. – №11. – С. 3.

²⁴⁰ Власть Советов. – 6 декабря 1925 г. – №1690. – С. 3.

²⁴¹ Там же. – 13 декабря 1925 г. – №1696. – С. 3.

²⁴² Там же. – С. 14-19.

²⁴³ Ставрополье. – 1925. – №12. – С. 19-28.

В 1920-е годы официальная модель исторической памяти только складывалась, а унификация гуманитаристики не достигла еще своей вершины, как в 1930-е годы, поэтому в интерпретации революционных событий могли встречаться противоречия. Так, при освещении истории 1905 г. противоречия встречались в публикациях в одной и той же газете. Например, в номере газеты "Власть Советов", посвященной юбилею революции, был помещен на первой странице материал некоего Н.Т. (без указания точной фамилии) "1905 год", в котором отмечалось, что несогласованность действий пролетариата и крестьянства в Первую российскую революцию являлось причиной ее поражения. Рядом же располагалась статья, в которой говорилось со ссылкой на Л.Б. Каменева, что уже в 1905 г. существовал боевой союз рабочих и крестьян под руководством пролетариата²⁴⁴.

Наиболее широко отмечались в стране ежегодные годовщины Октябрьской революции, в организации которых принимали активное участие местные истпарты. Первая "круглая" дата Октября – десятилетие революции стала особенно мощным стимулом для пропаганды советских идей. В соответствии с указаниями центра в октябре 1926 г. постановлением секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) была создана комиссия по проведению десятилетней годовщины Октябрьской революции в регионе, в состав которой входил и заведующий краевым истпартом А. Лиманский²⁴⁵. В округах также при местных исполкомах были созданы подобные комиссии. Подготовка к юбилею на целый год стала основным содержанием пропагандистской работы истпартов. На местах выявляли участников революционного движения и Гражданской войны, павших и живых. Пропагандистская "реализация исторических документов" требовала организации выставок и "издательских работ"²⁴⁶. В разных регионах Северного Кавказа истпарты участвовали в организации празднования в разных формах. Так, на Кубани в период с 15 сентября по 7 ноября 1927 г. истпарт провел цикл радио-лекций на темы, охватывающие весь период революционной борьбы и Гражданской войны на Кубани. Для ознакомления "трудящихся масс" с историко-революционными местами в период с 1 октября по 7 ноября по этим местам были проведены экскурсии, а также проведен цикл докладов по истории "Гражданской борьбы на Куба-

²⁴⁴ Власть Советов. 19 декабря 1925 г. №1701. С. 1.

²⁴⁵ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.343. Л.2.

²⁴⁶ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.31. Л.1.

ни". Такие доклады были прочитаны и на рабочих собраниях по всему краю ²⁴⁷.

Десятилетие Октябрьской революции по указанию сверху широко освещалось в местной периодической печати. В публикациях, как уже указывалось, в массовое сознание внедрялась идея научности революционного способа преобразования действительности, морально оправдывалось революционное насилие, а также неизбежность и закономерность прихода к власти большевиков. Кроме того, центр требовал от испартов организации юбилейных выставок, подготовив схему их структуры. Выставка должна была состоять из пяти разделов. В первом должна была располагаться характеристика старого режима, а во втором – события Февральской революции. Октябрьская революция и Гражданская война шли самостоятельными отделами. Наконец, пятый раздел должен был быть посвящен социалистическому строительству. Вместе с тем, учитывая ограниченные возможности провинциальных испартов, допускалось сведение всех разделов в один, но с обязательной демонстрацией предпосылок революции и ее итогов ²⁴⁸.

Вышестоящие инструкции касались и форм организации выставок. На первый план нужно было выдвигать материалы, раскрывавшие действия рабочих и крестьянских масс. С помощью изобразительных средств надо было подчеркивать руководящую роль пролетариата и значение его политического союза с крестьянством. Необходимо было оттенить организующую роль пролетарского авангарда – ВКП(б). Массы и партии должны были быть представлены "в динамическом разрезе – процессе непрерывной борьбы, острых классовых столкновений". Требовалось демонстрировать социально-экономическую основу революционных битв, одержанных побед и понесенных поражений ²⁴⁹.

Именно в связи с десятилетием Октябрьской революции испарты в ряде регионов смогли на базе выставок открыть музеи революции в основном за счет местных средств. Такие музеи появились в Ставрополе, Таганроге, Владикавказе, Новороссийске ²⁵⁰. В тот момент они практически не были связаны с краевым Музеем революции, который переживал тяжелые времена. Несмотря на то, что 1927 г. был юбилейным, в феврале 1927 г. было принято постановление секретариата Северо-

²⁴⁷ Там же. Д.197. Л.30.

²⁴⁸ Пролетарская революция. – 1927. – №7. – С. 282.

²⁴⁹ Там же. – С. 283.

²⁵⁰ ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.825. Л.8.

Кавказского крайкома ВКП(б), признающего возможность временно-го закрытия краевого Музея революции с дальнейшим рассмотрением вопроса об его открытии ²⁵¹. Дело в том, что музей не был включен в бюджет края на 1927 – 1928 годы ²⁵². Даже выделение ему помещения становилось проблемой. В декабре 1927 г. предполагалось закрепление за краевым Музеем революции здания, отведенного под сельскохозяйственную выставку, после того, как она завершит работу ²⁵³. В мае 1928 г. секретариатом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято постановление о выдаче испарту одной тысячи рублей на его организацию ²⁵⁴. Однако об "окончательном оформлении" Музея революции было заявлено с начала 1929 г., после чего был произведен учет экспонатов и разработаны схемы отделов ²⁵⁵.

В Терском округе была осуществлена попытка создания выставки, посвященной Октябрьской революции. Инициатором ее организации стал уполномоченный краевого испарта в округе заведующий Терским архивным бюро, который являлся также членом окружной комиссии по организации празднования десятилетия Октябрьской революции. Однако идея создания выставки не была реализована ²⁵⁶. Из-за организационных и материальных сложностей Музей революции в г. Пятигорске был открыт позже. Только в 1929 г. постановлением Терского окружного комитета ВКП(б) была создана комиссия по сбору материалов в составе семи человек под руководством заведующего архивного бюро, который одновременно был уполномоченным краевого испарта, В.М. Белого. В реальности уже в конце 1929 г. комиссия распалась, и вся дальнейшая работа проводилась единолично В.М. Белым.

Располагался Музей революции в здании архивного бюро. Специальных средств на его организацию отпущено не было, только в 1931 г. была выделена Городским советом незначительная сумма – 31 руб. в месяц. В течение 1929-1932 годов перед музеем дважды ставился вопрос о его ликвидации или передаче в качестве подотдела Музею краеведения. В 1931 г. из-за отсутствия помещения Музей революции в течение восьми месяцев не работал, а его экспонаты хранились в ар-

²⁵¹ Там же. Д.554. Л.4.

²⁵² Там же. Д.825. Л.8.

²⁵³ Там же. Д.565. Л.5.

²⁵⁴ Там же. Д.728. Л.6.

²⁵⁵ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 305.

²⁵⁶ ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.999. Л.5.

живном бюро. Лишь в конце 1931 г. музею по договоренности с Клубом строителей была отведена неотапливаемая часть клубного здания с условием отчисления 50% всей выручки в пользу клуба ²⁵⁷.

В январе 1928 г. истпарты получили инструкцию, которая подтверждала одно из существенных направлений их деятельности. В соответствии с директивой Истпарта ЦК работники истпарта обязывались принимать активное участие в работе местных партийных организаций по проведению юбилейных кампаний и освещения исторический дат. Главная их задача состояла в издании юбилейных материалов в местной печати и подготовке вечеров встреч и юбилейных докладов. При этом истпарты должны были полностью согласовывать свои планы с планами местной партийной организации ²⁵⁸. Таким образом, истпарты окончательно закреплялись как элемент партийного аппарата.

В 1928 г. главными официальными юбилеями стали тридцатилетие I съезда партии и двадцатипятилетние II съезда. По этому поводу было даже принято постановление ЦК ВКП(б), в котором отмечалось, что I съезду партии не следует придавать характер широкой массовой агитации, а ограничиться проведением докладов на районных партийных и комсомольских собраниях и публикацией в местной периодической печати соответствующих статей ²⁵⁹. Методологической основой этих докладов и печатной продукции стали тезисы Истпарта и Агитпропа ЦК ВКП(б) ²⁶⁰. В большинстве регионов Северного Кавказа статьи в местной печати были полным аналогом этих тезисов. Следует отметить, что значение самих тезисов выходило за рамки юбилейных мероприятий. Они являлись своего рода установкой по вопросам истории партии. Отправной точкой для изучения истории местных социал-демократических организаций, согласно тезисам, являлась середина 1890-х годов, когда во всех крупных городах и промышленных центрах возникали социал-демократические организации.

При подготовке же к двадцатипятилетнему юбилею II съезда партии истпартам предписывалось проделать "большую основательную работу" ²⁶¹. Партийная директива требовала провести кампанию "в духе широкого и всестороннего освещения всей эпохи 1900-1904

²⁵⁷ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.3. Лл.6-9.

²⁵⁸ РГАСПИ. Ф.70. Оп.1. Д.187. Л.7.

²⁵⁹ Там же. Д.135. Л.4.

²⁶⁰ Там же. Д.64. Л.1-3.

²⁶¹ Там же. Д.135. Л.4.

г." ²⁶². В обращении Истпарта ЦК ВКП(б) к местным истпартам делалась идеологическая установка на то, что II съезд, принявший программу и устав, имел исключительное значение в истории партии, положив начало оформлению большевизма. В связи с этим истпарты на местах должны были активно участвовать в проведении этого юбилея в известных уже формах. Это были все те же публикации статей в региональной прессе, организация юбилейных выставок, доклады на предприятиях, вечера воспоминаний ²⁶³. В это время Истпарт ЦК ВКП(б) был в состоянии помочь местным истпартам не только рекомендациями, но и материалами. Такой подход был не только помощью, но и средством унификации работы провинциальных истпартов.

Так, центральный Музей революции разослал истпартам для местных выставок стандартные комплекты снимков ²⁶⁴. Работники музея подготовили подробные инструкции не только по содержанию, но и планировке и внешнему оформлению выставочного материала. Ключевой идеей, которая должна была закрепиться в массовом сознании, было положение о фундаментальном значении "искровского периода" и роли В.И. Ленина в создании партии нового типа. Только благодаря В.И. Ленину и "Искре" удалось спасти РСДРП от реформизма в борьбе с "оппортунизмом меньшевиков и другими мелкобуржуазными партиями" ²⁶⁵.

Наряду с общесоюзными революционными датами, истпарт принимал участие в освещении местных юбилейных дат, посвященных революционному движению. Таким образом, при формировании новой модели исторической памяти должна была найти отражение локальная специфика. В частности, Северо-Кавказский истпарт рекомендовал своим отделам в дни пятилетия восстановления Советской власти в округах и областях Северо-Кавказского края провести совместно с агитпропами вечера с докладами и воспоминаниями. Работники истпартов должны были разъяснять сложности Гражданской войны на Северном Кавказе, историческую неизбежность победы Советской власти в регионах, их достижения за пять лет советской власти в области советского, профессионального и партийного строительства ²⁶⁶.

²⁶² Пролетарская революция. – 1928. – №6-7. – С. 379.

²⁶³ Там же. – С. 380.

²⁶⁴ Там же. – №11-12. – С. 359.

²⁶⁵ РГАСПИ. Ф.70. Оп.1. Д.64. Л.30.

²⁶⁶ Там же. Оп.2. Д.421. Л.26.

Для исполнения этой рекомендации Кубанский истпарт в 1925 г. участвовал в организации празднования пятилетия Советской власти на Кубани. Для музея были созданы новые диаграммы производственных достижений, для проекции на экран были подготовлены более 20 фотографий видных деятелей Гражданской войны²⁶⁷. Донской истпарт подготовил тезисы к докладу, посвященному итогам советской работы на Дону за пять лет в их исторической части, в связи с пятилетием освобождения Ростова от белых²⁶⁸. В местной периодической печати истпарт опубликовал ряд статей и документов по соответствующей тематике²⁶⁹. Терский истпарт дал циркулярные указания всем райкомам РКП(б) округа об ознаменовании пятилетия со дня восстановления советской власти на Тереке устройством вечеров воспоминаний на предприятиях, в клубах, избах читальнях, в красных уголках, на которых участники революционных событий должны были выступать со своими воспоминаниями, предварительно написанными ими по предложенной схеме²⁷⁰.

Среди историко-революционных юбилеев местного значения краевой Северо-Кавказский истпарт в 1929 г. организовал юбилей десятилетия со дня разгрома большевистского подполья в Ростове-на-Дону. В Майкопе в том году отмечалось десятилетие разгрома советов и зверства ген. Покровского, на Кубани – десятилетие Таманской армии²⁷¹. В 1930 г. главной юбилейной датой было десятилетие установления Советской власти на Северном Кавказе. Кроме того, в это время праздновалось и десятилетие I Конной Армии. Основная работа по проведению этих местных юбилеев ложилась на плечи уполномоченных краевого истпарта. Для их проведения была создана краевая комиссия, в состав которой вошел заведующий истпартом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. Лиманский. В комиссии он отвечал за редакционно-издательскую работу. В действительности грандиозный издательский план не был реализован не только из-за пассивности истпарта, но и из-за полного отсутствия помощи со стороны общественных организаций. В итоге были вынуждены ограничиться публикацией тезисов и массовых брошюр²⁷². Следует отметить, что в это время

²⁶⁷ Пролетарская революция. – 1925. – №7. – С. 233.

²⁶⁸ Там же. – №4. – С. 268.

²⁶⁹ Там же. – 1926. – №2. – С. 274.

²⁷⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.362. Л.55.

²⁷¹ Пролетарская революция. – 1929. – №11. – С. 304.

²⁷² ГАСК. Ф.р-1161. Оп.1. Д.1432. Л.41.

истпарт много времени затратил на организацию двадцатипятилетнего юбилея революции 1905 г., хотя масштабы этого юбилея были гораздо скромнее юбилейных мероприятий 1925 г.

В 1930-е годы изменение функций работы истпартов непосредственным образом отразились и на их пропагандистской работе. Речь идет не столько о формах пропаганды, сколько об ее содержании. В первую очередь, это касалось новых идеологем, на которых строилось историческое повествование. Прежде всего, это культ вождя в лице Сталина, внедряемый в сознание советских людей. Своеобразным методом легитимности Сталина-вождя был образ Ленина. В результате складывался миф о том, что Сталин всегда стоял рядом с Лениным. Так, Сталин – великий революционер и наряду с Лениным был вождем Октябрьской революции, он был главным организатором победы в Гражданской войне. Это убедительно подтверждают современные исторические исследования²⁷³.

Подобные мифы вторгались и в региональные историко-революционные материалы. Например, в воспоминаниях И. Апанасенко о Гражданской войне, опубликованных к пятнадцатилетию освобождения Ставрополя от белых в 1935 г. под говорящим заголовком "Под гениальным водительством Сталина", все описанные в статье события и победу Красной армии были объявлены результатом "гениального плана" Сталина²⁷⁴. В статье на историческую тему, автором которой был руководитель краевого исполкома И. Пивоваров, И.В. Сталин цитировался многократно²⁷⁵. Правда, И. Пивоварова это не спасло ни от клейма "врага народа", ни от расстрела. Наряду со Сталиным в новой версии революционной истории нашлось место и узкому кругу лиц из его окружения – С.М. Кирову, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилову, С.М. Буденному. Отбор происходил и среди местных вождей и героев. В 1930-е годы, в отличие от предыдущего десятилетия, эти люди официально получили ореол святости, и о них можно было писать. Такими были павшие и живые в то время герои Гражданской войны. Например, И.А. Кочубей, Ф.Г. Шпак, И.Р. Апанасенко, К.А. Трунов и др.

Политика памяти советской власти отражалась и в топонимике региона, когда именами героев Гражданской войны с середины 1930-х годов стали называть улицы, населенные пункты, районы, формируя локальные "места памяти".

²⁷³ Данилов В.Н. Указ. соч. – С. 84.

²⁷⁴ Северо-Кавказский Большевик. – 12 апреля 1935 г. – №6 (338). – С. 3.

²⁷⁵ Там же. – С. 1.

Однако следует заметить, что до 1937 г. некоторые свидетели и участники революции и Гражданской войны, еще не пережив мясорубки репрессий, пытались протестовать против создаваемых официальных мифов, против героического "романтического повествования". В частности, такой протест время от времени проявлялся в замечаниях и предложениях на исторические публикации, присылаемых по просьбе истпарта. Например, замечания к опубликованной в августе 1934 г. в газете "Пролетарий Осетии" статье "Железная колонна" о событиях Гражданской войны в Осетии касаются умолчания того, что в августе 1918 г. во главе отрядов Красной гвардии, выбивших из г. Владикавказ белых, стоял не только Г.К. Орджоникидзе, но и другие члены Совнаркома. Кроме того, автор замечаний напоминал, что выбитые из города белые организовали новый фронт против Владикавказа²⁷⁶.

О новом содержании идеологических лозунгов свидетельствует сравнение публикаций в местной периодической печати в 1935 г., приуроченных к тридцатилетнему юбилею революции 1905 г., и материалов к двадцатилетнему юбилею в 1925 году. В 1925 г. трактовка событий 1905 г. имела целью придать легитимность власти большевиков, а в 1935 г. интерпретация этих событий была фактором легитимности сталинской власти. Кроме того, часто юбилейные публикации становились средством для устранения неблагонадежных лиц.

Так, статья "Пролог Октября"²⁷⁷, публикация которой была приурочена к тридцатилетнему юбилею революции 1905 г., спустя незначительный отрезок времени была подвергнута критике, хотя в ней присутствовали суждения, соответствовавшие официальной идеологической парадигме. К примеру, Первая российская революция практически во всех публикациях, начиная с 1920-х годов, определялась как "великий урок", этап на пути к Октябрьской революции. Однако автор обвинялся в том, что допускает "ряд грубейших политических ошибок, путаных формулировок в трактовке основных вопросов истории революции 1905 г."²⁷⁸. Н.Г. Буркину было поручено исправить допущенные "ошибки" в статье "К 30-летию революции 1905 г."²⁷⁹. По всей вероятности, автору первой статьи не могли простить заявления о том, что партия большевиков-ленинцев, будучи единственной партией, кото-

²⁷⁶ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.85. Л.10-14.

²⁷⁷ Северо-Кавказский большевик. – 22 января 1935 г. – №20. – С. 2.

²⁷⁸ Там же. 4 февраля 1935 г. №30. С.2.

²⁷⁹ Там же; 5 февраля 1935 г. №31. С. 6-7.

рая "нелицемерно" и активно возглавляла революцию, в то время находилась еще "в периоде собирания своих сил". Это положение не соответствовало идеологическим запросам сталинской власти, и Н.Г. Буркин причиной поражения революции 1905 г. называл не слабость партии, а союз буржуазии с царизмом при материальной поддержке со стороны иностранной буржуазии.

Ужесточение идеологического режима отразилось и на работе музеев революции. На многих сохранившихся в фонде истпарта фотографиях из Пятигорского Музея революции мы видим перечеркнутые лица, на части из них на оборотной стороне подписи – "враг народа"²⁸⁰. Характерным примером того, как приспособлялись истпарты и работники музеев к новым условиям, может служить работа Пятигорского Музея революции. В феврале 1932 г. секретарь оргбюро Пятигорской группы Северо-Кавказского филиала ВОСБ М. Быстров произвел проверку музея. В составленном акте обследования были затронуты вопросы "идеологического направления" Музея революции. Основные претензии были связаны с тем, что была нарушена последовательность освещения этапов борьбы рабочего класса, пропущены отделы Февральской и Октябрьской революций, не показана роль большевистской партии на протяжении всего периода революционной борьбы рабочего класса. Недопустимым было отсутствие лозунгов партии, слабое выявление участников революционного движения и руководителей из коренного населения²⁸¹. Результаты проведенной после проверки реорганизации показывают воздействие идеологической конъюнктуры в сталинском варианте на содержание экспозиции. В результате преобразований музейные работники получили похвалу за то, что в экспозиции была "хорошо показанная история Первой конной армии" и "замечательно" показанный "сталинский план разгрома деникинщины"²⁸².

Административные изменения на Северном Кавказе середины 1930-х годов потребовали создания самостоятельных истпартовских отделов, в том числе Северо-Кавказского в г. Пятигорске; Азово-Черноморского, а затем Ростовского в г. Ростове-на-Дону. Масштабы проводимых пропагандистских мероприятий в 1930-е годы вновь созданными истпартами были гораздо меньше, чем уже давно работавших

²⁸⁰ ГАНИСК. Ф.50. Оп.1. Д.88.

²⁸¹ ЦДНИРО. Ф.319. Оп.1. Д.3. Л.7об.

²⁸² Северо-Кавказский большевик. – 8 апреля 1935 г. – С. 5.

отделов испарта. В 1934 г. научными работниками Азово-Черноморского испарта для районных пропагандистов и докладчиков были проведены инструктивные доклады "О 17-й годовщине Октябрьской революции" и "15-летнем юбилее освобождения Азово-Черноморского края от белогвардейщины"²⁸³. По данным на июнь 1935 г. силами Азово-Черноморского испарта были прочитаны 31 лекция по истории ВКП(б) для партактива районов, города, учащихся ВУЗов, командного состава РККА и рабочих; сделано 16 радио-лекций; 6 докладов для пропагандистов города, партактива заводов, кандидатского состава номерного полка, членам Общества старых большевиков и рабочим заводов, проведено 15 консультаций с городским партактивом, пропагандистами фабрик, заводов и города, проведено 29 консультаций с пропагандистами города, инструкторским составом и парторганами Райкомов ВКП(б)²⁸⁴.

Согласно отчету за Азово-Черноморский испарт еще больше расширил пропаганду истории партии, местной большевистской парторганизации и партийного просвещения. Сотрудники испарта издали 12 журнальных статей и очерков, 11 статей в газете "Молот", прочитали 27 радио-лекций, сделали 118 устных докладов на историко-партийные темы. Кроме того, они проводили консультации пропагандистов и историков по вопросам истории местной парторганизации, Гражданской войны и революции в регионе²⁸⁵. По состоянию на июнь 1939 г. работниками этого же испарта было прочитано свыше 200 радио-лекций, популяризовавших вопросы истории партии²⁸⁶.

Анализ основных форм пропагандистской работы испартов позволил выявить пути трансляции идей не только с помощью публикации соответствующей литературы, но и использование всех доступных методов влияния на процесс конструирования исторического сознания в конкретный момент времени. Испарты активно участвовали на всем протяжении своего функционирования в подготовке и проведении историко-революционных юбилеев, как общероссийского, так и местного значения. В зависимости от трансформации идеологической парадигмы изменялось и содержание пропагандистской работы испартов. Если в 1920-е годы ее основным направлением являлась легитимиза-

²⁸³ РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171. Л.104.

²⁸⁴ Там же. Л.117.

²⁸⁵ Там же. Л.133.

²⁸⁶ Там же. Оп.1. Д.235. Л.74.

ция власти большевиков, формирование культа В.И. Ленина, то в 1930-е годы значительное место уделялось созданию культа И.В. Сталина посредством акцентирования фокуса общественного внимания на его революционных заслугах. Вместе с тем неодинаковая активность деятельности испартов изучаемого региона приводила к разной интенсивности использования форм пропагандистской работы.

* * *

Деятельность испартов в период своего существования определялась несколькими направлениями научного и пропагандистского характера. Среди них значительное место занимали научно-исследовательская и издательская работа и пропаганда через историю советской идеологии. Таким образом, испарты в центре и на местах формировали научную основу новой модели исторической памяти советского общества и одновременно выполняли пропагандистскую и воспитательную задачу по созданию нового типа личности.

Испарты начали свою издательскую деятельность при отсутствии подробных методологических инструкций со стороны центра, их подменяли предложенные схемы, что отразилось на качестве первых испартовских публикаций. Несмотря на то, что изданиям испарта стремились придать научный характер, одновременно они должны были отвечать условию возможности их участия в конструировании новой модели исторической памяти при реализации политики памяти.

Анализ изданий испартов Северного Кавказа позволил определить методы конструирования исторических образов в исторической памяти. Так, события располагались по заданной официальной моделью логике; история отдельных народов макрорегиона изображалась в мрачных негативных тонах для показа наличия местных предпосылок революционных преобразований; в публикациях обосновывалась длительная история большевиков в регионе и их ведущая роль в местном революционном движении. Однако, несмотря на изначально свойственную испартовским изданиям идеологизированность, авторам не всегда удавалось вложить особенности революционного движения в регионе в предложенную центром схему развития революции, поэтому в них можно встретить отражение некоторых реалий северокавказской истории.

В то же время содержание и формы научно-издательской и пропагандистской работы испартов Северного Кавказа в 1920 и 1930 годы

существенно различались. Набиравший силу процесс унификации, попытки подведения под общую схему революционного развития местных особенностей без опоры на конкретные факты, привели к тому, что суждения, не отвечавшие новым идеологическим требованиям, но уже отображенные в публикациях, получали публичное опровержение.

Исходной точкой для данного процесса явилось письмо И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма", а затем и концепция "Краткого курса истории ВКП(б)". Вследствие этого появился еще один метод конструирования новой модели исторической памяти, который состоял в бесконечном разоблачении и исправлении "ошибок", допущенных в публикациях. Это были и "покаянные" "записки" самих авторов, и многочисленные разоблачительные статьи в периодической печати, содержащие "правильную", с точки зрения правящей партии, историю революционных событий.

Заключение

Изучение функционирования сети истпарта Северного Кавказа под руководством Истпарта ЦК – Института В.И. Ленина – ИМЭЛЛ позволило увидеть, что их деятельность представляет особый элемент интеллектуальной истории России XX века. Истпарт впервые обратился к тематике, нехарактерной для традиционной российской исторической науки: история революционных, общественных движений, история партии большевиков, биографии партийных лидеров, история борьбы классов и партий. Истпарт был одним из средств формирования интеллектуального пространства советского общества, в основе которого должна была быть единая идеологическая парадигма. Спецификой формирования этого пространства были "директивные" методы. Подчинение Истпарта ЦК коммунистической партии предопределяло характер его деятельности. Партийные документы и решения регламентировали круг проблем, стоявших перед исследователями прошлого.

Структура Истпарта была подчинена задаче охватить общественное сознание всего населения страны. Создание местных отделов Истпарта делало его работу всеобъемлющей. Таким образом, были созданы механизмы, позволившие включить в процесс реализации политики памяти все пространство страны. 1920-е годы стали временем выработки организационной модели истпарта, в которой бы сочеталось стремление центра иметь максимально разветвленную систему истпартов с реальным наличием материальных и кадровых ресурсов на местах. При этом, несмотря на то, что была определена организационная структура осуществления истпартовской деятельности на региональном уровне в качестве отделов партийных комитетов, трудности воплощения идеи в 1920-е годы дали иные формы реализации заданий в области истпарта в регионах. Только с 1927 г. организационные формы работы истпартов унифицируются, которые продолжают существовать и в 1930-е годы.

Несмотря на единую структуру и общую цель, которая стояла перед истпартами, многообразие культурных, социальных, исторических, природно-географических составляющих локальных сообществ, представляющих единый мир российской действительности, приводил к неоднородности по интенсивности и качеству своего развития. Помимо сложностей в организации пространства истпарта, характерных для большинства регионов страны, на Северном Кавказе имелись свои особенности. В первую очередь они определялись полиэтничностью региона, отсутствием широкого местного научного сообщества, что затрудняло распространение работы на всю территорию Северного Кавказа. Ввиду отдаленности региона и неодинакового развития отдельных территорий Северного Кавказа изначально была определена необходимость существования истпарта, работавшего в краевом масштабе. При этом были воплощены две организационные формы краевого истпарта: 1) как координирующего центра истпарта работы на Северном Кавказе; 2) единственной истпартструктуры в регионе. Работа уполномоченных и групп содействия первоначально рассматривалась в качестве единственной возможности распространения работы истпарта в некоторых национальных местностях Северного Кавказа. Концентрация истпартработы в краевых административно-территориальных центрах приводила к неодинаково интенсивному включению всего Северного Кавказа в пространство истпарта. При этом наиболее вовлеченными в пространство истпарта оказались территории, населенные русскоязычным населением.

В процессе функционирования истпартов создавалась принципиально новая источниковая база для конструирования новой модели исторической памяти при строгой регламентации как основных направлений собирательской работы, так и содержательной специфики выявляемого материала. Работа истпартов опиралась на формирующуюся структуру архивов. Это определялось, с одной стороны, необходимостью решения кадровых вопросов, с другой – тем, что базой для истпартовских исследований, особенно в первые годы работы, являлись материалы архивов. Кроме того, сами истпарты не имели изначально ресурсов для организации хранения собираемых историко-революционных материалов. По мере упорядочения организационных форм истпартработы и трансформации в архивном деле, отвечавшем потребностям советской власти, эволюционировал и порядок их взаимоотношений с тенденцией к более четкому разграничению компе-

тенции двух органов. Собираемые материалы не ограничивались только большевистскими материалами, и историко-революционные и партийные фонды вначале комплектовались также документами оппозиционных и враждебных большевикам сил. Однако со временем этот пласт источников сужался, как "не достоверный".

Истпарты являлись также и инструментом реализации такого направления политики памяти, как регулирование доступа к архивным источникам. Во-первых, со второй половины 1920-х годов произошло ограничение доступа к фондам региональных архивных органов, т.к. разрешение на их использование могли давать только местные истпарты. Во-вторых, в структуре самих истпартов были созданы партийные архивы, концентрировавшие доступ ко всему собранному материалу.

В новом корпусе источников по истории революционных событий особо следует выделить источники личного происхождения – воспоминания о революционных событиях в конкретной местности, в результате собирания и обработки которых истпарты вышли, по сути, на новое направление: устную историю. Но теоретической рефлексии по данному факту не последовало. Сбор воспоминаний приурочивался, как правило, к конкретным историческим датам. Их основная масса была посвящена празднованию юбилеев революции 1905 года и Октябрьской революции. Истпарты имели специальные анкеты, разработанные центром, которые содержали большой перечень детальных вопросов. Эти анкеты определяли не только структуру воспоминаний, но и предопределяли их содержание. Таким образом, истпарты обладали определенными инструментами формирования новой исторической памяти не только всего населения, но и участников событий.

Однако следует подчеркнуть, что, как показал источниковедческий анализ, воспоминания 1920-х годов отличаются от более поздних меньшей степенью идеологизированности. Отсутствие идеологических штампов и идеологием в большей степени характерно для воспоминаний рядовых участников революционных событий, особенно в провинции. Используемые истпартами методы собирания воспоминаний являлись инструментом выработки новой модели исторической памяти масс как фундамента нового исторического сознания, лежащего в основе большевистской цели создания "нового человека". Вследствие того, что сбор воспоминаний осуществлялся только у свидетелей и участников событий, лояльных большевистской партии, создавалась закрытая для диалога модель исторической памяти.

Начиная с 1930-х годов, внимание истпартов было переакцентировано на собирание материалов о коммунистических вождях. Историю революционных событий потеснила история деятельности личностей, олицетворявших новую власть. Работа истпартов изучаемого региона в это время была сконцентрирована в большей степени на сборе воспоминаний о деятельности членов ЦК ВКП(б) на Северном Кавказе, особенно И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна. Формирование данного корпуса источников было напрямую связано с потребностями власти в оправдании своей текущей политики посредством историко-революционных заслуг.

Одной из особенностей процесса становления сети истпартов являлось стремление в их работе использовать широкие слои общественности. Это давало, с одной стороны, возможность расширить масштабы выявления информации об Октябрьской революции и местной деятельности большевиков, а с другой – увеличивало силу влияния новых идеологических установок в области истории на массовое сознание, тем самым внедряя в различные социальные слои новую модель коллективной памяти.

Истпарт был призван участвовать в процессе легитимизации власти правящей партии путем формирования новой модели исторической памяти. Коммунистическая партия придавала большое значение созданию работ по истории ВКП(б) и Октябрьской революции для выработки коллективной памяти, которая призвана была вытеснить прежние исторические представления. Кроме того, выпуск данной печатной продукции считался важным идеологическим направлением вследствие ее "воспитательного значения" для создания "нового человека". Это предопределяло тематику исследовательских изысканий сотрудников истпартов.

Как свидетельствуют факты, истпарты сыграли значительную роль в унификации исторического знания в масштабах всей страны. Происходило это путем методических рекомендаций Истпарта местным отделениям, которые привели к формированию единого исследовательского пространства. В любом регионе пользовались рекомендованными Истпартом общими планом работы и программами для подготовки монографий по истории Октябрьской революции и РКП(б). Регламентация центром источниковой базы для осуществления исследовательской работы являлась одним из значимых факторов, способствовавших выработке единообразной модели истории революционных

событий, внедряемой в историческое сознание. Марксистский подход, о необходимости применения которого повсеместно указывалось, на провинциальном уровне понимался исключительно как определенная идеологическая установка, которая проявлялась в местных исторических исследованиях только в виде соответствующей терминологии и двухмерной интерпретации документов.

Вместе с тем в 1920-е годы, когда еще до конца не были разрушены основы старого научного сообщества, когда еще не было окончательно ликвидировано воздействие сложившейся в прежние годы интеллектуальной среды, а также в целом процесс выработки концепции истории революционных событий не был завершен, число идеологических штампов и идеологем было гораздо меньше, чем в последующее время. Кроме того, на страницах истпартовских изданий первого послереволюционного десятилетия нашли отображение суждения, не соответствовавшие идеологической парадигме. Истпартами Северного Кавказа были созданы локальные нарративы, которые не в полной мере соответствовали властному представлению о содержательных аспектах модели исторической памяти и доминирующей идеологической конъюнктуре.

Однако уже для публикаций 1920-х годов было характерно подчинение исследовательского поиска задаче показать наличие местных социально-экономических предпосылок революции с целью легитимизировать факт революции в некоторых национальных местностях Северного Кавказа, а также выяснить причины "контрреволюционности" отдельных народов Северного Кавказа и казачества, что приводило к искажению их дореволюционной истории. В новой модели исторической памяти формировался образ "безрадостного" существования региона до революции для утверждения легитимности власти большевиков.

Несмотря на наличие стремления у рядовых сотрудников, работавших в истпартах в 1920-е годы, создать широкую, основанную на впервые использованных источниках историческую панораму российских революций, организационные и функциональные принципы истпарта постепенно превращали его в идеологический институт власти, направленный на конструирование новой истории, призванной изменить все интеллектуальное пространство страны. Влияние работ по историко-революционной тематике на процесс конструирования исторического сознания определялось изложением событий в соответствии с уста-

новками, когда история революционного движения и Гражданской войны становится историей прихода большевиков к власти, а многие проблемы при их освещении оказались вне сферы интересов истпартовских сотрудников. В целом истпарты создавали большевистскоцентричную историю революции и Гражданской войны.

В 1930-е годы произошла трансформация задач научно-исследовательской работы истпартов, исходной точкой для которой стала публикация письма И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция". Методы "планового руководства ЦК" созданием истории революционного движения в начале 1930-х годов усилились. Вся деятельность истпартов была подчинена задаче дискредитации опубликованных до октября 1931 г. работ, а также созданию нарративов, удовлетворявших идеологические запросы сталинского руководства при создании сталинской модели исторической памяти. При этом истпарты осуществляли научно-исследовательскую деятельность в условиях перманентной трансформации на протяжении всех 1930-х годов историко-революционной и историко-партийной концепции, которая удовлетворяла бы потребности единоличной власти И.В. Сталина. Детализированные объяснения по запланированным публикациям, отправлявшиеся истпартами в центр, были призваны свести к минимуму потенциальные отклонения от сталинской схемы. В это время наблюдаются попытки подведения истории местной большевистской партии под общероссийскую концепцию истории партии, которые проявились лишь наличием в текстах голословных утверждений ввиду отсутствия необходимых сведений в источниковой базе.

В 1930-е годы в истпартовских нарративах появляются такие черты, как прославление вождей революции, сосредоточение внимания на местных героях революционной борьбы. Построение исследования в это время осуществлялось в соответствии с точкой зрения на определенные вопросы исторического развития К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Кроме того, происходило смещение акцента с историко-революционной проблематики на историко-партийную. С выходом "Краткого курса истории ВКП(б)" разработки истпартов были прекращены.

Изучение научно-исследовательской деятельности истпартов, их издательской и пропагандистской работы позволяет говорить о них как инструменте политике памяти большевиков при реализации основных идей советской идеологии на локальном уровне. На всем протя-

жении существования истпартов наблюдается стремление, чтобы их научно-исследовательская работа служила современным потребностям партии. Соответственно ее изменение влияло на трансформацию истпартовских разработок.

Юбилейные даты были важным средством реализации идеологических целей власти по созданию новой модели коллективной памяти и внедрения ее в массовое сознание. Юбилейные даты превращались в вехи исторического процесса и блокировались в сознании "широких рабочих и партийных масс" через всевозможные мероприятия. Наиболее широко отмечались в стране ежегодные годовщины Октябрьской революции, в организации которых принимали активное участие региональные истпарты. Анализ основных форм пропагандистской работы истпартов позволил увидеть пути трансляции идей не только с помощью публикации соответствующей литературы, но и использование всех доступных методов влияния на процесс конструирования исторического сознания в конкретный момент времени. Истпарты активно участвовали на всем протяжении своего функционирования в подготовке и проведении историко-революционных юбилеев, как общероссийского, так и местного значения. В зависимости от трансформации идеологической парадигмы изменялось и содержание пропагандистской работы истпартов. Если в 1920-е годы ее основным направлением являлась легитимизация власти большевиков, формирование культа В.И. Ленина, то в 1930-е годы значительное место уделялось созданию культа И.В. Сталина посредством воспевания его историко-революционных заслуг.

Публикация материалов в периодической печати, издание монографий и популярной литературы, организация выставок и музеев революции, создание "красных уголков", устройство вечеров воспоминаний, чтение радио-лекций, выступление с докладами на собраниях, участие в организации занятий в школах и вузах и другие мероприятия, в которых местные истпарты принимали активное участие, призваны были пропагандировать и популяризировать основные идеи, которые должны были стать господствующими в общественном сознании.

Смена политического курса, поворот к приоритету государственного под идеологической завесой привычных лозунгов, а также то обстоятельство, что произошла трансформация массового сознания, утвердившаяся в его советском варианте, особенно у молодежи, сделали

ненужными функции истпартов, которые и были упразднены в 1939 г. Им на смену пришла система партийных архивов и институтов истории партии.

В целом, анализ деятельности истпартов Северного Кавказа продемонстрировал, что в процессе осуществления политики памяти советской власти конструировались сознательно искаженные образы прошлого для решения задач идеологического характера. Истпарты не только создавали интерпретации истории по партийным мотивам, но и предпринимали практические меры с целью убедить общественность в правильности интерпретаций.

Источники и литература

I. Источники

I. 1. Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1. Ф.70. Комиссия по изучению истории коммунистической партии и Октябрьской революции 1920-1928 гг.
2. Ф.71. Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) 1931-1991 гг.
3. Ф.72. Редакция журнала "Пролетарская революция" 1921-1941 гг.
4. Ф.147. М.Н. Покровский.
5. Ф.347. Институт В.И. Ленина при ЦК ВКП(б) 1923-1931 гг.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

6. Ф.4. Донской областной комитет РКП(б) 1919-1924 гг.
7. Ф.5. Донской окружной комитет ВКП(б) 1924-1930 гг.
8. Ф.6. I Донской окружной комитет 1920-1924 гг.
9. Ф.7. Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) 1924-1934 гг.
10. Ф.9. Ростовский областной комитет ВКП (б).
11. Ф.12. Истпарт.
12. Ф.319. Северо-Кавказское отделение Всесоюзного общества старых большевиков (ВОСБ) обр.1931 – ликв.1935.
13. Ф.910. Партархив Ростовского областного комитета КПСС.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

14. Ф. р-1161. Исполнительный комитет Терского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов (Окрисполком) г. Пятигорск. Май 1924 – август 1930.
15. Ф. р-299. Исполнительный комитет Ставропольского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окрисполком). 1924-1930.

Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК)

- 16.Ф.1. Ставропольский краевой комитет КПСС (бывший Северо-Кавказский крайком ВКП(б) до 1937 г.; Орджоникидзевский крайком ВКП(б) до 1943 г.)
 17.Ф.5938. Терский окружной комитет РКП(б) 1924-1930 гг.
 18.Ф.66. Партийный архив Ставропольского краевого комитета.
 19.Ф.6325. Ставропольский окружком РКП(б) с 18 декабря 1925 г. ВКП(б).
 20.Ф.7. Терский губернский комитет РКП(б).
 21.Ф.50. Истпарт.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

- 22.Ф.2830. Истпарт.
 23.Ф. 1774-Р. Коллекция документов по истории Кубани.

I. 2. Партийные документы

24. XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М. : Госполитиздат, 1963. – 883 с.
 25. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928. – 1416 с.
 26. Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М. : Гос-ое изд-во, 1920. – 16 с.
 27. О работе Института Ленина. Постановление XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. – Т.3. – 9-е изд. – М. : Политиздат, 1984. – С. 283-284.
 28. Об издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление XIII съезда РКП(б) // Там же. – С. 283.
 29. Об Истпарте. Постановление XIII съезда РКП(б) // Там же. – С. 272.
 30. Об органах Истпарта. Резолюция XII съезда РКП(б) // Там же. – С. 100.
 31. Протоколы IX съезда РКП(б). – М. : Партийное изд-во, 1934. – 612 с.
 32. Протоколы X съезда РКП(б). – М. : Партийное изд-во, 1933. – 954 с.
 33. РКП(б) Ставропольский губернский комитет. Десять месяцев работы. Отчет Губкома на IV-й Губернской Партийной Конференции. – Ставрополь, 1922. – 148 с.

I. 3. Опубликованные материалы

34. Бюллетень Истпарта №1. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 44 с.
 35. В.И. Ленин, КПСС и партийные архивы / сост. Е.А. Кучпа. – М. : ИМЛ, 1988. – 253 с.
 36. Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской партийной организации в 1917-1922 г. (Сб. документов и материалов). – Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1963. – 323 с.
 37. История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост.: Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. – М. : РОССПЭН, 2010. – 694 с.
 38. Сборник руководящих материалов по архивному делу. – М. : С. н., 1961. – 265 с.

I. 4. Произведения партийных и государственных деятелей

39. Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия. – М. : Воениздат, 1939. – 32 с.
 40. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Там же. – Т.41. 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – С. 398-408.
 41. Ленин В.И. Речь на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов в связи с обсуждением доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Там же. – Т. 42. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – С. 162-171.
 42. Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" // Сталин И.В. Сочинения. – Т.13. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. – С. 84-102.
 43. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций [Репринт. изд.]. – М. : Наука, 1990. – 331 с.
 44. Троцкий Л.Д. Уроки Октября [Репринт. изд.]. – Л. : Лениздат, 1991. – 364 с.
 45. Ленин В.И. Письмо В.В. Адоратскому 6 апреля 1920 г. о собирании материалов для истории гражданской войны и Советской республики // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т.51. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1970. – С. 176.
 46. Ленин В.И. Письмо И.И. Ходоровскому 6 апреля 1920 г. по поводу В.В. Адоратского, которого рекомендовано использовать как автора очерка истории революции // Там же. – С. 175-176.

47. Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 г. // Там же. – Т.7. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – С. 6-10.

I. 5. Публикации истпарта Северного Кавказа

48. Белый десант. Эпизоды из борьбы с Врангелем: Документы Истпарта. – Таганрог, 1928. – 32 с.

49. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1991. – 112 с.

50. Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. – Т.1. – Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1930. – 269 с.

51. Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. – Т.II. – Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1930. – 271 с.

52. Борьба с Врангелем. Сентябрьское наступление: Документы Истпарта. – Таганрог, 1928. – 40 с.

53. Борьба с калединщиной (декабрь 1917 г. – январь 1918 г.): По документам белых / Истпарт Донкома ВКП(б). Донокрархбюро ДИКа. – Таганрог, 1929. – 31 с.

54. Буркин Н.Г. Антилининские извращения в литературе по истории Октябрьской революции и гражданской войны у горских народов // Историк-марксист. – 1934. – №2. – С. 89-98.

55. Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1933. – 64 с.

56. Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1931. – 25 с.

57. В город вошла Красная Армия. К десятилетию освобождения Таганрога от белых (1920 г.): Документы Истпарта Донкома ВКП(б) / Донское окружное архивное бюро Донского исполкома. – Таганрог : Донская правда, 1930. – 32 с.

58. В дни власти Деникина (1919 год): Документы Истпарта Донкома ВКП(б). – Таганрог, 1929. – 48 с.

59. В.И. Ленин о Северном Кавказе и партийных организациях Дона, Кубани и Терека: Сборник / сост. Н. Буркин. – Ростов-на-Дону : Азово-Черноморское краевое изд-во, 1934. – 159 с.

60. Владикавказ в Октябрьские дни / под ред. и с поправкой Б. Гофман, М. Шаусен. – Владикавказ: Истпарт Владокркома, 1927.

61. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920). Исторический очерк. – Ставрополь : Став-

ропольская Окружная Октябрьская комиссия и истпарт окркома ВКП(б), 1928. – 226 с.

62. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. – Ростов-на-Дону, Краснодар: Буревестник, 1924. – 161 с.

63. Гурвич С. 1905 г. в Ростове-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 1925. – 62 с.

64. История пролетарской борьбы в г. Таганроге: Документы / Истпарт. – Таганрог: Красное знамя. – 65 с.

65. История революционного движения на Тереке. Сборник статей, воспоминаний, материалов №1. – Пятигорск: издание Тергубкома РКП(б), 1924. – 206 с.

66. Казнь крестьянки Ефросиньи Голда (Эпизод борьбы с белыми – революционного крестьянства Таганрогского округа в 1919г.) / под ред. К.В. Губарева. – Таганрог : Издание Истпарта Тагокружкома ВКП(б), 1928. – 32 с.

67. Корчин М. Раенко Я., Семернин П. Серго Орджоникидзе в Азово-Черноморье. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1937. – 198 с.

68. Корчин М.Н. К двадцатой годовщине освобождения Ростова. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1939. – 14 с.

69. Красная гвардия Таганрога: Документы Истпарта. – Таганрог : Красное знамя, 1928. – 47 с.

70. Красные повстанцы: Материалы о революционном крестьянском движении в Таганрогском округе (1900-1919 гг.) / Истпарт. – Таганрог. – 87 с.

71. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. – Краснодар : Буревестник, 1923. – 122 с.

72. Ленин В. И. и Сталин И. В. О классовой борьбе на Дону и Кубани в период 1917 – 1920 годов (Сборник) / сост. Раенко Я.Н. – Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1939. – 120 с.

73. Лиманский А. Заложники у белых. – Ростов-на-Дону : Севкавказ, 1927. – 97 с.

74. Октябрь в Таганроге. (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге) (1917 и нач. 1918 г.) / под ред. К.В. Губарева и Д.И. Боброва. – Таганрог : Издание Тагистпарта окружкома ВКП(б), 1927. – 56 с.

75. Октябрь на Кубани и Черноморьи. – Краснодар : Буревестник, 1924. – 166 с.

76. Октябрь на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону : Азово-Черноморское краевое изд-во, 1934. – 160 с.

106. Пролетарий Осетии. Орган обкома ВКП (б), облисполкома, ОСПС Северо-Осетинской автономной области. 1934-1937.

107. Северо-Кавказский большевик. Орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), крайисполкома и оргбюро. 1935-1936.

108. Советский Юг. Орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1924-1926.

109. Терек. Орган Терского окружкома ВКП(б), окрисполкома, совпрофа и горсовета. г. Пятигорск. 1923-1927.

б) Журналы

110. Пролетарская революция. Орган Истпарта ЦК РКП(б) – ВКП(б), с 1928 г. – Института В.И. Ленина, с 1931 г. – ИМЭЛ. 1921-1931, 1933-1941.

111. Ставрополье. Орган окружкома ВКП(б) и окрисполкома. 1924-1926.

II. Литература

II. 1. Монографии, сборники научных работ, статьи

112. Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни: (к десятилетию Советской Чечни). – Грозный: Чечизд-во "Серло", 1930. – 105 с.

113. Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20-30-х гг. // История и сталинизм. – М.: Политиздат, 1991. – С. 248-283.

114. Алаторцева А.И. Советская историческая периодика, 1917 – середина 1930-х годов. – М.: Наука, 1989. – 251 с.

115. Алексеева Г.Д. В.И. Ленин и создание центров советской исторической науки (1918-1923 гг.) // Вопросы истории. – 1960. – №4. – С. 123-139.

116. Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. – 1982. – №9. – С. 17-29.

117. Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917-1923). – М.: Наука, 1968. – 300 с.

118. Амиантов Ю.Н., Нелидов Н.В., Остроухова Н.А. У истоков советской историко-партийной науки // Вопросы истории КПСС. – 1970. – №9. – С. 113-120.

119. Андрухов Н.Р. У истоков историко-партийной науки (Краткий очерк деятельности Истпарта. 1920-1928). – М.: Знание, 1979. – 64 с.

120. Апикин А.В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) // Отечественная история. – 1995. – №1. – С. 78-92.

121. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: НЛО, 2014. – 328 с.

122. Бабиченко Л.Г. Письмо Сталина в "Пролетарскую революцию" и его последствия // Вопросы истории КПСС. – 1990. – №6. – С. 94-108.

123. Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись краеведческого музея (1847-2005). – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007. – 201 с.

124. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – №12. – С. 49-66.

125. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.

126. Бондаревская Т.П., Приймак Н.И. Революция 1905-1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905-1907 гг. в России. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 5-17.

127. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки по истории советского общества. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.

128. Брачев В.С. "Дело историков" 1929-1931 гг. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.

129. Булыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память: Мужвзвз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – Вып. 1. – С. 5-19.

130. Булыгина Т.А. Советская идеология и общественные науки. – М.: МАДИ, 1999. – 156 с.

131. Володина Н.А. Идеология в СССР в 30-е гг. XX в. // Власть и воздействие на массовое сознание: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 6-9.

132. Время – История – Память: Историческое сознание в пространстве культуры / отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 320 с.

133. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация. 1921-1935. Материалы международной научной конференции (26-28 октября 2001г.). – М.: Звенья, 2004. – 400 с.

134. Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.14. – М.: КомКнига, 2005. – С. 106-120.

135. Гладышев А.В. Историческое сознание и власть в XX в.: научная конференция в Саратове // Отечественная история. – 2005. – №4. – С. 206-210.

136. Головенченко А.Ф. Воздух науки или Литературовед в Пашковом доме // Библиография. – 2000. – №2. – С. 92-98.
137. Гордон А.В. Советское историознание как культурно-историческое явление: о "культуре партийности" // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы /Под ред. Л.П. Репиной. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 555-570.
138. Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания (Управление по делам архивов Краснодарского края, Центр документации новейшей истории Краснодарского края, Гос. архив Краснодарского края: сост. И.Ю. Бондарь, А.М. Беляев). – Краснодар, 2005. – 520 с.
139. Гугов Р.Х. и др. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. – Нальчик : Эльбрус, 1988. – 282 с.
140. Гуйван П.Н. К характеристике исторического сознания в российском обществе (субъективные заметки) // Сознание и история. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1993. – С. 3-10.
141. Гусев К.Г., Наумов В.П. Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. – М. : Мысль, 1971. – 228 с.
142. Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества: Курс лекций. – Саратов : Научная книга, 2005. – 190 с.
143. Денисов В.В. И.В. Сталин: объект и субъект историографии 30-х годов (взгляд на проблему из перестроечных времен). – Новороссийск : Новорос. гос. морская академия, 2002. – 56 с.
144. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 622 с.
145. Еремеева А.Н. Наука и власть: Кубанский контекст (1917-1941)/ А.Н. Еремеева, А.Ю. Рожкова, М.Р. Стругова. – Краснодар : Кубанькино, 2010. – 124 с.
146. Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород. 2000. – С. 182-238. // Электронное периодическое издание "Открытый текст". URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/?id=3383> (дата обращения: 24.03.2018).
147. Зеленев М.В. Главлит и историческая наука в 20-30-х гг. // Вопросы истории. – 1997. – №3. – С. 21-36.
148. Зеленев М.В. Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924-1937 годах // Вопросы истории. – 2004. – №11. – С. 3-27.

149. Зубкова Е.Ю. История и общественное сознание // Преподавание истории в школе. – 1994. – №1. – С. 38-43. 58.
150. Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). – М : Мысль, 1968. – 197 с.
151. Историческая наука в 20-30 гг.: "Круглый стол" научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. Историографический ежегодник. – М. : Наука, 1990. – С. 64-105.
152. Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: Научные доклады / Под ред. А.В. Гладышева, Б.Б. Дубенцова. – СПб. : Нестор-История, 2006. – 256 с.
153. История ВКП(б). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). 1938 г. – М. : Госполитиздат, 1945.
154. "История гражданской войны в СССР" (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 606 с.
155. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. – М. : РОССПЭН, 2004. – 744 с.
156. Калинин С.Б. Горский научно-исследовательский институт краеведения (К 80-летию образования) // Ставропольский хронограф на 2006 год. Краеведческий сборник /СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова. Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2006. – С. 263-271.
157. Комаров Н.С. К истории Института им. В.И. Ленина и Центрального партийного архива (1919-1931 гг.)// Вопросы истории КПСС. – 1956. – №10. – С. 181-191.
158. Комаров Н.С. Создание и деятельность Истпарта // Вопросы истории КПСС. – 1958. – №5. – С. 153-165.
159. Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый-второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 28. – М.: Красанд, 2009. – С. 342-357.
160. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за "чистоту" архивных кадров (1920-1930-е годы) // Отечественные архивы. – 1993. – №5. – С. 29-42.
161. Коровайников В.Ю. Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №1. – С. 112-123.

162. "Краткий курс истории ВКП(б)". Текст и его история: В 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. Ч. 1: История текста "Краткого курса истории ВКП(б)", 1931-1956. – 791 с.
163. Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России. – Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 1998. – 307 с.
164. Кумыкова Л. Становление архивного дела в Кабардино-Балкарии в 20–е гг. XX в. // Литературная Кабардино-Балкария. – 2008. – №2. – С. 187-190.
165. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. Ун-та, 1995. – 144 с.
166. Куренков Г.А. Зарождение и становления секретных архивов партии (1917-1941 гг.) // Вестник архивиста. – 2003. – №2. – С. 111-120.
167. Коровайников В.Ю. Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №1. – С. 112-123.
168. Лайпанов К.Т. Итоги разработки истории Октября на Северном Кавказе // Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1986. – С. 125-132.
169. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. – М. : Наука, 1969. – С. 186-224.
170. Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань : Татарское кн. изд-во, 1994. – 191 с.
171. Магомедов Ш.М. Дискуссионные вопросы истории социалистической революции в национальных районах Северного Кавказа // Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1986. – С. 15-26.
172. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). – Казань : Рутен, 2005. – 400 с.
173. Маслов Н.Н. "Краткий курс истории ВКП (б)" – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938-1988 годы // Советская историография / под ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : РГУ, 1996. – С. 241-269.
174. Маслов Н.Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929-1956). – М. : Знание, 1990. – 64 с.

175. Мининков Н. А. Н. Л. Янчевский – историк казачества и гражданской войны на юге России // Известия вузов: Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2007. – № 1, янв-февр. – С. 47-54.
176. Мининков Н. А. Н.Л. Янчевский: историк, писатель, революционер. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. – 272 с.
177. Мининков Н.А. "Диалог глухих": нравственно-психологический аспект дискуссии ростовских историков 20-50-х годов // Человек второго плана в истории. Вып.3: Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 2006. – С. 255-264.
178. Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. – 1988. – №5. – С. 57-70.
179. Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921-1956. – М. : Новый хронограф, 2010. – 600 с.
180. Музейная пропаганда 1920-30 гг. в зеркале прессы: Пособие для аспирантов / авт.-сост. Н. Г. Колокольцова, М. Ю. Юхневич). – М. : Б. и., 1991. – 74 с.
181. Невский В.И. Что сделано по истории революционного движения за 10 лет // Печать и революция. – 1927. – №8. – С. 62-69.
182. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 960 с.
183. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. / под ред. М.В. Нечкиной. – М. : Наука, 1966. – 854 с.
184. Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / под ред. В.П. Корзун. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.
185. Полли Джонс. Рецензия на книги Frederick C. Corney и Michael S. Gorham // Антропологический форум. – 2006. – №4. – С. 356-361.
186. 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917-1967. /Сост. А.И. Алаторцева, Г.Д. Алексеева. – М. : Наука, 1971. – 527 с.
187. Ратушняк Т.В. Краеведение на Кубани в годы репрессий (к постановке проблемы) // Вторые кубанские литературно-исторические чтения / науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2000. – С. 126-131.
188. Рейли Д. Революционное слово как оружие, или как язык довел саратовских большевиков до власти // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. – М. : КомКнига, 2005. – С. 162-176.
189. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – №5. – С. 39-51.

190. Репина Л.П. Историческое сознание и историописание // "Цепь времен": проблемы исторического сознания. Памяти профессора М.А. Барга / ред. Л.П. Репина. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 3-11.
191. Репина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
192. Репина Л.П. Категория "историческое сознание" в историко-историографическом исследовании // Чтения памяти М.А. Барга / ред. М.С. Бобкова. – М. : ИВИ РАН, 2006. – С. 158-168.
193. Репина Л.П. Концепция социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : ГУ-ВШЭ, 2005. – С. 122-169.
194. Рокитянский Я.Г. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. – 2008. – №4. – С. 10-23.
195. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // "Цепь времен": проблемы исторического сознания. Памяти профессора М.А. Барга / ред. Л.П. Репина. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 38-62.
196. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1: Конструирование прошлого. – СПб. : Наука, 2003. – 632 с.
197. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом: учеб. пособие для вузов. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 344 с.
198. Сидоров А.В. Историография и внутрипартийная борьба: дискуссия 1924-1925 гг. в РКП(б) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М. : Наука, 1996. – С. 416-423.
199. Советская историография: сб. ст. / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – 589 с.
200. Сургучев И. Большевики в Ставрополе. – Ростов-на-Дону, 1919. – 32 с.
201. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. – М. : Весь мир, 2000. – 296 с.
202. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. №4. – С. 3-14.
203. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. – М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
204. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб. : Изд-во "Владимир Даль", 2004. – 420 с.
205. Хорхордина Т.И. История и архивы. – М. : РГГУ, 1994. – 356 с.

206. Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк) / под ред. Д.С. Бабунина. – М. : Изд-во Глав. арх. упр. НКВД СССР, 1940. – 286 с.
207. Щеглов Ю.Н. Проблемы методологии исторического исследования массового сознания // Власть и воздействие на массовое сознание: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2005. – С. 122-126.
208. Энтин Д. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. – 1995. – №5-6. – С. 149-155.
209. Эррен Л. "Самокритика своих собственных ошибок". Истоки покаянных заявлений в среде партийных интеллектуалов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: материалы форума немецких и российских культурологов / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. – М. : АИРО-XX, 2002. – С. 50-65.
210. Якунин В.К. И.В. Сталин, сталинизм и историческая наука: Учебное пособие. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1991. – 90 с.
211. Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. – 1990. – №5. – С. 50-65.
212. Якушев С.В. Центральный партийный архив в 30-е годы // Вопросы истории. – 1991. – №4-5. – С. 25-33.

II. 2. Диссертации и авторефераты

213. Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997.
214. Гусева А.А. "Краткий курс истории ВКП(б)": история создания и воздействие на общественное сознание: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
215. Зайцев А.А. Региональный и политический процесс в условиях гражданской войны 1917-1922 гг. (на материалах Дона и Кубано-Черноморья): автореферат дис. ... доктора ист. наук. – М., 2009.
216. Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917 – 1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций (методика количественного анализа): дис. ... доктора ист. наук. – М., 2005.
217. Мерзлякова И.Л. Историческое сознание современного российского общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.

218. Свирида Н.К. Историческое сознание как явление культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2004.

219. Сердюкова С.И. Гражданская война на Северном Кавказе: история изучения проблемы: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1996.

220. Фельдман Д.М. Советская идеология в контексте политической истории России XX в.): автореферат дис. ... доктора ист. наук. – Саратов, 2007.

II.3. Справочные издания

221. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список: В 2 ч. / автор-сост., предисл. и прим. М.Е.Колесникова; науч. ред. М.П. Мохначева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – Ч. 1. 513 с.; Ч. 2. – 513 с.

222. Открытый архив – 2: Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917-2000 гг. / автор-составитель И.А. Кондакова. – М. : РОССПЭН, 2005. – 432 с.

223. Путеводитель. Республиканское государственное учреждение "Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики". – Черкесск, 2009. – 235 с.

224. Справочник. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Вып. 1. Фонды партийных комитетов и комиссий 1920-1930-е гг. – Краснодар, 1996.

II.4. Литература на иностранных языках

225. Corney F.C. Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, London : Cornell University Press, 2004. 301 p.

226. Heer N.W. Politics and History in the Soviet Union. London: Cambridge University Press, 1971. 319 p.

227. Holmes L.E., Burges W. Scholarly Voice or Political Echo? // Russian History. 1982. №9. pts.2-3. P. 378-398.

228. Laqueur W.Z. The Fate of the Revolution: Interpretations of the Soviet History from 1917 to the Present. Revised and updated. N.-Y.: Scribner

Содержание

Введение -----	3
Глава 1. Организация системы истпартов как инструмента политики памяти советской власти	
1.1. Истоки и принципы формирования системы истпартов-----	17
1.2. Создание и трансформация истпартовской сети на Северном Кавказе-----	36
Глава 2. Выявление истпартами Северного Кавказа материалов по истории революционного движения и истории партии как основы формирования исторической памяти жителей макрорегиона	
2.1. Вклад истпартов Северного Кавказа в создание нового источникового комплекса-----	67
2.2. Деятельность истпартов Северного Кавказа по созданию комплекса мемуарных нарративов как способ формирования новой модели исторической памяти-----	89
2.3. Содействие местной общественности собирательской деятельности истпартов-----	105
Глава 3. Научная и пропагандистская работа истпартов Северного Кавказа в системе политики памяти советской власти	
3.1. Создание регионального историко-революционного нарратива как основы конструирования новой модели исторической памяти в 1920-е годы-----	117

3.2. Истпарты Северного Кавказа и создание сталинской модели исторической памяти в 1930-е годы-----	146
3.3. Пропагандистская работа истпартов как фактор реализации политики памяти-----	170
Заключение -----	193
Источники и литература -----	201

Научное издание

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
В 1920-1930 годы (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИСТПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

КЛОПИХИНА Василина Сергеевна,
*кандидат исторических наук, доцент
кафедры Исторических дисциплин и
методики их преподавания, Ставро-
польский государственный педагоги-
ческий институт*

в авторской редакции

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**

Сдано в набор 21.11.2018. Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 13,61. Печ. л. 20,90. Тираж 500 экз. Заказ № 454.

Издательство «Ставролит», тел.: 8(962) 452-84-02,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru